

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №20, апрель 2023 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – Николай Миронов: «Уходят русские сыны» - стихи, стр. 1;
2 – Анатолий Гуляев: «Душа болит, а сердце плачет» - публицистика, стр. 2;
3 – Наталия Осипова: «Россия вновь сражается со старым смертельным врагом» - политика, стр. 4;
4 – Виктория Никифорова: «Вашингтон стремится развалить Россию по образцу СССР» - политика, стр. 5;
5 – Юрий Гамов: «Не предаёт Россия дружбу» - стихи, стр. 6;
6 – Полковник Чечель: «Огненный таран – подвиг продолжается» - публицистика, стр. 7;
7 – Александр Макаревич: «Прерванный маршрут», «Наш смысл – Родине служить!» - проза, пьеса в стихах, стихи, стр. 10;
8 – Константин Фролов: «Москва опять предупредила» - стихи, стр. 12;
9 – Анатолий Гуляев, Людмила Люболенкова: «Донбасс бомбят – опять в огне...» - стихи, стр. 13;
10 – Лариса Каратаева: «А у нас во дворе» - проза, стр. 14;
11 – Владимир Сахаров : «Как бывает на войне...» - стихи, стр. 15;
12 – Юрий Гамов: «Как много жизней выплакано в ночь!» - стихи, стр. 16;
13 – Оксана Боронихина: «Воспоминания о бабушке» - проза, стихи, стр. 18;
14 – Владимир Стряпин: «Братья» - стихи, стр. 19;
15 – Людмила Танкова: «Они знали правду о войне!», «Штыковая атака», «Руку на отсечение» - проза, стр. 20;
16 – Николай Максимов «Последний бой Ивана Савельева», «Месть шамана» - проза, стр. 25;
17 – Анатолий Устинкин: «Воробьи» - стихи, стр. 27;
18 – Анатолий Гуляев: «Туннель Тарубарова», «Знобящий «Норд-Вест» - проза, стр. 32;
19 – Зоя Гулишевская: «Впечатления о былом» - проза, стр. 37;
20 – Людмила Иванова: «Мне не дан судьбою шаманий лад» - стихи, стр. 45;
21 – Вячеслав Елатов: «Усятский самородок», «Прощальный венок» - литературоведение, стихи, стр. 47;
22 – Владимир Неунывахин: «Кожозеро» - проза, стр. 51;
23 – Альвина Симонова, Римма Храмцова, Нина Тверскова: «Нам войны не надо» - стихи, стр. 55;
24 – Сергей Гринберг: «Затерян в памяти сюжет» - литературоведение, стр. 56;
25 – Итоги литературно-творческой работы Южно-Кузбасского литсообщества и РЛХГА «Усятская россыпь» в 2022 году, стр. 58;
26 – «Памяти товарищей» - публицистика, стр. 60;

Николай Миронов

Уходят русские сыны

1. Уходят, уходят, уходят,
Уходят в дорогу сыны.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят в горнило войны.
Мы видим, как с болью уходят,
И сердцем их можем понять...
Уходят, уходят, уходят,
Запомни их, Родина-Мать!

2. Там где-то их ждут вертолёт
И мощные танки в броне,
Доставят их к ним самолётом,
Сойдут они там, на войне...
Их встретит когда-то родная
И братская наша страна...
Теперь она всем нам чужая
И волей врагов сплетена.

3. Как будто бы кружат метели
И сильные ветры всё рвут...
И как бы мы все не хотели,
Они по призыву уйдут.
Пусть пули их всех не заденут,
Вдали лишь снаряды рванут.
А те, кто по нашим стреляют,
Врагов настоящих найдут.

4. Когда-то мы были все вместе:
Клекочет лишь НАТОвский гад...
Давайте ему повсеместно
Устроим прощальный парад.
К чему слушать вражью бравладу,
Потомки советской страны.
И бьются сыны вновь за правду,
За правду и против войны....

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».
Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
ИНН/КПП 4223044383/422301001
ОГРН 1064223028572 от 27.12.2006
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г.
Управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу
р/с 40702810900000001744
«БСТ-БАНК» АО
к/с № 3010 1810 000 000 000 706
БИК 043209706
р/с № 40702810900000001744
ОКПО 97770147
ОКАТО 32437000000
ОКТМО 32737 000
ОКФС 16
ОКОПФ 12300
ОКВЭД 22.1,22.11,22.12,22.13,22.15,51.47.2,58.13.1
Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич
тел.: 8 906 987 1955; e-mail: tanckova.lyudmila@yandex.ru
Технический редактор: Танкова Л.А.
Время сдачи в печать 28.04.2023г.; по графику – 14.00; фактически – 14.00.
Дата выхода 30. 04. 2023 г.
Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г».
Газета распространяется на территории Кемеровской области.
Объём 14,0 п.л.; Заказ № 1785 ; Тираж 1000 экз.
Цена свободная.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник ВВС в отставке. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении трёх лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» в Прокопьевске. С 2007 года – редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

Душа болит, а сердце плачет

Когда забывается история

«Ах, война, что ты сделала, подлая:

*Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли –
Повзрослели они до поры...»*,

– сказал в своей песне «До свидания, мальчики...» широко известный и почитаемый в России поэт и бард Булат Окуджава. В песне говорится о Великой Отечественной войне нашей страны и нашего народа против «коричневой чумы» – гитлеровского фашизма. Но и сегодня, когда против России вновь выступила и «забржала» оружием Европа вместе с США, эти слова поэта и барда, нашего современника, стали актуальны. В связи с этим хочется воспользоваться цитатой из песни Владимира Высоцкого:

*«...И ещё будем долго огни
принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться
нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры
с названьями старыми,
И людей будем долго
делить на своих и врагов».*

Не берусь утверждать, что наши современники были пророками, но то, что в тексты их стихотворений и песен вложен глубокий философский смысл, это точно! Так уж, видимо, заложено СОЗДАТЕЛЕМ: на нашей планете Земля ИДИЛЛИИ, то есть мирного сосуществования между странами, не получается! И прежде всего между людьми, поскольку пока идёт борьба (войны), люди постоянно делятся «на своих и врагов»!

События последних 30 лет перекроили множество судеб и русских, и украинцев. Катком прокатились они по жизни простых людей в угоду политикам и бизнесменам. Раскололся мир на своих и чужих: врагами стали братья и сёстры, отцы и дети.

Всколыхнулись в сердцах украинцев злорадия и ненависть к русским людям, к тем, с кем делили тяготы войны 1941-1945 годов. Забылись кровавые рейды бандеровских банд, карательные акции против евреев, украинцев и русских. Забылся Бабий яр! Стёрся в душах победный май 1945 года, когда

Советская Армия разгромила германский фашизм, и на ступенях Рейхстага стреляли, обнимались, смеялись и плакали от радости солдаты и офицеры ста национальностей Советского Союза – русские, украинцы, татары, грузины...

Дети и внуки победителей фашизма, предав их, подняли флаги бандеровцев, начали уничтожение русской (то есть своей) истории.

Попав под неокOLONиальную зависимость от США, Великобритании, Германии, Франции, профашистский режим Украины начал войну против своего народа на юге страны. Территория ДНР и ЛНР превратилась в 2014 году в полигон для устрашения инакомыслящих.

Цифры и факты

Я не ставил перед собой целей исследования причин ненависти украинцев к русским. Оставляю это для политиков, экспертов и прорицателей. Приведу лишь общеизвестные исторические события.

865 год. Княжение в Киеве варягов Аскольда и Дира.

882 год. Образование русским князем Олегом Древнерусского государства, центром которого стал Киев. Олег становится правителем (регентом) при малолетнем князе Игоре.

957-972 годы. Правление в Киеве русского князя Святослава Игоревича.

964-965 годы. Русский князь Святослав Игоревич в походе на Итиль (Волгу) разгромил хазар и взял г. Саркел. Позднее, в 968-969 годах, его дружины разрушили города Итиль и Семендер. Хазарский каганат, постоянно совершавший опустошительные набеги на древнерусские города, перестал существовать. При князе Святославе власть древнерусских киевских князей распространилась на все восточнославянские племена.

1345-1377 годы. Правление великого князя литовского Ольгерда. Присоединение Киевских, Черниговских, Волыньских и Подольских земель к Литве военным путём.

1363 год. Поход Ольгерда к Чёрному морю, подчинение Литве Киевской земли и Подолии.

1569 год. Под прямое управление

Речи Посполитой по условиям Люблинской унии были переданы обширные территории Литовской Руси – Подляшье, Волынь, Подолье и Среднее Поднепровье, ранее принадлежавшие Великому княжеству Литовскому.

1648 год. Запорожские казаки подняли восстание под предводительством Богдана Хмельницкого. В 1654 году была создана Переяславская Рада, заявившая о переходе подконтрольных восставшим территорий под протекторат России.

В 1772-1795 годах, после разделов Польши, Правобережная Украина, Волынь и Подолье были включены в состав Российской империи.

1783 год. Крым официально вошёл в состав Российской империи.

1917 год. Февральская революция в России (25-26 февраля по ст. стилю). Низложение царя и ликвидация монархии.

Октябрьская революция (24-25 октября по ст. стилю). Низложение Временного правительства, образование Советской России.

В 1922 году был создан Союз Советских Социалистических республик, в составе которого была выделена Украинская Советская Социалистическая республика.

1939 год. В состав УССР вошла Западная Украина по договору о ненападении между СССР и Германией.

1954 год. Передача Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

24 августа 1991 года Верховный Совет Украинской ССР провозгласил независимость Украины.

1994 год. Украина, Россия, США и Великобритания подписали Будапештский меморандум, по которому Украина отказывалась от ядерных вооружений в пользу России.

2004 год. Украинская оранжевая революция.

2014 год. Государственный переворот в Украине. Народ Крыма воспользовался этим событием и своим правом на самоопределение. Путём референдума крымчане отделились от Украины, затем присоединились к России. Решение о присоединении принял народ Крыма, ведь по Конституциям обеих

стран только народ является источником власти, и никто не вправе эту власть узурпировать. Поэтому окончательное решение всегда за народом, и народ это решение принял, и Крым вошёл в состав Российской Федерации.

С апреля 2014 года на востоке Украины разгорелся вооружённый конфликт. Жители Донецкой, Луганской, Херсонской и Запорожской областей не приняли результатов госпереворота, власти же Украины (Порошенко) решили урегулировать конфликт военным путём.

21 февраля 2022 года РФ признала независимость ДНР и ЛНР.

24 февраля 2022 года Российская Федерация начала проведение специальной военной операции (СВО) по защите жителей ДНР и ЛНР от геноцида украинских властей.

23-27 сентября 2022 года республики Донбасса, а также власти подконтрольных российским военным территориям Херсонской и Запорожской областей провели референдумы о вхождении в состав России.

Украина в моей судьбе

...В моей жизни последние 30 лет сыграли роковую роль.

На своём примере хочу рассказать миру, как люди в одночасье могут стать врагами.

В 1972 году, после окончания Ачинского военного авиационно-технического училища, я получил распределение для продолжения военной службы в Крым. Именно там я прослужил 22 года в военной лётно-испытательной авиационной части на инженерно-технических должностях.

В уже родной части довелось мне пережить события 21 августа 1991 года – ГКЧП. Буквально через три дня, 24 августа 1991 года, на сессии Верховного Совета Украинской ССР, было объявлено о выходе Украины из состава СССР и независимости Украины от всех остальных частей СССР.

7 декабря 1991 года на встрече лидеров России, Украины и Белоруссии (Ельцина Б.Н., Кравчука Л.М. и Шушкевича С.С.) в Беловежской Пуше, в Белоруссии, произошло фактическое узаконивание произошедшего в Укра-

ине и дальнейший самороспуск СССР.

Наша воинская часть, дислоцировавшаяся в Восточном Крыму (то есть, в УССР, а теперь в Украине), как и многие другие воинские части бывшего Краснознамённого Черноморского флота, оказалась полностью отрезанной от Российской Федерации этим Беловежским Соглашением. Москва в тот момент нас просто бросила на произвол судьбы. Командующему КЧФ (Краснознамённого Черноморского флота) адмиралу Касатонову И.В. отвечали тогда из Московского Кремля с издёвкой: «Решайте все свои вопросы... — в Киеве!» Поэтому, что уж тогда можно было говорить о нашем Лётно-Испытательном Управлении ГК НИИ ВВС? Мы стали никому не нужны.

В общем, помыкались мы тогда между Москвой и Киевом, между расформированием нашей воинской части и переходом её под знамёна МО Украины. В итоге влились 10 января 1992 года во вновь формируемые Вооружённые Силы нового независимого государства — Украины, точнее, в ВВС МО Украины, как ГАНИЦ Украины (Государственный авиационный научно-испытательный Центр).

6 февраля 1992 года Верховным Советом Российской Федерации был принят закон РФ «О гражданах и гражданстве РФ». В нём говорилось, что все военнослужащие, состоявшие на этот день в составе Вооружённых Сил МО СССР, объявляются гражданами РФ. Я оказался таковым. Этим же законом РФ официально разрешила переходить бывшим военнослужащим МО СССР в образующиеся армии стран СНГ с сохранением за ними гражданства РФ и правом возврата в Российскую Федерацию в любое время, по их желанию, с предоставлением определённых льгот.

— С кем воевать будем, если что?.. — задал я вопрос на офицерском собрании части своему командиру и начальнику перед тем как «записаться» в Украинскую армию.

— С Россией воевать не будем! — однозначно, кратко и холодно ответил тогда мой командир.

«Всё будет по-старому! Что может измениться в нашей жизни, если Украина и Россия произросли из одного и того же корня и живут вместе не одно столетие», — думалось тогда мне, как и многим моим коллегам и товарищам.

Как мы ошибались...

После вхождения нашей воинской части в состав МО Украины мне и многим другим военным стало понятно, что жизнь становилась не такой, какой грезились нам ранее: нововведения стали активно ввинчиваться в нашу, прежде всего, служебную жизнь. Самое первое и самое безобидное нововведение, которое сразу же бросилось всем в глаза: со стен в командирских кабинетах, откуда раньше смотрел серьёзный Ленин В.И., теперь взирал на военных главный кобзарь Украины Шевченко Т.Г. Его портреты с явной любовью были украшены всевозможными украински-

ми рушниками и вышиванками.

Дальше началось странное. После каждого посещения вышестоящих инстанций в Киеве и Виннице (где размещались Главные Штабы МО и ВВС МО Украины) обратно мы в самолётах везли большие объёмы «гуманитарной помощи» в виде всевозможных книг (высококачественных с полиграфической точки зрения), выпущенных в Канаде на русском языке о «славной» истории УПА (украинской повстанческой армии) и УОН (украинской организации националистов), и их лидеров, типа Степана Бандеры.

С высоких трибун зазвучали речи, в которых Россия объявлялась главным и единственным врагом Украины. Оттого многим военным людям, считавшим себя русскими (россиянами), перспектива дальнейшей военной службы в Украинской армии стала неприемлемой по духу и определению. О том, что воевать Украинская армия готовится только с Российской армией, стало понятно всем нам уже тогда.

В начале 1994 года я решил уволиться с военной службы в Украинской армии и написал об этом рапорт. Такое же решение принял и мой заместитель и многие другие военные нашего Центра.

В конце июля 1994-го я был уволен с военной службы в должности заместителя начальника ГАНИЦ по ИАС (по инженерно-авиационной службе) в воинском звании полковника.

Почти в одно время со мной были уволены с военной службы в Украинской армии: начальник штаба Центра и его заместитель, заместитель начальника Центра по общим вопросам, заместитель начальника Центра по лётной работе, начальник службы безопасности полётов Центра, человек десять начальников испытательных отделов и многие другие офицеры среднего и нижнего должностных звеньев.

«Свои и чужие»

В 2014 году из-за майдановских и антимайдановских событий в Украине восстал народ Крымского полуострова, в результате проведённого референдума Крым отделился от Украины и воссоединился с Россией.

В процессе крымской «рокировки» 2014 года все украинские воинские части, расквартированные тогда в Крыму (без исключения), без единого выстрела передали все объекты и позиции представителям местных властей, многим позднее и представителям МО РФ. Видимо, тогда украинские военные ещё не считали себя врагами России и российских военных. Все, кто пожелал перейти на службу в армию РФ, были приняты на службу в Российскую армию; тех же, кто пожелал остаться на службе в Украинской армии, отправили в Украину, вместе с их штатным вооружением, документацией и прочим.

Однако в это же время украинские власти предприняли вооружённые действия против своих южных областей, не признавших государственный перево-

рот в Киеве. Южные области в основном населены русскими, они и стали первым объектом уничтожения. Киев приступил к полномасштабным боевым действиям против ДНР и ЛНР.

Российская Федерация много лет пыталась воздействовать на киевский режим для прекращения войны на юге Украины. Попытка урегулировать конфликт привела к подписанию Минских соглашений. Однако, по словам бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель, Европа не стремилась к выполнению Минских соглашений и не требовала этого от Киева. Западу необходимо было увеличить военный потенциал Украины для войны против России. Территория юга Украины планировалась как плацдарм для наступления на РФ. Началась эра оголтелой русофобии.

Народ ДНР и ЛНР с 2014 года подвергался бомбардировкам, русскоязычное население — откровенному геноциду. Жителям южных районов Украины ничего не оставалось делать, как подготовиться и провести референдум и по его итогам выйти из состава Украины. Они обратились к Российской Федерации с просьбой принять их в состав РФ. Именно так всё и произошло, что позволило Российской армии встать на защиту гражданского населения новых регионов нашего государства: исконно русские земли вернулись домой.

24.02. 2022 года руководство РФ приняло решение о начале проведения Специальной военной операции (СВО) по освобождению жителей ДНР и ЛНР от геноцида украинских неонацистов. Сводки с линии соприкосновения сил ВСУ и ВС РФ сегодня публикуются в средствах массовой информации.

При этом военнослужащие украинских националистических воинских формирований, как и военнослужащие других воинских частей и формирований ВСУ, наёмники, начали проявлять непомерную жестокость как по отношению к военнопленным из состава Российской армии, так и по отношению к мирному населению на контролируемых ими территориях. Стало понятно, что русско-украинский мир, прежде всего военный, разделился на «своих и чужих».

...В конце лета 1994 года после увольнения с военной службы я переехал на постоянное жительство в Кузбасс. Но моя дочь, учившаяся тогда на третьем курсе Днепропетровского государственного университета, не пожелала переезжать в Кузбасс вместе с остальными членами нашей семьи. После окончания университета она устроилась на работу в Днепропетровске, позднее вышла замуж за своего сокурсника и родила двух дочерей.

До 2015 года отношения между мной и семьёй моей дочери более-менее поддерживались. После 2015 года — фактически прекратились. В конце февраля или начале марта 2022 года, после начала СВО в ДНР и ЛНР, дочь перебросила мне по телефону гневное письмо. По всей видимости, написанное не

ею, а «родившееся и ходившее» в Интернете у них. В ответе на это письмо я попросил её не делать скоропалительных выводов и не принимать решений. Немногим позднее она кратко сообщила мне «эсэмэской» по телефону, что переехала с дочерьми из Днепропетровска в Польшу в качестве беженцев. Затем сообщила же, что переехала из Польши в Германию, в том же качестве.

Сына я привёз в Сибирь в 12-летнем возрасте, оформил в 6-й класс школы, в которой учился когда-то сам. Сын окончил школу, промышленный университет, отслужил в Российской армии. Но его всегда тянуло туда, где он родился, в Крым: там остались его друзья. Он очень тосковал в наших сибирских морозах по Крыму. Случилось непоправимое: в 2013 году сын умер.

Жена моя после переезда в Сибирь (как и я, на свою малую родину) при достижении 50-летнего возраста серьёзно заболела. Оттого можно сказать, что в конце своего жизненного пути остался я в жизни, да и в своей семье — один!

И кто в этом виноват? Горбачёв М.С., Ельцин Б.Н., Кравчук Л.М., бросившие народ Украины в жадные лапы англосаксов, ненавидящих Россию, жаждущих её погибели, чтобы захватить природные богатства и территорию! Народ Украины польстился на сладкие заверения Европы и США и встал на неонацистский курс, начав войну с собственным народом. Но никогда Европа не сделает Украину себе равной: нужны только её природные богатства, нужны базы, нужно пушечное мясо для войны с Россией.

Англосакский мир веками грабил колонии, устраивал революции, перевороты, уничтожал целые народы (США — уничтожение индейцев), наживался на войнах. И что этому миру какие-то украинцы?!

Я понимаю: мои беды касаются лично меня! Они ничтожно малы в сравнении с теми, которые вошли в жизни ни в чём не повинных людей, в ДНР, ЛНР, в России и в Украине.

Неприязнь кучки негодяев к своему окружению, их жажда наживы и власти переросли в войну, отняли у многих людей кров, родной угол, детей — у родителей, родителей — у детей, у многих отнята жизнь. Оттого только и остаётся обычному человеку сетовать и повторять сквозь слёзы: «Ах, война, что ты сделала, подлая...».

При этом сегодняшнее ГЛАВНОЕ ЗЛО не перестанет быть ЗЛОМ, более того, оно растёт, расширяется и прогрессирует! И так будет до тех пор, пока мы не искореним его полностью! ПОБЕДА должна быть на стороне праведных СИЛ, ЗА РОССИЕЙ, ЗА НАМИ!

В моей судьбе было главное — военная служба Отечеству. Жалею, что сейчас возраст не позволяет встать в строй.

Продолжение на стр 31.

Россия вновь сражается со старым смертельным врагом

**Наталья
ОСИПОВА**

Уникальный случай выпал на нашу долю — увидеть, что было бы, если бы деды не отвоевали нашу землю. История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но, видимо, слишком многие мечтали о том, как «мы пили бы баварское», если бы в 1941 году спокойно сдались Гитлеру. История решила: а, давайте, уговорили, возвращайтесь в прошлое, если уж так хотите. И все мы теперь немножечко попаданцы, хотели мы того или нет, — современники, провалившиеся в эпоху наших дедов и прадедов, в эпоху борьбы с нацизмом.

Началось не вчера. Вы же помните эти скандальные опросы-забросы, целью которых было зондирование и одновременно формирование общественного мнения на тему, что «стоило сдать блокадный Ленинград, чтобы спасти тысячи жизней». Сдаёшь город врагу — спасашь, пьёшь баварское. Держишь оборону — убивашь мирных людей, не Гитлер, а ты, сражающийся солдат. Подлая, невыносимо гнусная манипуляция, которая подменяет образ врага на доброго, участливого дядю. Немцы-то, немцы, эта культурная нация, нация Гёте и Шиллера, и накормила бы, и напоила, и работу, и кров дала. Простой обыватель уцелел бы.

Идеальная логика предателей, прекрасно изложенная в советском сериале 70-х годов «Рождённые революцией». Слова всё те же, знакомые.

«Значит, спокойно сидите по своим квартирам и ждите. Немцы никого не тронут. Вы — простые люди. С вас выжимали все соки. Вы кто? Коммунист, чекист? Зачем же уходить в неизвестность, на верную смерть? Немцы придут — дадут всем работу.

Немцы — это культурная нация, передовая, цивилизованная, вся история человечества связана с ними», — в фильме так говорил провокатор.

Ничего нового, впрочем. Аналогичное в «Братьях Карамазовых» говорит Павел Смердяков: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Обыватель формата «Смердяков»

обычно так устроен, что у него память куриная и интеллект не больше напёрстка. Поэтому он не в состоянии понять прочитанное, сделать выводы из книг, фильмов и документов. Сколько ни показывай печи Майданека идиоту, он всё равно будет бредить цивилизованной нацией, которая, если доведётся, победит нецивилизованную, его собственную, его самого.

И мы опять стоим на той же черте.

Как мы знаем, история повторяется второй раз в виде фарса и в третий раз — для тупых. Стадию фарса проехали быстро, почти не начиная: пара захлебнувшихся майданов, введение русских в статус неграждан в Прибалтике, шествия эсэсовцев в странах неонацистских шпротных этнократий, возмутительные в своем абсурде и смехотворности, наглости и антиисторичности заявления евробюрократии по поводу того, что Сталин равен Гитлеру и СССР виновен во Второй мировой войне наравне с рейхом, обвинения в послевоенной оккупации Европы. Но то, что мы воспринимали фарсом, историческим пиаром на костях, которым занимались европейские и российские мерзавцы, называющие себя почему-то либералами, оказалось прелюдией к трагедии.

И вот мы наблюдаем, что происходит в странах и краях, оставленных нами. Там, где Россия добровольно и мирно ушла или поделилась своим — землёй, промышленностью, народом, произведениями искусства, открытиями, инфраструктурой. Ушла, оставила. По вражеской версии — проиграла, отступила. Они считают эти земли и края отвоеванными в холодной войне. И теперь они делают там всё, что считают нужным.

Вспомним прекраснотушные всхлипы либералов и всяких «антиимперцев» о том, что не надо в День Победы парада, салюта, концертов, надо скорбеть, каяться и тихо чтить павших. Тех самых, чьими «трупам закидали», по выражению смердяковцев, врага. Не нравится празднование победы над нацизмом в России? Извольте полюбоваться на альтернативные мероприятия в Прибалтике, на осквернение могил, когда из земли в прямом смысле выковырывают наших дедов, останки наших великих победителей, святые солдатские косточки. Как вам такая версия истории? Теперь хорошо?

Не нравится советская монументальная пропаганда, слишком много поставили памятников советскому воину-освободителю, не все они художественно гениальны? Извольте любоваться варварским сносом, когда Родину-мать сбивают хищным красным

клювом бульдозера и она валится на бок, воздевая руки к небу. Так пойдёт?

И, кстати, убит не только монумент — приговорено всё живое. Жутковатая подробность: рыбок, обитавших в пруду возле монумента освободителям в Риге, том самом пруду, куда рухнула стела памятника, создав два голубиных крыла из брызг, — этих рыбок выловят и скормят животным в зоопарке. Какое символизм! А то мало ли что те рыбы, проникнувшись духом освободителя, нашепчут гражданам Латвии и негражданам. Местные законы запрещают перенос рыбы из одного водоёма в другой, поэтому только так. Экологично. По той же логике убили жирафа Мариуса в датском зоопарке, расчленили на глазах детей. Тоже какие-то законы нарушал. Убить!

Для тех, кто не верит в документальное кино и архивные материалы, реальность выкладывает знаковые образы, сцены, события. Факельные шествия? Имеются! Убийства по национальным и политическим мотивам? Сколько угодно! Террор? Разумеется! Возрождение нацистской символики? Конечно! Искоренение национальной культуры, языка врага? Безусловно!

Про героизацию Бандеры и Шухевича, про называние улиц и площадей именами преступников я даже не говорю. Правда, не нашлось по убогости нынешних нацистов среди них фигуры, равной любимому архитектору Гитлера Шпееру: чтобы тот построил во Львове или Юрмале город-мекку нацизма по лекалам идеологической столицы рейха — Нюрнберга. Но не надо обольщаться. Эти нацисты хоть менее эстетически одаренные, но цели их всё те же. Просто времени у них мало, горюются.

Приведу фрагмент из стенограммы Нюрнбергского трибунала:

«Экснер (юрист, защитник Йодля на процессе — прим. автора): Я бы хотел сейчас вас прервать. В своём дневнике — документе номер PS1807 — вы пишете 12 июня 1942 (страница 119, вторая документальная книга): «Германская полевая полиция разоружила и арестовала роту усташей из-за жестокостей, совершённых против гражданского населения в Восточной Боснии».

Я бы хотел здесь добавить, что это заслуживает внимания, потому что данная рота усташей была чем-то вроде войск СС в Хорватии и сражалась на германской стороне. Из-за жестокостей германская полевая полиция арестовала роту усташей.

«Фюрер не одобрил данную меру, которую предприняли по приказу командира 708-й дивизии, так как она под-

рывает авторитет усташей, на котором зиждется всё хорватское государство. Это обязательно окажет более пагубное влияние на мир и порядок в Хорватии, чем волнение населения, вызванное этими жестокостями».

Это был тот инцидент, о котором вы сейчас подумали?

Йодль: «Да».

О чем это напоминает? О том, что использование нацистских батальонов для укрепления режима — старая недобрая практика, которую использовали гитлеровцы. Усташы были в Хорватии, «Скрещенные стрелы» — в Венгрии, латышский легион СС — в Латвии. На современной Украине эту роль играют «Азов»*, «Айдар» и «Торнадо». Украина была вынуждена осудить торнадоцев как особо зверствующих: информация об их преступлениях попала в «Амнести Интернэшнл» — отбояриться не получилось. Но теперь они снова на свободе, убивают русских. Есть логика удержания власти нацистами — эти режимы стоят на непрерывно возрастающем терроре. Политика Запада в Восточной Европе построена как раз на этом механизме управления неонацистскими этнократиями. Так что «Азов»* из этой песни не выкинешь, ибо он есть инструмент удержания власти. И не власти Зеленского, конечно.

Современная бессовестная русофобская пропаганда, которую мы сами часто называем успешной, построена по тем же лекалам, иногда совпадающим до запятой. Длинная цитата, но она того стоит:

«Нет сомнения, что все в Европе, не исключая как раз и нас, немцев, недооценили этих русских. Мы недооценили их в их грубой организации. Мы не сразу заметили, что в этой России произошло то, что 700 лет назад происходило несколько дальше, в Монголии. Что один родившийся в каком-то уголке Азии жестокий диктатор, гигант, называйте его хан, каган или великий хан, за короткий период мобилизовал огромные силы, в азиатской форме организовал и вооружил их, чтобы начать победоносный поход на Запад».

Да это же речи каждого первого болванчика ЕС.

«И теперь — новое нашествие из Азии в исполнении этого 200-миллионного народа. Мы, конечно, думали, что сможем сломить, прежде всего, материальную часть русских (имеются в виду военная техника и прочие средства ведения войны — прим. пер.). Я твердо убежден, что мы сломим их людские ресурсы. Их 200 миллионов. <...>

Я считаю — и здесь, как я думаю, я обращаюсь к тем, кто это и так понимает, — что мы должны подходить к ве-

дению этой войны и нашего похода (на Восток) следующим образом: как мы лишим русских наибольшего количества людей — живых или мертвых?

Если мы — и я убежден в этом — будем в целом вести войну, последовательно проводя эту линию на уничтожение людей, то лично я не сомневаюсь, что ещё в течение этого года и следующей зимы русские будут обескровлены».

Вы думаете, это посол Украины Врублевский, который заявляет, что надо убить как можно больше русских? Или Шольц, которому смешон геноцид? Или глава евродипломатии Боррель, который ставит целью выиграть войну с русскими на поле боя? Или президент Латвии Левитс, который собирается «изолировать» русских, своих сограждан? Или премьер Дании Фредериксен, которая заявила, что это их война за веру, за мир, построенный на их правилах? Нет, это Гиммлер, 1943 год, его выступление в Харькове перед дивизиями СС. Только нас меньше 200 миллионов, к сожалению.

Оставленная нами русская земля превращена Украиной в Антироссию, где язык и культура под запретом, где всё русское уничтожается на корню. Потому что мы забыли о том, что было их целью тогда. Или до конца не верили. Не может же цивилизованная нация... И зря.

Гиммлер осенью 1942 года выступает с речью в юнкерской школе СС в Бад-Тельце и разъясняет, как будут использоваться территории, отвоёванные у СССР: «После победы германского народа нам предстоит освоить и колонизировать восточное пространство и включить его в ареал европейской культуры. В течение 20 лет с момента окончания войны — я поставил перед собой эту задачу и надеюсь решить её вместе с вами — нам надо отодвинуть германскую границу на 500 километров на восток. Это означает, что мы должны на-

править туда наши крестьянские семьи, организовать переселение лучшей германской крови и подчинить многомиллионный русский народ достижению наших целей».

Фактически эта граница (тогда немецкая, а теперь — натовская) сейчас отодвинута на восток. Понадобилось тридцать лет. И многомиллионный народ, которому рассказали, что он не русский, а украинский и русофобский, подчинён достижению их целей. Какие же цели? Те же.

Послушаем Герберта Бакке, статс-секретаря министерства сельского хозяйства и продовольствия рейха, автора аналитической записки экономического штаба плана «Ост» — плана разграбления территории СССР — от 23 мая 1941 года. Уроженец Батуми и знаток нашего сельского хозяйства предлагал полностью разорвать продовольственные цепочки между чернозёмными регионами-донорами на юге и промышленными регионами-потребителями в Центральной России. Узнаете план? Было сделано. Продовольствие и сырьё требовалось для Вермахта и жителей Германии, которая из-за британской морской блокады находилась на пороге продовольственного, сырьевого и энергетического кризиса. Ощущение, что читаешь ленту новостей, верно?

А что же русские? А как же украинцы? Кто даст им (нам) хлеба?

«Многие десятки миллионов на этой территории станут излишними и умрут или должны перебраться в Сибирь. Попытки спасти население от голодной смерти поставками из плодородных областей могут осуществляться только за счёт снабжения Европы. <...> Регулирование рынка и выделение продуктов для этого региона (то есть Великороссии) исключены, потому что такое выделение означало бы, что у немецкой администрации есть какие-то обязательства перед населением. Подобные

претензии заранее исключаются».

Иными словами, что будут есть жители Украины, американского шерифа и еврокомиссара не волнует. Они читали исторические документы, в отличие от прекрасодушных идиотов. И пишут их заново. Всё с тем же содержанием.

Продолжать можно долго.

Кстати, даже бестрепетные обстрелы Запорожской АЭС Украиной, которая, казалось бы, в случае попадания станет зоной радиационного поражения, тоже легко объясняются, если знать историю. Нацисты искали способ быстрой и дешёвой стерилизации славянских народов. Личный референт рейхсфюрера оберштурмбанфюрер СС Рудольф Брандт писал о целях этих исследований предельно откровенно: «Гиммлер был чрезвычайно заинтересован в создании дешёвого и быстрого способа стерилизации, который можно было бы применить против врагов Германии, таких, как русские, поляки и евреи. <...> Рабочая сила стерилизованных людей могла бы эксплуатироваться Германией, в то время как угроза их размножения была бы пресечена». Самым эффективным методом считалась тогда радиация. Выгодная ещё и тем, что жертва не видит и не ощущает момента облучения. Очень удобно. Эксперименты по облучению проходили в Освенциме под руководством оберфюрера СС Виктора Германа Брака. Тогда не знали, что радиация не только делает человека бесплодным, но ещё и убивает. Теперь знают. Так что обстрелы АЭС дают нам возможность судить о целях провокаторов.

Примеры можно множить. Одна из целей, любимая, повторяющаяся из века в век, — и теперь они опять прямо упоминают её в своих документах, которые якобы пишет «российская оппозиция», — расчленив Россию, лишить армии, уничтожить как самостоятельную силу. Мы имеем уникальную воз-

можность ткнуть в суровую реальность тех, кто валяет дурочку или отказывается понимать суть момента: «Ой, вы что, верите в то, что Америка и Европа хочет на вас напасть? Да кому мы нужны, да кто нам угрожает?» Не верим, нет! Мы видим. Своими глазами. Лучше бы не такой ценой, конечно, не ценой разорванных американскими «Хаймарсами» детей, но, к сожалению, мы плохо помнили про нацизм, невнимательно читали скучные будто бы документы, забросили в дальний шкаф учебники. Пришлось истории повторить урок.

«В Треблинском лагере уничтожения был построен фальшивый вокзал с кассами, расписанием поездов и прочим, чтобы высадившиеся из эшелона не могли сразу сориентироваться и понять, что их привезли в глухой тупик. В некоторых случаях людей заставляли перед смертью писать письма родным, что усыпляло беспокойство и подозрения», — это свидетельство есть в «Чёрной книге», составленной Эренбургом и Гроссманом. До последнего нацисты не хотели давать знать людям, что собираются их убить. Но чем больше становился масштаб уничтожения, тем меньше требовалось декораций. И к концу войны перешли к промышленному производству смертей, практически в открытую, и усовершенствовали технологию уничтожения трупов — тоже открытым способом, уже даже без печей.

Разница между нацистами, побеждёнными и истлевшими в могилах, и нынешними, упитанными, самоуверенными, предвкушающими убийство русских и подпрыгивающими от нетерпения, только во времени. Но у нас есть фора, заработанная нашими дедами, — теперь мы знаем, что в наших силах их победить.

* *Террористическая организация, запрещённая в России.*

Вашингтон стремится развалить Россию по образцу СССР

**Виктория
НИКИФОРОВА**

Сегодня западные СМИ во всех бедах мира винят «вторжение России на Украину». Просто всех собак на нас вешают. Голод в Англии, обнищание Европы, мятежи и бунты, захлёстывающие бывший «золотой миллиард» — во всем виновата СВО. Но кто первым начал на Украине?

Ответ на это даёт доклад американского исследовательского центра RAND Corporation. Он написан в 2019 году, и там, как по полочкам, разло-

жены действия Вашингтона на ближайшие несколько лет, для того чтобы ослабить и развалить Россию. Эскалация на Украине — один из важнейших пунктов.

Доклад называется «Растягивая Россию: конкуренция с выигрышной позиции».

Вы видели, как во время футбольного матча одна из команд внезапно останавливается на месте, начинает бесконечно пасовать друг другу, передаёт мяч вратарю, тянет время? Зачем, казалось бы?

А это они «растягивают» оборону противника, стремясь найти в ней слабое место и прорваться к чужим воротам. Вот именно так ещё три года

назад в Вашингтоне запланировали «растянуть» оборону России.

Для начала авторы предаются сладкой ностальгии по 1980-м. Тогда, полагают они, Америка сумела выиграть холодную войну благодаря тому, что под предлогом «Звёздных войн» втравила СССР в гонку вооружений, воевала против Советов руками прокси-моджахедов в Афганистане, раздухарила антисоветскую пропаганду и поддержала пятую колонну — ах, извините, я хотела сказать советских «диссидентов».

Развалить Россию сегодня предлагается по тем же лекалам: с поправкой на то, что, уменьшившись в размерах, Россия, по мнению наших кон-

трагентов, стала гораздо сильнее, чем СССР.

Авторы доклада отлично помнят, что ослаблению экономики Советского Союза способствовало резкое снижение цен на нефть в 1980-е.

Поэтому первое, что должны сделать Штаты, — добиться такого же снижения. Для этого нужно предельно нарастить свою добычу и потребовать того же от союзников (ну вы помните, как Джо Байден клялся недавно это у саудитов и получил отказ).

Параллельно требовалось остановить строительство «Северного потока-2», перевести Европу на американский СПГ и таким образом

лишить Россию доходов от экспорта углеводородов.

Потом, конечно, санкции — о, это сладкое слово. Напомним: это «вегетарианский» 2019-й. Нет ещё ни СВО, ни даже пресловутого коронавируса. Но партнёры уже планируют финансовые санкции против наших банков, отраслевые санкции с упором на оборонку, санкции второго порядка в отношении стран, которые в них не участвуют, и мечтают о том, как разорят Россию.

От неумолимо нарастающих санкций бюджет России потеряет сотни миллиардов долларов, пенсии и зарплаты платить будет нечем, начнутся выступления граждан — Вашингтону профит. Да, эти санкции ударят и по самим американцам, признают авторы, но тут уж «чёрт с ним, что хата сгорела, главное, что у соседа корова сдохла».

Однако упираются все эти мрии в одну проблему: непонятно, как заставить всех вассалов Вашингтона слезть с иглы российских углеводородов и принудить участвовать в коллективных санкциях?

На чём их всех объединить? И тут авторы вспоминают про Украину. Вот идеальный инструмент для ослабления России. Накачаем её оружием, пообещаем членство в НАТО (учитывая, что инициативу всё равно заблокирует Старая Европа). Тогда Россия будет вынуждена ввести войска в Донбасс и втянуться в изматывающий конфликт, который надолго истощит её оборонку и экономику. Украина станет вторым Афганистаном и приведёт нашу страну к коллапсу.

Одновременно кейс Украины позволит сплотить европейских вассалов. Он же обеспечит возможность расширения НАТО за счёт Финляндии, Швеции и экспансии Североатлантического альянса в Арктику. А также втягивания в орбиту Вашингтона Грузии, Молдавии, стран Средней Азии.

Обо всём этом эксперты RAND писали в 2019 году. А как это происходит сегодня — мы видим воочию.

Американцы эксплуатируют конфликт Армении и Азербайджана, «окучивают» лидеров Казахстана, Киргизии, Узбекистана, уговаривают Грузию поучаствовать в конфликте на Украине, а Молдавию — выгнать российских миротворцев из Приднестровья. Финляндия и Швеция уже перетаптываются на пороге НАТО.

Как видим, обострение на Украине планировалось американцами задолго до начала СВО. И совершенно справедливо отметил Путин: если бы она не началась, «санкции против нас всё равно бы ввели». И дикую русофобию развели бы, и cancel culture запустили бы «на максималках». И точно так же попытались бы снести Лукашенко: смена власти в Белоруссии заявлена в докладе

RAND как один из шагов по ослаблению России. Потому что всё это — этапы одного и того же сценария, мало изменившегося с 1980-х.

Вместо афганских моджахедов у нас сегодня пляшут боевой гопак украинские прокси-казаки. Вместо обрушения цен на углеводороды идут прямые атаки на наши газопроводы. Вместо разжигания протестов в странах Варшавского договора — организация майданов в постсоветских республиках, вместо антисоветской пропаганды — антироссийская пропаганда. Как говорится, найдите десять отличий.

Цель всех этих мероприятий тоже не изменилась — развалить Россию точно так же, как в своё время был развален Советский Союз.

Внутри нашей страны эксперты RAND предлагают проводить информационные диверсии. Круг тем тут довольно известный. Особенно забавно выглядит первый пункт плана — скомпрометировать российскую избирательную систему, организовав вбросы про «карусели», нарушения при подсчёте голосов, вот это вот всё.

Ребята, вы там точно ничего не перепутали? Это не у вас избирают невменяемых (типа Феттермана в Пенсильвании) или вообще мёртвых (как Тони Делука) граждан? Это не у вас голосует бог знает кто — без ID, безо всего? Это не у вас миллионы граждан считают руководителем страны незаконно избранным?

Ну ладно, в сторону.

Вторым пунктом идёт разоблачение коррупции среди высокопоставленных чиновников с упором на «богатство» лично Владимира Путина. Разоблачения должны вбрасываться через Интернет. Упомянется блогер Навальный.

Ну да, всего через несколько месяцев мы увидели на YouTube ролик Навального про «дворец Путина», который оказался и не дворцом и не Путиным. Блогер честно зачитал плохо переведённый с английского текст, состряпанный его хозяевами. На YouTube накрутили просмотров. Партнёры работали по методичке. Результатов это не дало.

Дальше американцы должны, по мнению RAND, заняться разжиганием в России протестных акций во всех форматах — митинги, пикеты, забастовки, демонстрации. При этом следует не светиться и действовать так, чтобы протесты выглядели спонтанными. «Даже оппоненты российского режима скептически относятся к попыткам Запада использовать протесты», — самокритично отмечают авторы доклада.

На международной арене предлагается добиться того, чтобы исключить Россию из G20, подвергнуть её граждан визовым ограничениям и запретить проводить крупные международные мероприятия. При этом надо всё время подмигивать, намекая, что санкции снимут, если Москва бу-

дет вести себя «правильно».

И ещё в докладе очень много о военном окружении России силами НАТО — и на земле, и на море, и в воздухе, и в космосе. А цель всего этого — сменить власть в Кремле, ослабить Россию до предела, а потом развалить её точно так же, как был развален Советский Союз. И Украина — лишь один из важных расходных материалов в этой «многоходовочке».

Уязвимые места России — экономические прежде всего — расписаны в докладе RAND очень чётко (спасибо коллегам). Они были вполне реальны. Главной была зависимость от западных технологий и рынков сбыта, особенно в плане углеводородов.

СВО эту зависимость от Запада обрубила — не без потерь, конечно: 300 миллиардов украденных долларов мы им не забудем и не простим. Однако в целом мы получили возможность вовремя соскочить с корабля западной экономики, который прямо сейчас накрывает идеальный шторм.

Вскрыв конфликт с Вашингтоном и разворачивая его в свою пользу, мы выигрываем отнюдь не только на Украине.

Хотя огромные земли и миллионы людей — это прекрасный плод нашей победы. Сегодня сбывается всё то, о чём честно предупреждали своих патронов эксперты RAND. Американское санкционное оружие оказалось одноразовым изделием.

Больше оно не сработает. «Партнёрам» нечем нас пугать, России нечего больше терять.

По сути, все эти пакеты санкций отвязали Россию от Запада, открыв нам неисхоженные пути развития. Новые партнёры, новые рынки — за последние месяцы перед нами открылся весь мир.

Так возникает новая конфигурация глобальной экономики. Причём место США в ней неумолимо скукоживается. Все эти хитросочинённые «многоходовочки» сработали против их же создателей. Углеводороды не падают в цене, а растут. Санкции снижают уровень жизни не в России, а в Европе и США. Про ослабление центральной власти я просто промолчу — не Штатам, рассыпающимся на глазах, выступать на эту тему.

Ну и на заметку ребятам из RAND и их заказчикам: бывает, что футбольная команда, увлекшись «растягиванием» обороны противника, всё отступает и отступает, но внезапно теряет мяч и сразу, откуда ни возьмись, получает обидный гол в собственные ворота.

Дело в том, что мы тут, у себя в России, значительно поумнели за прошедшие 30 лет. Мы уже не те наивные и сентиментальные советские люди, которые «под честное слово» сдали «партнёрам» весь Варшавский договор и союзные республики. Свою Россию мы никому не отдадим!

Источник: <https://ria.ru/20220831/istoriya-1813269265.html>

Юрий ГАМОВ

Не предаёт Россия дружбу

Афган!

*Друзья, прикройте спину!
Вы и сегодня, как тогда...
Лишь опалённые седины
Напоминают облака.*

В атаку!

*С сердцем не прикрытым.
Бронезилет мешал слегка.
А наши мамы и молитвы
Срывались сами с языка.*

*Вертушки над ущельем кружат,
Увозят раненых солдат.
Не предаёт Россия дружбу,
Лишь крепче держит автомат.*

*Нам та война дала повестку
В огонь сегодняшнего дня.
И забронировала место
В бою, возможно, для меня.*

*Война проверила серьёзно
Насколько прочен наш союз.
И если вновь придёт угроза,
Я за Россию не боюсь!
23.01.2023 г.*

Не показывать боли врагу

*Я всего лишь смотрю телевизор,
Перепишу с друзьями веда.
На войне не потребуют визу.
Можно дома дожидаться войны.*

*Не совсем доверяю докладам
Об успехах в боях каждый день.
Понимаю, сегодня так надо,
Наводит эту тень на плетень.*

*Это тоже эффект маскировки,
Не показывать боли врагу.
Может я в выраженьях не ловкий,
Только вот говорю, как могу.*

*Сквозь года я призыв этот вижу,
Что в опасности Родина-мать.
Я всем сердцем войну ненавижу,
Потому и готов воевать.
23.01.2023 г.*

Полковник ЧЕЧЕЛЬ

Чечельницкий Василий Васильевич родился в семье военного. За время учёбы поменял 10 школ от крайнего Запада до Дальнего Востока. 32 года земля ревностно провожала полковника морской авиации в полёты. Его сердце без остатка было наполнено небом, но 9 лет назад сила притяжения земли взяла верх над лётчиком. Именно в то время его насыщенную экстремальными сюжетами жизнь ждало очередное и самое беспощадное испытание — болезнь двигательных нейронов. Глядя на седоволосого, исчерченного морщинами старика, трудно представить, что перед нами — вчерашний командир авиационной эскадрильи в составе 57-й МРАД, командир 12-го отдельного морского ракетноносного орденов Кутузова и Александра Невского авиационного полка, начальник службы безопасности полетов 33 ЦБП и ПЛС Морской Авиации СССР, лётчик-инструктор на тренажёрах СУ-24, ТУ-22МЗ, КА-27 в Центре боевой подготовки ВВС Украины, инструктор по парашютной подготовке в Николаевском АТСК «Икар», награждённый орденом «За службу Родине» III степени, девятью юбилейными медалями и грамотой ГК ВМФ. Василий Васильевич — воин, крепкий духом и телом, выполнивший 823 прыжка с парашютом, из них две аварийных «отцепки», отдавший 7 лет занятиям боксом и 15 лет — восточным единоборствам, инструктор по горным лыжам, хатха-йоге и горному туризму.

— Это великое счастье, если мы хоть немного похожи на птиц, — говорит Василий Васильевич, — думаю, что во мне живёт альбатрос!

«Огненный таран — подвиг продолжается»

Подвиг — наивысшее проявление морального фактора, который не мог учесть противник

*«Нет больше победы,
чем победа над собой!»*

*Главное —
не пасть на колени перед врагом!».*
Д. М. Карбышев

Кстати, одним из проектировщиков улучшения крепостных сооружений Брестской крепости в 1913 году был штабс-капитан Дмитрий Карбышев, неггибаемый Герой Великой Отечественной Войны, которого 18 февраля 1945 года гитлеровцы превратили в ледяную глыбу.

Удивительны судьбы людей: Карбышев в немецком концлагере встретился с другим героем, майором Петром Гавриловым, который с 22 июня до 23 июля возглавлял оборону защитников крепости и также тяжело раненным попал в плен.

По описанию лечившего его врача Вороновича, его захватили тяжело раненным. Он был в полной командирской форме, превратившейся в лохмотья.

Весь покрытый копотью, пылью, истощённый до крайности (скелет, обтянутый кожей), он даже не мог делать глотательные движения, врачи, чтобы его спасти, кормили искусственной смесью.

Этот еле живой человек, когда его застали в одном из казематов, в одиночку принял бой, стрелял из пистолета, бросал гранаты, убил и ранил несколько человек, прежде чем его тяжело ранили.

Гаврилов выжил в концлагерях гитлеровцев, был освобождён в мае 1945 года, восстановлен в армии в прежнем звании.

После того, как в стране стали узнавать о подвиге защитников Брестской крепости, Гаврилову Петру Михайловичу в 1957 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

стской крепости, Гаврилову Петру Михайловичу в 1957 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Камикадзе» по-советски

Для информации.

Классический воздушный таран — это направление самолёта на противника.

Впервые его применил в сентябре 1914 года штабс-капитан Пётр Нестеров. На высоте более 500 метров лётчик направил свой моноплан на самолёт австрийцев.

С тех пор наши пилоты стали часто пользоваться этим способом ведения боя.

Особое распространение таран получил во время Великой Отечественной войны. Наши лётчики прибегали к нему при израсходовании топлива и боеприпасов или в случае выхода из строя оружия.

Разновидностью тарана является огненный таран.

Он использовался при значительных повреждениях самолёта, когда было понятно, что летательный аппарат ждёт неминуемая гибель.

Лётчик в такой ситуации стоял перед сложным выбором: не выполнить задание и попасть в плен или ценой собственной жизни уничтожить врага.

Нередко выбирали второе. В таком случае самолёт направлялся в скопление живой силы и техники врага на земле или в водную цель.

Огненные тараны пилоты совершали на всех этапах войны. Были они и во время летних сражений

1941 года, и при обороне Москвы, Ленинграда и Сталинграда, в сражениях на Курской дуге и Днепре, в Белоруссии и Польше, а также уже после разгрома Германии — в кампании против императорской Японии.

Огненный таран требовал от пилота особого мастерства, необходимо было обладать железными нервами и готовностью к самопожертвованию. Главный маршал авиации Александр Новиков говорил, что таран — это наивысшее проявление морального фактора, который не мог учесть противник.

За время Великой Отечественной войны отмечено около 600 случаев таранов, из них 506 — наземной цели. В списке пилотов, совершивших огненный таран, значатся более 450 человек.

Всего же за четыре года было совершено 237 подобных таранов. Расхождения в количестве лётчиков и случаев огненного тарана объясняется тем, что в летательном аппарате в тот момент находилось по 2-3 человека.

В очень редких случаях шедшие на огненный таран пилоты оставались в живых. Один из таких счастливых — лейтенант С.И. Колдыбин. Он направил загоревшийся самолёт на немецкую переправу через Днепр. Взрывной волной лётчика выбросило из машины. Всего после огненного тарана выжили лишь шесть пилотов.

На врага!

Первым полыхающий самолёт на противника направил 27-летний

старший лейтенант Петр Чиркин. Это произошло в разгар боя у города Стрый на Западной Украине.

Символично, что свой подвиг он совершил в первый день войны — 22 июня 1941 года.

Истребитель И-153 ворвался прямо в центр немецкой танковой колонны.

Навсегда вписан в историю русской воинской славы и подвиг экипажа капитана Николая Гастелло. 26 июня два бомбардировщика ДБ-3Ф вели обстрел колонны немецких танков у Радошковичи-Молодечно.

Самолёт Гастелло облетел бронетанковую группу Вермахта, стоявшую у цистерн с горючим. Самолёт уже уходил от цели, как вдруг в топливный бак летательного средства попал снаряд. Спустя несколько секунд, самолёт был объят пламенем. В этот момент Гастелло развернул его и направил в скопление танков.

В сентябре 1941 года первый и пока единственный раз в истории таран совершила женщина. Лётчик Екатерина Зеленко на бомбардировщике Су-2 сумела уничтожить один истребитель фашистов, а затем пошла на таран второго. От удара «Мессершмит» разломился пополам, а сама лётчица погибла.

Бывали случаи и морских огненных таранов. Так, экипаж майора Меркулова 19 марта 1945 года вышел в полёт для нанесения удара по конвою, доставлявшему подкрепление в Курляндский котёл.

Самолёт атаковал суда, но был поврежден противником и загорелся. Экипаж направил летатель-

ный аппарат на корабли немцев. Все лётчики погибли.

Сами понимаете, что такие тараны и подвиги совершали в массовом масштабе всего две нации — мы, русские, куда входят практически все национальности Советского Союза, и японские камикадзе.

Но у японцев был отработан целый ритуал, начиная от традиционной рюмочки саке, они взлетали в воздух без парашютов и с заправкой горючим в одну сторону, то есть выбора у них не было.

Наши же пилоты никогда специально не готовились к тарану и применяли его как крайнюю меру, когда других средств остановить врага уже не оставалось.

У американцев, немцев, французов, англичан тоже зафиксированы подобные случаи, но они единичны, и ни о каком массовом героизме не может быть и речи...

В этом плане хочу напомнить читателям ещё об одном подвиге наших воинов.

Оборонительные боевые действия подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии против наступающих войск нацистской Германии, проходившие в районе Брестской крепости и в черте города Бреста, являются одними из первых сражений Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Брестский гарнизон насчитывал около 9000 советских военнослужащих, включая рядовых солдат стрелковых подразделений, танкистов, пограничников и оперативников НКВД[15].

Солдаты Красной Армии входили в состав 6-й и 42-й стрелковых дивизий под командованием полковника Михаила Попсуй-Шапко и генерал-майора Ивана Лазаренко, соответственно, 17-го пограничного отряда погранвойск НКВД и различных более мелких частей (включая госпиталь, гарнизон и медсанчасть, а также части 132-го отдельного конвойного батальона НКВД и др.) внутри крепости.

Извлечённый опыт

1. Короткий сильный артогонь по старым крепостным кирпичным стенам, скреплённым бетоном, глубоким подвалам и ненаблюдаемым убежищам не даёт эффективного результата. Необходим длительный прицельный огонь на уничтожение и огонь большой силы, чтобы основательно разрушить укрепленные очаги.

Ввод в действие штурмовых орудий, танков и др. очень затруднён из-за ненаблюдаемости многих убежищ крепости и большого количества возможных целей и не даёт ожидаемых результатов из-за толшины стен сооружений. В частно-

сти, для таких целей приспособлен тяжёлый миномёт.

Превосходным средством для морального потрясения находящихся в укрытиях является сбрасывание бомб крупного калибра.

2. Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина ещё раз доказана при взятии Брест-Литовска. К сильным ошеломляющим средствам морального воздействия относится также тяжёлая артиллерия.

3. Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе.

Боевое донесение командира 45-й дивизии генерал-лейтенанта Шлипера о занятии крепости Брест-Литовск, 8 июля 1941 г.

Последний бой 23 июля 1941 года

Единственным задокументированным доказательством сопротивления после 29 июня 1941 года является отчёт, в котором говорится, что 23 июля 1941 года произошла перестрелка с захватом на следующий день советского лейтенанта. Так описан последний, документально подтверждённый бой в крепости в немецком отчёте.

Командующий войсками в Генерал-губернаторстве (Ia): из журнала боевых действий № 1 «О перестрелке у Северных ворот и пленении командира»:

«23.07.1941г. В середине дня 23.07 команда по уборке [территории] подверглась обстрелу из каземата у Северных ворот, стреляли оставшиеся блокированные [в каземате] враги. Ранено 5 человек. Во время последовавшего за этим событием прочёсывания крепости ранен ещё один солдат. В плен взят 1 русский старший лейтенант.

[...] 24.07.1941

[...] В результате прочёсывания крепости Брест-Литовска на наличие оставшихся в живых врагов были найдены только 7 погибших русских».

А вот что написано в другом документе.

Оборона

В крепости располагалось примерно 7-8 тыс. бойцов из разных частей: 8 стрелковых батальонов, разведывательный и артиллерийский полки, два артиллерийских дивизиона (противотанковой и противовоздушной обороны), подразделения 17-го Краснознамённого Брестского пограничного отряда, 33-го отдельного инженерного полка, часть 132-го батальо-

на конвойных войск НКВД и некоторые другие части.

Их атаковала 45-я немецкая пехотная дивизия (численностью около 17 тыс. человек), с помощью подразделений соседних 31-й и 34-й пехотных дивизий она была должна к 12 часам 22-го июня овладеть крепостью.

В 3.15 утра Вермахт открыл артиллерийский огонь, в результате артурдара гарнизон понёс большие потери, были уничтожены склады, водопровод, прервана связь.

В 3.45 начался штурм, скоординированного сопротивления гарнизон оказать не смог и был сразу расчленён на несколько частей.

Сильное сопротивление оказали на Волынском и на Кобринском укреплениях. Наши организовали несколько контратак.

К вечеру 24-го Вермахт подавил сопротивление на Волынском и Тираспольском укреплениях, осталось два крупных очага сопротивления — в Кобринском укреплении и Цитадели.

В Кобринском укреплении оборону держали на Восточном форте до 400 человек во главе с майором Гавриловым, они отбивали в день до 7-8 атак Вермахта.

26-го июня погиб последний защитник Цитадели.

30 июня после общего штурма пал Восточный форт.

Майор Гаврилов с последними 12 бойцами, имея 4 пулемёта, скрылся в казематах.

Последние защитники

После этого были небольшие очаги сопротивления, где сражались отдельные бойцы.

Мы не знаем точно, сколько они держались: так, в казарме 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР нашли надпись, датированную 20 июля: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина».

23 июля в бою был захвачен майор Гаврилов. Одной из главных проблем защитников крепости было отсутствие воды; если на первых порах боеприпасы и консервы были, то доступ к реке немцы перекрыли почти сразу.

Сопротивление продолжалось и после пленения Гаврилова, немцы боялись подходить к подземельям крепости, отсюда по ночам появлялись тени, звучали автоматные очереди, рвались гранаты.

По словам местных жителей, стрельба была слышна вплоть до августа, а по немецким источникам, последних защитников убили только в сентябре, когда уже пали Киев, Смоленск и Вермахт готовился к штурму Москвы.

Вспоминая героизм наших воинов, хочу напомнить подвиг Александра Матросова.

27.02.1943 года, приблизившись на 20 метров к доту, он бросил две гранаты, но не уничтожил пулемёт. Видя, что его товарищи уже выдвигаются цепью, бросился и закрыл собой амбразуру дота, обеспечив успешное выполнение боевой задачи.

31 мая 1945 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Александр Матросов стал первым советским воином, зачисленным навечно в списки части.

Аналогичные подвиги в годы войны совершили более 400 человек. По информации исследователя Н.Н. Смирнова, на 2000 год им были установлены 402 воина, совершившие такой подвиг.

Подвиг экипажа

Экипаж фронтового бомбардировщика Су-24М из состава ЧВК «Вагнер» повторил подвиг Николая Гастелло, на горящем самолёте атаковал колонну бронетехники в районе Клещевки.

Об этом сообщает ТГ-канал «Брюссельский связной».

Всё произошло 2 декабря 2022 года на Бахмутском направлении, где экипаж бомбардировщика Су-24М в составе командира Антонова Александра Сергеевича и штурмана Никишина Владимира

Антонов Александр Сергеевич

Николаевича вылетел на выполнение боевой задачи в район Клещевки. В это время противник предпринял попытку прорыва с использованием бронетехники, вследствие чего возникла серьёзная угроза потери «музыкантами» позиций, отбитых у ВСУ.

Экипаж самолёта получил указание с земли атаковать бронетанковую колонну противника, прорывающуюся к нашим позициям.

Для захода в атаку бомбардировщик был вынужден зайти за линию соприкосновения, углубившись на подконтрольную противнику территорию на несколько километров. При развороте и выходе на боевой курс по самолёту был нанесён удар

Су-24М

из ПЗРК, ракета поразила бомбардировщик.

Командир одного из штурмовых отрядов «музыкантов» получил доклад от наблюдательного пункта, что самолёт горит и снижается в сторону колонны вражеской бронетехники.

Как сообщалось, командир экипажа принял решение направить самолёт на противника, после чего в радиоэфире прозвучала фраза: «Встречайте, суки, Папу»...

...И самолёт врезался в идущую колонну техники.

Благодаря героическим действиям экипажа Су-24М ЧВК «Вагнер», повторившим подвиг лётчика Николая Гастелло, атаку ВСУ удалось отразить, «музыканты» позиции удержали.

«Пусть земля будет для вас небом, мужики! Быть воином — жить вечно», — пишет автор канала «Брюссельский связной» военный корреспондент Александр Симонов.

РЕЗЮМЕ. У русских воинов — глубочайшие традиции. Первым воздушный таран совершил русский лётчик Пётр Нестеров. Первый таран на реактивном самолёте совершил тоже русский — Геннадий Елисеев...

Реактивный таран

Алексей КРЫЛОВ

Ни в одном боевом уставе не найти такого приёма ведения воздушно-го боя, как таран.

Иной раз приходится слышать, что это акт отчаяния, что в горячке боя у людей теряется инстинкт самосохранения.

Возможно, бывало и так. Но капитан Геннадий Елисеев в последние секунды своей жизни ещё раз доказал, что таран — это прежде всего высокий акт самопожертвования.

Самолёт пробил облака, и Геннадий увидел яркую синь неба. Но любоваться ею было некогда. Стараясь быстрее отыскать нарушителя, он не отрывал глаз от экрана локатора.

РП сказал: «Цель реальная!».

Реальная! Значит — враг.

«Скорее, скорее! — торопил он себя. — Где нарушитель? Не проскочить бы...»

— Я Двести сороковой! Удаление от цели? — спросил он РП.

— Впереди по курсу. Гляди внимательней! Нашёл?

Геннадий нажал кнопку передатчика, чтобы ответить «нет» и в то же мгновение заметил на экране отметку цели.

— Вижу! Цель вижу! — крикнул он, разворачивая машину, и заметил, что нарушитель начал изменять курс.

Чем меньше оставалось до цели, тем беспокойнее становилось Елисееву. Особая значимость предстоящей атаки, ответственность за её завершение подхлестывали его.

Машина неслась с огромной скоростью. Двигатель работал на пределе, но он не слышал гула бешено вращающейся турбины.

Для него наступил тот самый момент высшего слияния с истребителем, когда лётчик не ощущает ни себя, ни машины.

— Двести сороковой! Уничтожить цель! — голос РП прозвучал решительно и твёрдо.

— Выполняю!

Самолёт-нарушитель, пытаясь уйти, ринулся вверх. Елисеев тут же бросил машину в глубокий крен и, стараясь не отрываться от цели, потянул ручку управления на себя. Истребитель легко вышел на предельный радиус виража.

Серебристая вязь инверсий затейливыми узорами перекинулась через синь неба, словно невидимый художник размашисто нанёс на него замысловатые широкие мазки. Среди них мельтешили две яркие точки самолётов...

Заметив приближение советского военного самолёта-истребителя МиГ-21СМ, самолёт-нарушитель развернулся и, начав маневрировать, пошёл в свою сторону.

Получив команду на уничтожение самолёта-нарушителя, капитан Г.Н. Елисеев пустил одну неуправляемую ракету «Р-3» вдоль курса полёта самолёта-нарушителя.

На пролетевшую недалеко от него боевую ракету нарушитель не прореагировал. Тогда советский лётчик выпустил по нему вторую ракету, теперь уже на

поражение самолёта-нарушителя. Но и эта ракета прошла мимо цели...

Скользнул взглядом вниз, под крыло. Мелькнула серая лента реки, зеленью перелились поля озимых, уползла большая, наполненная сизым дымом, лошина. Снова бросил взгляд в сторону нарушителя. Разведчик — спарка. Точнее, разведывательный вариант знакомого по фотографиям Фантома. Вместо оружия хорошо видны контейнеры с разведывательной аппаратурой. Может, уносит снимки особых объектов? Или определил электромагнитное поле в районе «точки ноль-три»? Записал на плёнку частоты новых локаторов?

В шлемофоне раздался голос РП:

— До «стены» двадцать пять!

«Стена» — это граница.

Двадцать пять километров.

Чуть больше минуты полёта.

— Бей из пушки! — торопил РП.

— Отказала! — отрешённо ответил Елисеев и отпустил кнопку передатчика. Решение пришло в тот самый момент, когда просчитал оставшиеся в его распоряжении секунды. Сторожев не успеет. Цель уходит. Надо сбивать. Он удивился появившемуся вдруг облегчению.

— Я — Двести сороковой! Иду на таран!...

Таран получился удачный, самолёт-нарушитель начал падать вниз, лётчики из него катапультировались и, спустившись на землю, были арестованы советскими пограничниками. Самолёт (МиГ-21СМ № 240) капитана Елисеева Г.Н. после воздушного тарана начал падать на землю, лётчик не катапультировался.

Указом Президиума ВС СССР от 14.12.1973 года «За проявленное мужество и героизм» лётчику, капитану Г.Н. Елисееву, присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза были вручены семье героя.

В заключение хочу всем, нашим и «не нашим» недругам, напомнить:

Надо было слушать Отто фон Бисмарка, который говорил: «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственнорусских...»

Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это нерушимое государство русской нации...».

Источник: Проза.ру

О подвиге советского лётчика, Героя Советского Союза капитана Г.Н. Елисеева рассказывает в своём стихотворении «Таран»

Анатолий Гуляев

Таран

Сигнал — «ТРЕВОГА БОЕВАЯ!»,
«Все по местам!», «К нам враг «идёт!».
И, гулом утро разрывая,
Помчался в небо самолёт!

На перехвате — не впервые:
Набрал мгновенно высоту,
В прицеле точка появилась —
Прошла запретную черту...

Враг, как всегда, коварен очень!
Сигнал «Захват...» ему прошёл:
В свою он сторону метнулся
И думал, что уже «ушёл»...

Враг всё учёл и всё предвидел:
«Конец ракетам, взаперти...»,
Не всё исполнив, с гордым видом
Хотел в свои края уйти.

Кордон на горизонте виден,
Тоску и грусть стал отгонять!
Но вдруг увидел, цепenea,
Что русский начал догонять!

Враг всё учёл, враг всё предвидел —
Разведку сделал он свою.
Но не учёл одно лишь, малость!
Что значат русские в бою!

Рванул он вниз, в ушах звенело:
«Всё-всё с инструкцией вразрез...»,
А на него — в орлиной схватке —
«Шёл» капитан, наперерез!

Россия! Ты детьми богата
И любишь ты своих сынов.
А из мальчишек деревенских
Умешь вырастить орлов!

Орлов! И это не для слова...
Я без волнения... не могу:
Твой Пётр Нестеров впервые
Вцепился в горло здесь врагу!

Потом — Гастелло, Талалихин...
Да многих я могу назвать,
Теперь — Геннадий Елисеев! —
Достойный сын, отцам под стать...

Мы помним их, и в нашей жизни
Они в сердцах веками будут!
Их будут помнить наши дети
И внуки внуков не забудут!

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк.

До 2016 года работал в «Водоканале» слесарем-инструментальщиком. Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал с 2018 года в ЛХГА «Усытская россыпь».

Прерванный маршрут

— Чем порадуешь, сержант? — лейтенант Чибисов в ожидании глянул на упавшего рядом здоровяка сержанта Кочкина.

— Сейчас отдышусь, — и, отхлебнув из фляжки воды, продолжил, — дело дрянь, командир, фрицы миновали деревушку и сейчас в районе кладбища. Минут через пятнадцать-двадцать будут здесь. Два БТРа, три лёгких танка и два грузовика с пехотой. Прут на бешеной скорости. Остановить их — дохлый номер. Нас — раз-два и обчёлся. Да и гранат в наличии не так много, как хотелось бы, — и, смахнув пот ладошкой с лица, продолжил, — что думаешь, командир?

Лейтенант обернулся к радисту:

— Срочно передай всё это Первому. Немцы направляются в квадрат 41-08. Через полчаса, максимум час, будут у наших позиций. Жду указаний. Сообщщи о нашем местонахождении. Давай в темпе, Левашов.

Радист быстро развернул рацию и начал передавать сообщение. Разведгруппа лейтенанта затаилась в ложбине ельника, там, где тянулись две едва заметные тележные колеи.

По этой лесной дороге, видимо, и решила немецкая мехгруппа неожиданно ударить с тыла по нашим стрелковым ротам.

Продумано грамотно, так как эта дорога на картах не обозначена. Планы фашистов разрушило то, что наша разведгруппа, возвращаясь с задания, случайно наткнулась на немецкую колонну. Случайно лейтенант задержался в деревушке минут на двадцать, заполняя фляжки холодной колодезной водой. Не случись этой задержки, немецкая колонна проскочила бы к нашим позициям незамеченной. Там, на стыке двух соединений, земляки лейтенанта, сибиряки, как пить дать, оказались бы в окружении.

— Товарищ лейтенант, ответ центра, — радист передал командиру небольшой исписанный листок из блокнота: «Информация ценная. Приказываю: остановить продвижение противника во что бы то ни стало. Минут через сорок ждите авиаподдержку».

Лейтенант посмотрел на своих бойцов. Девять, это, конечно, не рота, но в данной ситуации выбирать не приходится. Раз надо, так надо!

← Приказ понятен?

— Так точно, товарищ лейтенант! — приглушённо ответили разведчики.

Замятин, весельчак и балагур, предполагая исход в данной ситуации, пошутил:

— Пошла девка за грибами, а вернулась с пюзом к маме. Ну что, командир, пришёл, видно, и наш час отдать долг Родине по полной. Не посраим, братцы, разведроту. Сибирякам не привыкать — стеной за Родину стоять!

— Здесь самый узкий проход в ложбине, по краям вековые ели, надо уничтожить ведущий БТР, этим создадим пробку, выиграем время. Рядовые Бачурин и Севиринов, ваша задача — уничтожить замыкающий грузовик с пехотой. А там и наши подоспеют. Приказ ясен? Выполнять!

Минуты тянулись, словно вечность. Над головами разведчиков недовольно зашумели ели, первые признаки приближающего дождя. «Похоже, с авиацией облом», — подумал лейтенант.

Тяжёлые облака, потираясь боками о верхушки хвойных гигантов, неторопливо плыли на восток. Где-то за деревьями потянулся едва слышный вой тяжёлых машин.

Разведчики приготовились к бою. Кочкин устроил за стволом пулемёт, который прихватил с собой: так, на всякий пожарный, несмотря на то, что лейтенант был против, потому что лишний груз — тормоз для быстрого движения.

...Головная бронемашина вынырнула из-за кустов неожиданно. Немцы двигались быстро, даже не соблюдая осторожность. Видно, имели полную информацию об этом маршруте и были уверены в своей безопасности.

Но не учли, что существует Его Величество Случай, который пересёк траектории движения их мехколонны и разведгруппы лейтенанта Чибисова. Силы были настолько неравны, что солдаты немецкой армии посчитали бы безумством вступать в такой бой.

А горстка разведчиков, затаившаяся в русском ельнике, рассчитывала только на свои силы и на фактор внезапности, который иногда ломал планы даже великих полководцев.

Выждав момент, когда машина приблизилась, Чибисов и Кочкин метнули гранаты. Гранаты легли точно. БТР дёрнулся от взрывов и покорно заглох, охваченный дымом и пламенем. Из него начали выпрыгивать немцы, в панике падая на землю.

Начало положено!

Почти одновременно в конце колонны рванули гранаты Севиринова и Бачурина. Немцы опешили от неожиданности. Танки закрутились на месте, стараясь прорваться на фланги. Узкая ложбина и ели, вплотную подступающие к её краю, лишили их такой возможности.

Лёгкие танки были бессильны перед массивными стволами деревьев. Беспорядочно стреляя, пантеры попытались столкнуть горящий БТР в сторону. Не получилось.

Немецкую пехоту, торопливо покидавшую грузовики, разведчики прижали к земле короткими автоматными очередями. Патроны старались экономить. Гранаты — только для танков. Вот один из них с разорванной гусеницей застопорил проход вперёд. Двинуться назад не давал возможности подорванный грузовик. Немцы бесприцельно заливали свинцом всё вокруг.

Резкие выкрики офицера вывели немцев из шокового состояния. Выстроившись в линию, на ходу стреляя из автоматов, они подковой стали охватывать разведчиков. Танки в упор расстреливали ельник.

Автоматы Севиринова и Бачурина замолчали. Гвардейцы с честью исполнили свой долг.

Кочкин из пулемёта валил врагов, как дрова на лесоповале. Смачно выругавшись, он вставил последний диск в пулемёт.

— Ещё минут десять, — прокричал он, — и мы будем окружены со всех сторон. Надо отходить.

— Срочно отходите, — оскалил зубы лейтенант, — сержант, оставь мне пулемёт. Прикрою.

— Почему ты, командир? Предоставь это дело мне, я покажу им Кузькину мать, и этой Кузькиной матери, Кузькиного отца, в их полом обличии.

Но увидев кровавое пятно на левом боку командира, Кочкин растерянно протянул ему пулемёт и запасной диск к ППШ: «Зацепили, гады, лейтенанта. Ранение серьёзное, что же делать?»

— Уходите вдоль реки. Берегите радиста, у него вся наша развединформация. Приказ понятен, сержант? Выполняйте!

Разведчики растворились среди елей. Лейтенант передёрнул затвор пулемёта. Он вспомнил свой дом в далёкой Сибири, свой завод и стоящий на берегу реки родной город Сталинск. Этот пулемёт — изделие его завода. И самая лучшая танковая броня также,

производилась в его цехах.

Перед глазами мелькнуло уставшее лицо матери и озабоченные глаза отца, сутками пропадавшего в литейном. Вспомнилась соседка Маша с васильковыми глазами. Они хотели сыграть свадьбу, как только он вернётся домой.

Рядом стеганула автоматная очередь, сбивая хвою с веток.

— Ну что, начнём! Так говаривал батя, начиная с размахом колотить берёзовые чурки на зиму, — прохрипел лейтенант.

Припав к пулемёту, короткими очередями Чибисов заставил упасть немцев на землю. Но ненадолго. Громкий крик офицера поднял их вновь. Горячие гильзы горохом сыпались на траву.

Обречённо замолк пулемёт, выплюнув последний патрон. ППШ лейтенанта очередями в упор опрокидывал фашистов. Затвор автомата, беспомощно щёлкнув, затих. Закончились патроны...

Немцы со всех сторон обступили израненного лейтенанта. Офицер, размахивая пистолетом, озлобленно верещал перед Чибисовым.

— Что, не нравится? — усмехнулся лейтенант. — Обломали мои бойцы ваш блиц-криг. А вот вам подарок напоследок, — и лейтенант рванул кольцо гранаты.

Разведчики уже были на приличном расстоянии от места боя, когда услышали глухой взрыв гранаты. Сержант Кочкин до крови прикусил губу и с силой ударил кулаком по стволу ёлки.

...Дождь перестал.

Наши штурмовики, используя просвет между тучами, превратили немецкую мехколонну в груды горящего металлолома.

...В далёкой Сибири в окно Чибисовых постукала почтальонка, в руках у неё была похоронка. Недалеко от барачков щедро дымил трубами завод. Старший Чибисов торопливо вышел из цеха. Ему уже сообщили о похоронке. Дома за столом рыдала мать лейтенанта Чибисова, целуя фотографию своего единственного сына.

Отец обнял жену за плечи, из его глаз катились скупые мужские слёзы. Так они сидели всю ночь до утра, обнявшись, над фотографией сына.

Дымил трубами завод, и лилась броневая сталь — залог Победы. И Чибисовы не на словах знали, какой ценой она досталась.

Константин ФРОЛОВ-КРЫМСКИЙ

Фролов Константин Юрьевич родился 4 января 1956 года в городе Урджар Семипалатинской области в Казахстане. В 1957 году семья вернулась на родину отца в г.Новохоперск Воронежской обл., где в 1971 году Константин окончил музыкальную школу по классу фортепиано. В 1978-м окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета и 5 лет работал директором восьмилетней школы в Воронежской области. В 1983 году переехал в Крым, работал художественным руководителем ДК, в Крымской госфилармонии (в группе народного артиста СССР Ю.И.Богатикова).

В 1998 году основал дуэтный театр «Улыбка Пьеро», является его художественным руководителем, режиссёром и сценаристом. Писал песни и романы. Снимался в художественных фильмах «Мужская компания», «Моя граница», «Одна любовь души моей», «Сармат», «Залив Страстей» и др. Увлечения: лёгчик-спортсмен, парапланерист, радиолобитель, яхтсмен, путешественник, видео-оператор, музыкант.

Москва опять предупредила...

Россия

Я родился и вырос в России.
Моей Родине тысяча лет.
Эту землю дожди оросили
И согрел её солнечный свет.

Этот путь невозможно измерить.
Лишь скрижали хранят имена.
Были войны и были потери,
Но всегда возрождалась страна.

Неспроста поражают просторы,
Где наш русский мужик проскакал:
Крайний Север, Уральские горы
И единственный в мире Байкал.

На санях и на вёсельных лодках
Обозначить границы земли,
До Камчатки и даже Чукотки
Наши люди доплыли, дошли!

Справедливость близка нам от роду,
Укрепляясь за десять веков,
В единении сотен народов
И обычаев, и языков.

Терпеливы и богопослушны.
Если с кем-то случится беда,
Мы отзывчивы и добродушны
И приходим на помощь всегда.

Мы освоим и космос, и недра,
В нас есть силы, чтоб это суметь.
И сибирские мощные кедры
Будут так же над нами шуметь.

Чтоб опять петухи голосили,
Чтобы солнце вставало в ответ.
Верю я, впереди у России
Не одна ещё тысяча лет!

Священная война

Сегодня как-то не до сна,
И на душе скребёт:
Сегодня началась война
И длится целый год.
Она к границам нашим шла
Последних восемь лет.
Поглядывал из-за угла
На нас её скелет.
Вооружившись до зубов,
Устав проклятья слать,
Клиенты будущих гробов
Учились убивать.
Их дети над Днепром-рекой,
Себя нарочно зля,
Кричали, зиганув рукой:
— Убейте москаля!
Не раз научены судьбой,

Мы умеряем прыть.
Но если неизбежен бой,
То надо первым бить.
Хоть наш противник был ретив,
Попала в пах нога,
Всего на день опередив
Коварного врага.
Сосед свой мозг проел до дыр,
Он — штурмовой таран.
За ним стоит враждебный мир
Двунадесяти стран.
И пусть Священная война
Пылает целый год.
Но скоро кончится она.
Мы знаем, чья возьмёт!

Подбитый танк

Когда спиной чувствуешь дрын,
Пора идти ва-банк.
Укропы привезли в Берлин
Подбитый русский танк.

Они устроили возню,
Как «фраер на понтах»,
Мол, мы успешно бьём «русню»
На всех своих фронтах.

И вот на площади стоит
Подбитый исполин.
Но как-то странно этот вид
Воспринял весь Берлин.

И в пику самостийной лжи,
Не слушая брехню,
Вдруг кто-то тихо положил
Гвоздику на броню.

В смятенье замолчали рты
Бандеровских ворон,
Когда вдруг понесла цветы
Толпа со всех сторон.

И было высшей из наград
За жертвенность атак,

Когда последний свой парад
Встречал подбитый танк.

Танк Писец

Укропы ныне — авангард
Любителей стрелять.
Европа танки «Леопард»
Решила поставлять.

Железку ржавую свою,
Что прела на складах,
Проверить в яростном бою
Решился вертопрах.

В самой Европе этот «зверь» —
Серьёзный дефицит.
Не только танки! Там теперь
Пропали огурцы!

Там, плюс к постельному белью,
С томатами какую!
Одной персоне продают
Не больше пары штук.

Но прут поляки напролом,
Хоть это не бильярд,
Везут зверушку со стволом
И кличкой «Леопард».

Везите всё! Езжайте все!
Пора за всё воздать!
Наш танк с названием «Писец»
Уж забодался ждать.

Неудобные вопросы

Пусть вопрос мой объявят нелепостью
Те, кто факты зарыть был бы рад:
Кто ещё удивит Брестской крепостью?
Кто готов повторить Сталинград?

Наш солдат — патриот, без сомнения.
Сам Суворов его вдохновил
Побеждать не числом, а умением,
Как, к примеру, был взят Измаил.

Бонапарт был великим... для Франции.
Всю Европу себе подчинил.
Но в России «достоинство нации»
Неожиданно в грязь уронил.

Вы улыбочку спрячьте прохладную!
Не дано вам свой нерв оголеть,
Чтоб столицу свою ненаглядную
Ради правого дела спалить!

Как же вас убедить, стоеросовых:
Вам же не с кем идти к алтарю!

Ни Маресьевых нет, ни Матросовых...
Про Гастелло и не говорю.

Ваш олимп — лагеря, крематории,
Покорённых племён рабский труд.
А «великая» псевдо-история
Называется так — «Hollywood».

Приднестровье

Рискуя окончательно здоровьем,
Стараясь нанести себе урон,
Хохлы открыли клюв на Приднестровье.
Им надобен Второй, как видно, фронт.

Да, в Приднестровье
есть большие склады,
Где сотни тонн снарядов и ракет.
Укропам не хватает тех снарядов,
Чтоб просто поддержать иммунитет.

Но зря они волов впрягли в сани,
Подтягивая спешно стремена,
Им в пику возмутились молдаване —
На кой нужна им глупая война?

Да, в Кишинёве проститутка Санду
(Ей в Гарварде запудрили мозги),

Успешно организовала банду,
Внушая всем, что русские — враги.

Но есть там люди с трезвыми мозгами,
Такие, как, к примеру, царь Додон.
Придётся Санду семенить ногами,
Чтоб сваливать поспешно за кордон.

Да и Москва опять предупредила
Хероев, притаившихся окрест,
Что для чертей припасено кадило,
Молитва... и большой двуручный крест.

Донбасс бомбят – и вновь в огне...

Анатолий ГУЛЯЕВ

Россия, милая моя!

Россия, милая моя!
Тебе и нынче жить не сладко.
Одну тебя люблю лишь я
И жизнь отдам – всю, без остатка!

Тебе – на век свой присягал я,
Тебе – ВО СЛАВУ, жить хочу.
Другого смысла я не знаю,
Иначе мыслить не могу!

Люблю тебя, моя Россия –
Всю целиком, не по частям!
Со мной, что хочешь, могут сделать,
Тебя – на части рвать не дам!

Люблю тебя за Льва Толстого,
За то, что Пушкин жил – не зря...
За мужество Мусы Джалиля
И за Шевченко – кобзаря!

Люблю за то, что жил Суворов,
А вместе с ним – Багратион!
Как страшен был врагам их норы –
Любой «валился» бастион!..

Их именем врагов громили,
Их жизнь прошла для нас, горя!
Под их знамёна встать желал бы –
Тебе, по правде, говоря...

Россия, милая Россия!
Ты мне – вторая моя мать,
Я пред тобой в долгу, навеки...
И знаю, как свой долг отдать!
1992 г.

Тревога

Не сладко нам жилось в том сорок первом!
Тревожно и в 2015-м году!
Трудитесь лучше и крепите нервы,
И только так отгоните беду...

Опять Европа тишины не знает,
Опять затылки бритые идут!
И если кто-то здесь не понимает,
То эти звери и в наш дом войдут!

Майдан и Киев – это лишь до срока.
Они опять желают взять реванш!

«ЕС...», «Двадцатка», с ними и «Семёрка» –
Разбить Россию – вот в чём их кураж!

И это не бредовая идея,
Они хотят всё наше взять себе.
Плотнее строй, крепите свои нервы,
Чтоб враг не пришёл опять к Москве!

Желание их им не даёт покоя,
И это, я скажу вам, не мираж:
Олбрайт и Клинтон, Рейган и Абама –
Хотят Россию «взять на абордаж»!

О, люди, люди! Как же всё наивно,
Как быстро позабыли мы беду...
И в «МИРЕ – МИР»
все видим – не взаимно.
На смену жизни смерть придёт в бреду.

Тогда мы жили все в стране единой,
И небо было общее тогда!
Но «ЗЛО», как «РАК», росло,
росло всё шире,
Чтоб ЗАВТРА наше пало навсегда!

Мы все живём на маленькой планете –
В такой огромной бездне, без души!
Неужто сами всех убьём на свете!?
Чтоб во Вселенной было всё в тиши!

О люди, люди! Как же мы жестоки,
Наверно, нас печалит смех детей?
Наверно, нам приятны лишь пороки
И дым зловонный из больших «печей»?!

Наверное, нам мало миллионов,
Отдавших жизни в чёрные года...
И не слышны нам громкие их стоны –
Идущие от них с тех пор сюда!

Как можно всё забыть? За это время
Окопы все землёй не поросли.
А там – на Западе, борзое племя
Фашизму свою «славу» понесли.

Да, не пришло, видать, ещё то время,
Мечи чтоб на орала расковать!
Пускай мечом весь мир пугать
не наше бремя,

Но нужно за щитом и меч держать!
2015 г.

Прокопьевск

Людмила ЛЮБОВЕНКОВА

Горестные вести

Боевые точки противников, гранатомёты, стрелковые бои – эти слова мы слышим сегодня по телевидению каждую минуту. Поколение, рождённое в XX веке, видело войну по фильмам, читало в книгах и слушало рассказы родных. Наши отцы не понаслышке знали о мобилизации, и мальчишками, не достигшими призывного возраста, бежали в военкоматы. А к старости они болели из-за застрявших в теле пуль, которые не давали покоя до конца жизни.

В сентябре 2022 года Верховный главнокомандующий Армией Российской Федерации объявил о частичной мобилизации. И всё повторилось. Мужчины идут в военкоматы для того, чтобы защищать нашу Родину.

Собирают ребят, как и тогда, в 1941 году, в клубе железнодорожников (позднее им. С.М. Кирова). Сегодня это школа искусств. Священнослужители вместе с руководителем города напутствуют наших прокопьевских ребят, отправляющихся на войну чёрной, беззвёздной ночью.

Тихие всхлипывания матерей и жён слышны во всех уголках нашего города.

Женщины с посережшими лицами провожают своих любимых, шепчут слова поддержки, крестят уходящих от них родных.

Молодые женщины, провожающие своих мужей на войну, знают, что тяготы последующей жизни лягут на их плечи. А сегодняшние подростки, не понимающие того, о чём говорят их близкие, считают тупыми не себя, а своих родителей. А вернувшимся с фронта мужьям ещё долго будут снится бои.

Сегодня живут по западным лекалам – разрозненно. Моя приятельница рассказала о том, что одному из её сыновей принесли повестку, а он уклонился от мобилизации, уехал за границу, оставив мать, детей, жену. Каждая мать желает Жизни своему ребёнку и благословляет своё чадо на побег за границу. Опомившись, страдает, боясь поднять глаза и взглянуть на ту, которая проводила своего сына защищать Отечество. Верю, что вернутся живыми наши прокопьевские мальчишки. Победа за ними! За ними любимая страна!

Мы понимаем, что Россия не в тех, кто бежал, а в тех, кто остался.

В России День правды и справедливости отмечали 28 сентября 2022 года. Придумали праздник для поддержания этого поколения ребят. Главное, чтоб поверили.

За свободу, за суверенитет! Мы – вместе! Всё для победы! Может, эти лозунги в кратчайшее время помогут нашей молодежи понять и узнать, что такое ПРАВДА.

Солдат с девочкой на руках

Шел солдат от Волги до Берлина,
Видел пепел украинских хат.
Видел трупы детские, руины
И сжимал до боли автомат...
...И когда зарёю майской, яркой
Близок был уже Победы час,
Под огнём, при перестрелке жаркой,
Девочку немецкую он спас...

Сергей Рекунов

Считается, что прообразом памятника солдату в Берлине стал сержант Николай Масалов, наш земляк. Во время одного из боёв он услышал детский плач: трёхлетняя немецкая девочка рыдала над убитой матерью. Масалов бросился за малышкой, вытащил её из-под обстрела. Впечатлённый подвигом скульптор изобразил солдата с девочкой на руках, разрубающего свастику.

25 сентября 2022 года копию бронзового монумента установили в городе Кемерово. Сегодня мобилизованных напутствует губернатор у вновь созданного мемориального комплекса.

Сегодня наши военнослужащие воюют с нацистской гадиной. Притаились недобитые фашисты, вылезли на свет, и в результате терактов гибнут мирные жители.

Украина разделилась, её западная часть превратилась в нацистское государство. А наш солдат не может забыть пепел украинских хат 1945 года, может, потому и воюет, зачищая города и села, а крюкообразная горгона вылезает из захваченных квартир и подвалов и стреляет в спину наших ребят.

– Там просто ад, – заявил выживший солдат Сергей Иванов из Пскова, прошедший плен. Израненный, с перебитыми ногами, с пробитой головой, вернувшийся ЖИВЫМ домой. Сергей Иванов не в силах рассказать своим близким, как издевались над ним воспитанные в ненависти нацисты. Пережить заново ужасы от укрофашистов, говорящих на русском языке, было тяжело. Сергей своим друзьям рассказывает:

– Над Украиной чёрная туча – бандеровское иго похлеще татаро-монгольского: ненависть ко всему русскому, ко всему святому. Верит солдат в то, что Россия поможет украинскому народу сбросить с себя это страшное зло, победить бандеровщину, жуткую и кровавую. И Германия не допустит распространения фашизма, и как прежде будет стоять в Трептов-парке бронзовый памятник русскому солдату с немецкой девочкой на руках.

И наступят светлые времена единого народа на Святой Руси!

Прокопьевск

Лариса КАРАТАЕВА

А у нас во дворе

«А у нас во дворе...» — разливается по двору песня 60-х годов. Это сосед расслабляется и ностальгирует по молодости. Выпьет и в любую погоду открывает окно настежь, ставит на подоконник проигрыватель и веселит народ.

Я поддаюсь его настроению: вспоминаю манящую свободу оттепели начала хрущёвских времен. Сколько было надежд и веры в светлое будущее! А какие песни! «Ты глядел на меня. Ты искал меня всюду»... Вспоминаете трилогию песен о девчонке? Как спокойно жилось тогда! Уж точно, уверенность в завтрашнем дне была.

А сегодня... Что сегодня в нашем дворе? Такие же девчонки. Красивые и не очень. Такие же парни. Боевые и скромные. И всем хочется счастья. Только куда делось душевное спокойствие, куда делась уверенность, что и завтра будет так же хорошо, как и сегодня?!

Тревога витает в воздухе, реальная жизнь требует собранности в мыслях и уверенности в действиях. Специальная военная операция, частичная мобилизация, военная амуниция... Не напоминают ли эти слова другое тревожное и лихое время? Да, да! 1941 год. Опять над нашей Родиной нависла беда. Опять нужно защищать свою землю. Как и в любое время, в каждой семье отражается настроение всей страны. На лавочке старушки всё чаще с тревогой говорят о происходящем. И вот несколько историй из жизни нашего двора.

Вместе плакали

Любовь Петровна не любила своего зятя, не скрывала этого и на каждом углу рассказывала о том, как не повезло с мужем её дочери.

Семёна, действительно, не за что было уважать. Работы постоянной нет, домой приносит копейки, зато каждый день покупает пиво. Помощи по хозяйству от него не дождёшься, но требует, чтобы дома был порядок, а на столе сытная и вкусная еда.

Его жена Нина, худенькая женщина на 40 лет, не знает, что такое выходные и отпуск. Каждый свободный час старается ещё где-нибудь подработать, получить лишнюю копейку. Благополучие семьи держится на ней. Она из тех женщин, про которых говорят: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». А Семён у неё вместо дитя

малого: пусть лежит на диване — лишь бы был.

И вот этому «младшему сыну» принесли повестку о мобилизации. Нина в одночасье постарела, ещё больше похудела, лицо стало землистым. Ещё ничего не произошло, впереди Семёну предстояло не один месяц провести в учебке, а она уже оплакивала мужа.

Семён тоже не обрадовался, обречённо расписался в повестке, целый вечер пролежал на диване, отвернувшись к стенке. Но воинская дисциплина требовала прибыть в пункт сбора в назначенное время при полной амуниции. С дивана встать пришлось.

И закрутилось: магазины, покупки, сбор вещей и прочее, прочее. Подошло время прощаться с тёщей. Выставила Любовь Петровна на стол вкусности, не забыла и про бутылку водки. Хоть и непутёвый зять, а ведь на войну идёт. Посидели, выпили, поговорили. Первой не выдержала Нина, обняла мужа и зарыдала, следом пустил слезу и Семён, тут уже не сдержалась и Любовь Петровна. Обхватила голову зятя, прижала к себе и заголосила...

С тех пор ни одного худого слова о нём никому не сказала. Он для неё — герой: пошёл Родину защищать. Герой он и для всех жителей нашего двора.

Плохие парни

На скамейке сидят Полина и Анастасия Ивановна.

Полина недавно вышла на пенсию и в свободное время подкармливает кошек, живущих в подвале дома. Два раза в день варит им, покупает вкусности любимому коту Тишке.

Анастасия Ивановна престарелая женщина: 92-й год пошёл 22 июня. Она полна жизненной энергии, хотя ноги стали подводить её всё чаще.

Сидят они около дома и разговаривают о жизни: о росте цен на продукты, квартплату и коммунальные услуги, о мобилизации в стране. Невесёлые у них темы. Мимо лавочки идёт Сашка, молодой парняга из соседнего подъезда. Непутёвый этот Сашка. Пьёт, употребляет наркотики, дома устраивает дебоши, избивает мать за то, что та отказывается деньги давать. А за неё и заступиться некому. Из всей родни у неё один сын, да и тот по кривой дорожке пошёл.

Полине до всего есть дело.

— Эй! Сашка! Остановись-ка! Как дела дома? Мать не обижаешь? — интересуется она у соседа.

— Нет. Не обижаю, — отвечает тот, — я сейчас работаю, домой поздно прихожу.

— Ты работаешь? — удивляется Полина. — И наркотики перестал употреблять?

Сашка молча наклоняет голову, вроде как в знак согласия. Да только как-то неуверенно наклоняет.

— Молодец! — хвалит его Анастасия Ивановна, — мать беречь нужно, а не устраивать дома драки. Работать нужно, а не сидеть на её шее.

— Повестку-то из военкомата принесли? — перебивает старушку Полина.

— Какую повестку? — не понимает Сашка.

— На войну! Вот какую! Вон сколько парней уже мобилизовали!

— Не-е-е. Меня не возьмут! Берут только хороших ребят, а мы — плохие парни. Таким нет места в рядах мобилизованных. Мы ненадежные, — радостно сообщает тот.

— Посмотри-ка, как устроился! Другие Родину будут защищать. А ты с матерью воевать будешь, — удивляются Полина и Анастасия Ивановна.

Сашка пошёл по своим делам, а они долго обсуждали, правильно ли поступает правительство, не мобилизуя таких, как Сашка.

Анастасия Ивановна вздыхает, осуждая молодёжь, рассказывает, как её дядя воевал во время Великой Отечественной войны, был ранен и погиб по дороге домой из госпиталя: «До деревни 25 километров. Транспорта никакого. Вот и пошёл пешком. Морозы стояли лютые, а дядя Боря после госпиталя был слабеньким. Так и не дошёл до родителей. Нашли его колхозники. Свернулся калачиком на снегу, где и нашёл вечный покой. На войне выжил, а вот мороз победить не смог».

В конце рассказа начинает старушка от жалости к умершему дяде всхлипывать. А Полина слушает и думает: «Сколько людей, столько и судеб. Опять в семье пришла беда. И везде требуются умные и здоровые силы. Уходят на войну лучшие. А сколько из них живыми вернутся домой?! А для таких, как Сашка, война как мать родная. Да и много ли прока от наркоманов да алкоголиков на передовой?»

И, действительно, много ли?

Если не я, то кто...

В семье Серёгиных скандал. Глава семейства Николай Викторович собирается идти воевать добровольцем за Донбасс. Жена плачет, отговаривает, муж собирает вещи.

— Куда тебе в твои 65 лет?! Посмотри на себя, скорая у нас прописалась.

— У меня выхода нет. Сын-то вон что вытворил.

Всё началось со звонка в дверь. Пришёл нарочный из военкомата, принёс повестку сыну Серёгиных — Никите. Того дома не было, и нарочный пообещал появиться ближе к вечеру.

Вскоре домой вернулся Никита, 26-летний высокий и плечистый парень. После армии жить самостоятельно не захотел, так и остался под родитель-

ским крылом. Дружить с девушками дружил, а жениться — ни в какую. После работы сходит на свиданье — и домой. «Спокойный и воспитанный, хороший парень», — так о нём отзывались соседи.

Только как узнал о повестке, собрал чемодан, купил по интернету билет, выскреб все денежные запасы, попросил помочь материально родителей и стал прощаться с ними. Те удивились:

— Куда это ты, на ночь глядя? Да и из военкомата должны прийти!

— В том-то и дело, что должны прийти! Что же мне, ждаль, когда загребут по частичной мобилизации, отправят воевать, а там — конец. Не будет больше вашего Никиты.

— Почему это не будет? — не понял отец. — Не тебя одного призывают. Всем хочется на диване отлежаться, да Родину нужно защищать. Если ты убежишь, другой тоже, кто же рубежи наши будет отстаивать? Я что ли? В мои-то годы?!

— Хочешь — бери в руки ружьё. А я — пас. Жить ещё охота, — сказал, как отрезал, сын. На плечи — рюкзак, в руки — чемодан и пошёл к входной двери.

И откуда прыть такая взялась у хозяина дома? Встал столпом у двери:

— Не пушу! Не было в нашем роду трусов и предателей и дальше не будет!

— Пропусти! Иначе пожалеешь! — сквозь зубы процедил сын и танком двинулся на отца.

Завязалась потасовка. Поставив чемодан на пол, Никита по всем правилам борьбы наносил родителю тумачи, пытаясь оттащить его от двери. Победила молодость. Отец схватился за сердце, постепенно оседая по стене на пол. Мать закричала, кинулась к мужу, потом легла возле двери и произнесла:

— Если хочешь уходить, тогда только через меня. Не совсем же ты никчёмный человек?!

Никита молча подхватил чемодан, перешагнул через родительницу и быстро стал спускаться по лестнице.

Уже уехала скорая, нарочный из военкомата потоптался у порога и отбыл восвояси, а Николай Викторович всё повторял одну и ту же фразу: «И это мой сын?! И это мой сын?!» А его жена, обхватив голову руками, сидела в кресле, раскачивалась из стороны в сторону и шептала: «Куда это он подался? В Казахстан? Что ж ему, мёдом что ли там намазано? А если и в Казахстане война? Так и будет бездомным псом по белу свету болтаться?»

...Живёт наш двор. В каждой семье свои радости, только беда одна — Война. И в это тяжёлое время за других не спрячешься. Каждый должен для себя решить: с Родиной ты или сам по себе? Да ещё помнить пословицу «Как аукнется, так и откликнется».

А кто сейчас на передовой, ангелов-хранителей вам сильных, возвращайтесь домой с победой. Здоровыми ли, больными ли, да только возвращайтесь живыми.

Ждём вас!

Владимир САХАРОВ

Родился в городе Волгограде в 1955 году. Жил в Волгоградской области, где окончил среднюю школу и СПТУ-18. Работал в сельском хозяйстве и на стройках. В настоящее время на пенсии. Проживает в г. Суровикино Волгоградской области. Стихи начал писать в 2015 году. Мошнвые, до надрыва произведения автора проникают в душу и трогают самые потаённые струны. Член литературного клуба «Живой родник» г. Суровикино. Публикуется в районной газете «Заря», в альманахах «Казачья сторона» (г. Суровикино), «Сентября» (г. Новоаннинский), «Верхний Дон» (станция Вешенская Ростовской области).

Как бывает на войне...

Гражданская война

Мчит УАЗ, асфальт в воронках, каска, мокрая спина,
Песня Игоря Талькова «Идёт гражданская война».
Смотрят слева, смотрят справа через танковый прицел,
Волонтёры, волонтёры, жми на газ, покуда цел!

Хуторок стоит в низинке, будто больше негде встать,
И всего одна старушка не желает уезжать.
Ей за восемьдесят точно, но шустря не по годам,
За дорогой на погосте муж её лежит, Степан.
— Здравствуй, баба Пелагея, не пора ль тебе съезжать?
Надоело на нейтралке нам здоровьем рисковать.
— Вы раз взялись волонтерить, волонтерьте до конца,
Вот помру, тогда свезёте от родимого крыльца.
Объясните, мне от Стёпы уезжать что за нужда?
С той большой войны мы с мужем друг от друга никуда.
Он пришел, геройский парень — бабы мимо не пройдут:
Две медали «За отвагу» просто так ведь не дадут!
Возле города Торгау, хоть сапёр, а повезло,
Слава Богу, жив остался, руки лишь оторвало.
Я была совсем девчушка, из родни — мой дом да я,
Гимнастёрку дал заштопать, вот и стали мы семья.
Языков чужих не слушал и зазря не обижал.
Знать, любил, а как иначе? Только деток Бог не дал...
В огороде мне весной помогал по мере сил:
Он картошку по бороздкам сам зубами разносил.
Задыхался, правда, быстро; жалко было, хоть кричи.
Из его нутра осколок не смогли достать врачи.
Семь годов мы с ним прожили, правда, год он не вставал.
Замуж? Нет, его любила, только деток Бог не дал.
Как же я его оставлю? Кто к нему ещё придёт?
А помру я в том Донецке, кто меня к нему вернёт?
Вам спасибо и за свечи, и за сахар, и за чай,
А меня кладите к мужу, коль помру я незначай.

Ну а вскоре в хуторочке, как бывает на войне,
Две разведки повстречались в предассветной тишине.
Под окошками у бабки, хоть крестись, хоть не крестись,
Два задания секретных врукопашную сошлись.
Брату брат штык-нож меж ребёр, помяная его мать,
И прикладом с разворота — вот теперь ему не встать.
В темноте да в суматохе не поймёшь, кто ты такой,
Был один из них «укропом», «колорадом» был другой.
И второй недолго прожил, и над ним ударил гром —
На сапёрную лопатку он наткнулся кадыком.
Та лопатка в лунном свете, вспыхнув яркою звездой,
Разрушила нитку жизни между телом и душой.
Как-то всхлипнул, что-то булькнул, кровью брызнул — всё, хана,
Рядом с братом завалился — их война завершена.
А вокруг идёт «потеха»: выстрел, стон, мать-перемать,
Этой ночью многим мамкам трудно будет засыпать.
Вот и наша Пелагея, нет бы тихонько сидеть,
На свою беду решила из оконца посмотреть.
Пуля-дура сквозь окошко укусила бабку в грудь,
Тихо охнула старушка — что ж, пора в последний путь.
Все бумаги за божницей волонтеры соберут,
Без поминок, прямо к мужу, как просила, отвезут.

В переулке всё стихает, и рассвет уже брезжит,
Кто живой — к своим хромает, кто не очень, здесь лежит.
Светлым днём парламентарь и от тех, и от других
Соберутся, всех поделят на своих и на чужих.
Как положено, оформят, «грузом двести» назовут
И домой ребят отправят, где их любят, где их ждут.
Братьев тоже по прописке, прямо к дому привезут,
На погосте речи скажут, поклянутся, салютнут.
Новых два креста вкопают рядом с дедом и отцом,
На одном — «Героям слава!», «Слава павшим!» — на другом.

А в ближайшем городишке в тесной «двушке» у окна
Постарела, поседела, сгорбишься, сидит она —
Мать, ей выпало на долю пережить своих детей,
Но остались ей два внука от обоих сыновей.
И теперь в гостях внучата, чтоб бабулю веселить,
Что-то сильно расшумелись, вроде, нечего делить...
«Ты москаль, раз ты не скачешь!» — старший младшему кричит, —
Коммуняку на гиляку!». Младший дуется, молчит.
Наконец не удержался, разревелся, подбежал,
Бабушке в подол уткнулся, что-то там забормотал.
Не поймёшь, что он бормочет, только слышно: «Тю да тю»,
Наконец-то разобрала: «Не забуду, не простю»...
Зарыдала, застонала: «Что ж вы сделали, сынки,
Майданутые укропы, колорадские жуки?».

Материнская память

Весенним днём у сельского колодца
Не рано, аккуратно как рассело,
Без шума, без оповещенья
Собралось, почитай, что всё село.
О чём-то шепчутся сельчанки,
Сельчане хмуро папиросы жгут,
Не праздник, вроде, не поминки,
А все чего-то напряжённо ждут.

Из переулка показалась тётка Фрося,
Поспешным шагом подошла,
Сказала: «Здравствуйте!», глазами поискала,
Увидела и громко позвала:
— Веруня, деточка, пошли со мною,
Мне от Ванюши весточка пришла.
Я ж в грамоте совсем не разумею,
Ты письмецо бы это мне прочла.

К глазам косынки приложили бабы,
Смущённо закряхтели мужики,
По Гитлеру прошёлся матом
Солдат с медалью на груди.

А тётка семенила рядом с Верой,
Как будто опасаясь не успеть,
И сокрушалась: «Муж читать был мастер,
Да под Москвою встретил свою смерть».
Зашли. В хатёнке чисто и опрятно.
Даёт Веруне со стола листок:
— Садись и прочитай погромче,
Чего там сообщает мне сынок.
— Тётя Фрося, это не от Вани.
Тут командир вам написал,
Что рядовой Ивац Иванович Егоров
Под Ленинградом без вести пропал.

— Пропал... — как эхо, повторила. —
И как же это я должна понять?
Они там, видно, белены объелись,
Такое матери писать.
«Пропал» — что значит? Потерялся?
Так, стало быть, должны искать.
Чай, не иголка в стоге сена —
Ванюшку издаля видать.
Ты ж помнишь, как по всей округе
Его дразнили каланчой?
Он как подсолнух в чистом поле
С его-то рыжей головой.
Возьми-ка, Вера, карандашик
И вон тетрадочку мою.
Сейчас я им по-матерински
Всё без стеснения отпою.

В том месяце майор гвардейский
Подробное письмо прислал,
Про Петю мне, про старшего сыночка,
Всё чин по чину описал.
Что был невероятно храбрый
И смерть геройскую принял,
Что похоронен в братском погребенье,
И адрес точный указал.
Он так сумел на поле боя
Своё геройство проявить,
Что генерал велел своим приказом
Медалью смертной Петю наградить.
А у Ванюши командир, видать, беспутный,
Такого надо б сразу заменить.
Своих детишек, видно, не имеет,
Вот и не может за чужими уследить.
— Кто там подписан? Прочитай-ка, Вера!
— И. о. комбата старшина Линёк.
— Ты погляди, и звание большое,
А позаботиться как следует не смог.
Ты, раз старшой, так соответствуй,
Ты для солдат должен быть отцом.
Когда у нас мальчонка заблудился,
Так мы искать его ходили всем селом.
Они там думают, у нас бездонно?
Бери, сколь хочешь, молодых парней?
И так плуги вон на себе таскаем
И мужиков поотдавали, и коней.
Ещё скажи, что я, когда сердита,
Не пожалею чистого листа
И отпишу всё даже генералу,
Уж он тогда накрутит им хвоста!
Солдат пропал, а им и горя нету.
Ох, чуёт моё сердце, не найдут.
Но ты их провесочь построже,
Глядишь, кого другого сберегут.
Чего-то мне в виски заколотило,
Давай-ка уберем всё в сундучок.
Ты, как пойдёшь, то с улицы от солнца
Мне ставенку зацёлкни на крючок.
Шажок, другой, шагнула и застыла,
Как будто что-то стало невдомёк,
Рукой слегка висок потёрла,
Опять шагнула, оглянувшись на порог.
— Веруня, а ты зачем же приходишь? —
В её глазах застыл вопрос.
— Тебя проведать, тётя Ефросинья.
— Ах ты, забота! Ну спаси тебя Христос.
Сорокалетняя Веруня,
Глотая слёзы, шла домой,
А сердобольные сельчане
Понятливо качали головой.
Такая вот болезнь у Ефросиньи —
Она не помнит, почему живёт одна,
Но в день последней весточки о сыне
К ней возвращается война.
Врач объяснил, что амнезию
Ещё не научились мы лечить
И что, наверно, это даже лучше,
Ведь не любое горе можно пережить.
Для матери в болезни той спасенье,
Иначе и её убьёт война.
Двадцатилетие Победы
В тот год отметила страна.

Юрий ГАМОВ

Капитан второго ранга Военно-Морского Флота в отставке, заместитель командира тяжёлого атомного ракетного подводного крейсера стратегического назначения «Акула» Юрий ГАМОВ служил на Северном флоте. После окончания школы поступил в Нахимовское училище в Ленинграде. Стихи начал писать ещё в самом начале службы, в 1984 году, публиковался в газетах «Горняцкая солидарность», «Усытская россыпь», в коллективных поэтических сборниках. В 2018 году вышел его первый стихотворный сборник «Незримые подводные дороги». На стихи Юрия Николаевича написаны песни.

Как много жизней выплакано в ночь!

За Родину!

Мы потери потом посчитаем,
Мы потом оглянёмся назад.
А сейчас, крепко зубы сжимая,
Мы идём в этот огненный ад.

Расчищая свой путь автоматом,
Рассыпаем железо вокруг.
Мы с тобою сегодня солдаты.
Автомат наш единственный друг.

Раз за горло война укусила
Нашу тихую мирную жизнь,
Пусть отведает русскую силу!
Пусть получают! Ты только держись!

Знаю, будет ПОБЕДА за нами!
Сила в правде! Нельзя отступить.
А в душе, как с плакатов взывает
К сердцу каждого Родина-мать!
20.01.2023г.

Письма с войны

В этих письмах с войны,
Школьный бал в них ещё не окончен,
Он бомбёжкой прерван,
Повесткою
В военкомат.
Кружат вальс фонари,
И никто расставаться не хочет.
Но оркестр духовой
Нам играет с тобой
И уже — для солдат.

Треугольный листок
Перечитан военной цензурой.
«Бесконечно люблю...»
Бесконечно пишу
Только эти слова.

Лишь один поцелуй
Вспоминается в сумерках хмурых.
Но я верю, весна
Нас разбудит от сна,
Где пока что война.

Здесь приятно от вас
Получить хоть какие-то вести.
И читая письмо,
В мыслях я уношусь
В наш родной городок.

Допишу вам потом,
Мне наш адрес пока не известен.
Мы на Запад идём,

Ну, а письма мои
Пусть летят на Восток.

В этих письмах с войны,
В них затишье, как раз перед боем.
Только несколько строк,
Поцелуй и привет
В этот мятый листок.

Нет ни слова про страх,
Хоть и трудно бывает порою.
В этих письмах с войны
Я что смог, написал.
Ты читай между строк.

В этих письмах с войны
Разве мог написать я другое?
Только: «Всё хорошо,
Не волнуйтесь за нас,
Он наступит, наш час!»

В них махорки следы.
Я курил, вспоминал нас с тобою.
Извини, мне пора,
За окопом — война,
Допишу в другой раз...

Впереди — высота,
Допишу как-нибудь после боя.
Им дадим прикурить,
Чтоб избавить весь мир
От поганой чумы!

Ну а если мы вдруг
Упадём в высоту, как герои,
Ты простишь, ты поймёшь!
Потому что прочтёшь
Эти письма с войны.
4.03.2018 г.

Война. Полярный

Ух, и холодно, чёрт!
Это что ж за погода?
Здесь полярная ночь, да зима по полгода.
Слышно голос войны.
Здесь бомбят регулярно.
Всю войну он на фронте,
наш город Полярный.

Волны плещут о берег холодного моря.
Город делит с тем морем и радость,
и горе.

Как на линии фронта, он держит удары,
Чтоб встречать караваны,
залечивать раны.
Провожает подлодки в глубины морские

Защищать берега, воевать за Россию.
Под прицелом зениток — огромное небо,
Но всегда не хватает снарядов и хлеба.

А морская пехота — полярная гвардия.
Здесь сегодня везде в сопках
гнёзда из камня.
Пальцы мёрзнут держать
на сугробе винтовку,
Но атаккой сменяется бомбардировка.

В штурм — по белому снегу
и с криками дикими...
Заалеют кровавые капли брусники.
Отлетают от камня осколки гранаты,
И вмерзают в окопы матросы-солдаты.

Море слёзы глотает. Солёные брызги.
А в отсеке письмо —
карандашным огрызком:
«Кислород на исходе, но мы не сдаёмся!
Вы простите в Полярном,
что мы не вернёмся...».

В снежном царстве ветров,
у холодного моря
Он стоит, наш защитник,
наш северный воин!
Ни на шаг не отступит. Он верен присяге.
Никогда пред врагом
не спускали мы флаги!
04. 2015г.

Тишина

Какая наступила тишина!
Победа взорвалась огнём салютов.
И стихло всё.
Окончилась война,
Но не заснуть не спавшим много суток.

Не рёв моторов, взрывы иль стрельба,
А тишина до боли режет уши.
Как капли крови капает она,
Царапая свинцовой пулей душу.

Как в память врезалась такая тишина,
Как будто бы затишье перед боем.
Где соловьи? Ведь в воздухе весна,
А не бомбардировщик с жутким воем.

Ночь без войны...
Пока ещё не мир.
«Победа!!!» —
этот крик так долго ждали.
И вот война закончила свой пир,
Допив бокал, наполненный слезами.

Как много жизней выплакано в ночь!
Война гремела, пеплом посылая.
Страх смерти невозможно превозмочь,
Но шли на смерть, все страхи презирая.

Освобождая землю от чумы,
Советский воин, жизни не жалея,
Шёл в бой, чтоб больше не было войны,
От взрывов не дрожали колыбели.

Прислушайтесь минутку к тишине
И вспомните ушедших в бесконечность.
Кто ради жизни жизнь отдал войне —
Им память, им цветы, огонь и вечность.

Какая наступила тишина!
Глотками — радость, горе — без рыданий.
В мозг воспалённый ворвалась она,
Прокручивая фильм воспоминаний.

Тревожно разум напрягает слух,
Не верит тишине — угрозе скрытой.
Не спит солдат,
в висках лишь сердца стук.
Не спи солдат! Мир под твоей защитой!
01. 2015г.

Деду Ване

Иван Петрович Никулин, участник
Великой Отечественной войны.

Как все, с котомкой за плечами,
От сельсовета шёл в строю.
«Победа будет, брат, за нами,
Мы отстоим страну свою!».

Он был подносчиком снарядов,
Артиллерист, простой солдат.
Как вдруг рвануло что-то рядом —
Нет ни винтовки, ни гранат.

Чем должен был он застрелиться,
Чтоб не попасть в немецкий плен?
Но государственные лица
Заменяют каторгой расстрел.

Сибирский уголь вагонеткой
Катай, Иван, родной стране,
Чтоб ели хлеб родные детки:
Ты был в плену, не на войне!

К тридцатилетию Победы
Я помню Дом культуры полный.
Стоят на сцене пионеры,
Аплодисментов катят волны.

Он пил стаканом самогонку

И плакал, слёзы не скрывая:
Пусть хоть вот так,
Ну хоть вдогонку,
Его нашла награда Мая.

Ведь всё же Родина признала,
Что бились за неё сыны...
На пиджаке его сияла
Медаль участника войны.
04. 2010г.

День Победы

В этот радостный день
вы наденьте парадную форму,
Встаньте в праздничный строй,
чтоб почувствовать локоть друзей.
Не стесняйтесь наград,
мы такими хотим вас запомнить.
Вы спасли этот мир
для счастливых и солнечных дней.

Вы прошли сквозь войну,
как проходят сквозь минное поле.
Кто остался в живых,
тот завидовал павшим порой.
Вы добились Победы
своей несгибаемой волей,
Так примите цветы и поклон —
самый низкий, земной.
04. 2010г.

Командир подводной лодки

Красиво сказано:
«Он первый после Бога!».
А что стоит за этими словами?
И хоть мы все идём одной дорогой.
В ответе он за всё, что будет с нами.

Он первый после Бога, если нужно.
И в море уходит нам с ним не страшно.
В его руках смертельное оружие
И жизни корабля и экипажа.

И в плаванье с названьем «Автономка»,
Скомандовав:
«Рули — на погруженье!»,
Не скажет командир, как одиноко,
Как сложно принимать ему решение.

Не страшно в море
встретиться с врагами.
Не с улицы приходят в командиры.
Мы с ним не раз в подлодке выжидали,
Потом не раз в атаку выходили.

Неизмерим ответственности груз
Строками корабельного устава.
«Я ошибаться вовсе не боюсь.
Я быть неправым не имею права».

В борьбе за жизни не бояться смерти,
И не дай Бог,
чтобы пришлось однажды
Всем покидать корабль и...
быть последним.
Но... первым быть всегда для экипажа.

Он первый, он имеет это право.
Он сделал всё, долг до конца исполнил.
Сойти последним или же остаться
С подлодкой, что сама уходит в волны?

И перед Богом он за всех ответит.
За каждого, кого с собой взял в море.
Он одинок, один на белом свете...

Хотя мы с ним и в радости, и в горе.
Обычный человек, причём здесь боги.
Не слушайте вы, люди, сказки эти.
Его судьба — подводные дороги.
Он пред собой за Родину в ответе.
19.03 2018г.

Экипаж

Мы не будем делиться на красных и белых,
Нас нельзя разделить — мы один экипаж.
Мы готовы на самое трудное дело,
За Россию пойдём на любой абордаж!

Офицеры запаса, вы сейчас не в отставке.
Позови, и откликнется каждый из вас.
Экипаж самолёта, подлодки и танка —
Вы для нашей страны драгоценный запас!

Честь имеем, друзья,
и уж если возьмёмся,
Мы готовы за Родину душу отдать!
Пусть на нашей земле
наш ребёнок смеётся,
Мы сумеем в бою за него постоять!
19. 03. 2010г.

До встречи несколько минут

До встречи несколько минут.
Тревожно взвыл буксир портовый,
Уж приготовили швартовый.
Подлодку, словно вечность, ждут.

Устало к пирсу, не спеша,
Она залива гладь качает.
И собирает стайки чаек,
Как будто хлеба им кроша.

Как чёрный кит спиной скользкой
Она подтянется к причалу:
«Ну, здравствуй, полуостров Кольский!
Весь городок меня встречает!».

Ну что за праздник, в самом деле.
Оркестр играет, слёзы, радость.
Но только двое на причале
Не замечают этот праздник.

«Ну что ж, вот ключ...
Я уезжаю,
Мне надоел твой Север, море.
Ты не простишь меня, я знаю.
Мы обо всём забудем вскоре.
Давай не будем объясняться,
Пусть жизнь рассудит, Бог накажет...
Когда-нибудь мы, может статься,
Возможно, встретимся однажды».

И писем не пиши, не нужно,
Я их надолго начиталась.
И не хочу, чтоб наши чувства
Перерастали в нашу жалость».

Но нет, конечно же, не это
Они друг другу говорили.
Обнявшись, в поцелуе крепком,
Они про всё вокруг забыли.

«Любимый мой, мы вместе снова,
Нет слов от радости и счастья.
Как подобрать такое слово,
Чтоб никогда не разлучаться?»

«Любимая, ты не забыла,
Там, вдалеке, в морях, я понял:

Твоя любовь меня хранила.
А значит и страну от войн».

Влюбви разлука — испытанье,
И нет прекраснее награды,
Чем, возвратясь с походов дальних,
С тобою находиться рядом».

Любовь за время их разлуки
Лишь разгоралась, а не гасла.
Переплелись в объятьях руки.
И завершилось всё, как в сказке.

Переживали к сердцу близко...
Могли быть сцены и другие.
Как будто старый фильм индийский.
Ну что тут скажешь? Молодые!

Крылья с крестами

В чистом поле ромашки
и солнечный день.
И стрекозят кузнечики звонко.
Только вдруг промелькнула
крылатая тень,
Зацепилась за край горизонта.

Развернулся, идёт на повторный заход.
Режет воздух мотор лопастями.
Зазвенела жара, застрочил пулемёт.
Помню только, что крылья с крестами.

Был потом медсанбат,
как кровавый закат.
Много раненых, слёзы и стоны.
Помню, доктор сказал:
«Повезло тебе, брат».
Помню, в тыл увозили вагоны.

Санитарный состав, от погони устав,
Мчал на всех скоростях, задыхаясь.
А над ним этот ястреб
с крестами летал,
Из кабины смотрел, усмехаясь.

Он бомбил паровоз,
тот, что раненых вёз.
Он стрелял убегающим в спины.
Было страшно и жутко, обидно до слёз.
Только нечем достать до кабины.

Эту память войны
в наших снах не стереть.
Это страх, что сменился отчаянием.
Нам хоть с саблей на танки,
хоть с камнем на смерть
Замахнуться, и выжить случайно.

Я винтовку поднял у того, кто упал,
Чтоб войне этой точку поставить.
И уткнувшись в кусты, самолёт догорал.
Не спасли его крылья с крестами.

Человеческий зверь,
чтоб фашизм породить,
Никогда не поднимется в небо.
Даже пуля одна может всё изменить.
Быть планете людей, или нЕ быть...?

Время

Мы со временем жизни
азартно играем в игру,
Хоть мы даже не знаем
отпущено сколько кому.
Но, и выиграв время,
с годами мы будем стареть.
А ведь главное, чтоб уходя,
ни о чём не жалеть.

Лейтенантский вальс

Шорох листьев под ноги упал,
Покидая берёзки и клёны.
Осень в парке устроила бал,
Приглашая на танец влюблённых.

Ярким золотом солнце блестит,
Отражается в меди оркестра.
И мелодия вальса летит,
Повинуясь указке маэстро.

Под ногами из листьев пасьянс
Фея осени нам разложила.
Пропустив кинофильма сеанс,
Под волшебные звуки кружила.

Кружат туфельки и сапоги,
В волнах вальса влюблённых качая.
«Ах! Простите, не с этой ноги...»
«А давайте, ещё раз, с начала...»

Раз, два, три... Раз, два, три...
Раз, два, три...
Разлетаются листья, как птицы.
«Ты под ноги сейчас не смотри...»
В эти лица нельзя не влюбиться.

Где-то там далеко впереди
Будет бой, увезут нас вагоны.
А сегодня мне руки твои
На плечах обнимают погоны.

Год четвёртый грохочет война.
Мы знакомы всего две недели.
Очень главные в жизни слова
Мы друг другу сказать не успели.

А сегодня подписан приказ.
Рано утром на фронт я уеду.
Сквозь войну пронесём этот вальс.
Знаю, встретимся после Победы.

Бег

Мы бежим из России в Россию,
А в глазах одиночества страх.
И вот кажется, кончатся силы,
Как завод на карманных часах.

Путь далёк за моря и за реки,
Затеряться в пустынной тиши...
Будут турки, французы и греки,
Но не будет вокруг ни души.

Будет память тревожить ночами
И кабацкой гитарой звенеть.
Вновь захочется в детство и к маме,
Вновь захочется плакать и петь.

Словно грозди рябиновых ягод
Запеклась в нашей памяти кровь,
Вкус зелёных антоновских яблок,
Белый снег и большая любовь.

Запах ёлки в ночи новогодней,
Колокольчиков звонкая нить.
Всё, что есть, мы готовы сегодня
Всё отдать, чтобы их возвратить.

Долететь, доползти,
поклониться,
Всех простить и оттаять душой.
На чужбине всегда будет сниться
Берег Родины, берег родной.
10.03.2021 г.

Оксана БОРОНИХИНА

Родилась в 1970 году в посёлке Нижнеангарск Бурятской АССР. Образование высшее (Кемеровский университет и Кемеровский институт культуры). Руководитель рекламно-издательского отдела ЦБС Прокопьевского муниципального округа. Участница районного поэтического клуба «Чистые родники» и литературного Южно-Кузбасского союза «ЛЮКС». В 2015 году награждена медалью Союза журналистов России «Памяти Интернет-журналиста Владимира Сухомлина» за поэтическое-публицистическое произведение «Я и война», выставленное на Всероссийский конкурс «Страницы семейной славы».

В 2016 году вошла в число ста финалистов Всероссийского поэтического Интернет-конкурса «Музыка слов».

Неоднократно побеждала на региональном поэтическом фестивале-конкурсе «Кузбасский зимородок» (г. Новокузнецк), в открытом фестивале-конкурсе «Осеннее многоцветье» (г. Прокопьевск). В 2020 году заняла 1-е место во Всероссийском конкурсе творческих работ «Путешествие с книжными героями» за библиотечную сказку в стихах «Книжка про домовишку», в том же году получила Диплом 1-й степени Международного интернет-конкурса «Страницы семейной славы» за поэтическое-публицистическое произведение «Воспоминание о бабушке».

В 2022 году стала победителем Международного творческого конкурса «Кошачьи будни», организованного международным Центром творческого развития «Арт-птица». В сентябре 2022 года награждена Благодарственным письмом Государственной научной библиотеки Кузбасса им. В. Д. Фёдорова за большую работу по продвижению творчества кузбасских литераторов и активное участие в реализации региональной культурно-просветительской программы «Литературный туризм в Кузбассе».

Член городского клуба художников (г. Прокопьевск).

Воспоминания о бабушке

Первое впечатление

Впервые свою бабушку Стукалову Татьяну Андреевну я увидела в шесть лет. Вроде, мы встречались раньше, но эти встречи были младенческими, неосмысленными.

А в шесть лет состоялась встреча разумная — мы переехали жить в бабушкин посёлок и заселились в бабушкин дом. Впечатлений была масса, и хороших, и неприятных. Из грустных — у бабушки не было собаки, а я очень любила собак и жутко скучала по лайке Жутьбе, которую оставили на прежнем месте жительства.

А ещё — все стены бабушкиного дома были проточены какими-то осами, которые постоянно влетали и вылетали из своих норок и кружились во дворе дома. В воздухе висело жужжание.

Мы боялись всех полосатых насекомых, поэтому старались держаться от стен подальше, а в особенно солнечные дни забегали в дом мимо жужжащей стены бегом, закрыв от страха лицо руками.

Хорошее — это, конечно, ласковая коза Катька с круглыми, сказочно красивыми рогами и глазами «с досочкой». Хорошее — это поляна с клевером, который, оказывается, можно есть, он сладкий.

А ещё на этой поляне после дождя росли шампиньоны.

Самое хорошее — это быстрая холодная река Молокон, текущая в нескольких метрах от дома. Купаться в ней было невозможно, вода была просто ледяная, но кораблики мы пускали всё лето, постоянно и самозабвенно соревнуясь в скорости, выносливости и красоте своих плавсредств.

Самое-самое хорошее — это бабушкин дом, срубленный ещё до войны дедом: лиственничный, тёплый, крепкий, с маленькими окнами и бревенчатými стенами.

Бабушкин дом

В доме были сени, кухня и комната. В комнате было красиво: на кровати торжественно выселись одна на другой мал-мала-меньше три вышитые подушки, прикрытые узорной накидашкой. Везде лежали салфеточки с вышивкой, и покрывало на кровати тоже было вышитое.

На стене висел ковёр, но не помню точно, либо плюшевый, либо самодельный, вышитый крупным крестом. А на стенах — вышитые картины, из которых больше всего мне нравился портрет овчарки.

Из сеней в дом вела маленькая, очень низкая дверь из толстенных досок с очень высоким порогом. Чтобы зайти в дом, нужно было низко поклониться и высоко поднять ногу, практически, сложиться вдвое.

Обычно все незнакомцы, заходившие в дом, бились головой о притолоку, что очень веселило нас, детей.

Полы в комнате и кухне никогда не красились, бабушка часто натирала их песком с речки, а потом хорошо прометала веником.

В доме пахло чистотой и деревом, паклей, лесом, теплом. В нём жили солнечные зайчики, они заскакивали в низкие окна, жёлтыми квадратами двигались по полу, вздрагивали на стенах, отражались в старинном зеркале.

Зеркало было тёмное, мутноватое, плохо отражающее лица; в его уголках торчали пожелтевшие открытки и фотографии.

От порога комнаты вглубь веером шли самотканые дорожки.

У бабушки был ткацкий станок — красны, и она периодически собирала его в комнате и садилась ткать.

Мы, маленькие, помогали, как могли, — нарезали полосками отжившие свой век колготки и чулки, мотали тканевые клубки.

Окна

В доме всегда было чисто, уютно и, в зависимости от температуры на улице, тепло в холодное время года и прохладно — в зной.

Окна — маленькие, глубокие. На зиму в них вставляли вторые рамы. Это был целый ритуал: мы с отцом и бабушкой набирали в лесу красивый мох, сосновые шишки и ягоды рябины, затем всё красиво размещали между рамами и накрепко закупоривали щели полосками ткани. Сверху стыки проклеивали бумагой.

Зимой окна всё равно покрывались толстым слоем льда, и мы прикладывали к ледяному наросту копеечки, чтобы протаивать узкое «окошечко», через которое было видно, как бабушка, отец или мама несут с реки воду.

А на лето вторые вставные рамы из окон убирались, и подоконник становился любимым местом наших игр, там располагались наши игрушки, часть из которых были самодельные, вырезанные отцом из дерева.

Иногда на подоконнике грелся серый кот Васька.

Козы

У бабушки были козы — несколько штук, которых каждое утро выгоняли в стадо.

Вожаком стада был старый козёл с бородой и огромными рогами. Его боялись все собаки по улице и все дети; когда стадо проходило по посёлку, мы рассыпались по заборам и наблюдали, как это бородатое злобное чудовище уводит своих блеющих подопечных в лес.

Мы понимали, что стаду нужен именно такой вожак, чтобы на коз не напали волки и бродячие собаки, но всё равно страх перед козлом был паническим.

В феврале-марте бабушкины козы котились — приносили одного или;

чаще, двух козлят. Чтобы малыши не замёрзли в стайке, бабушка приносила их домой и устраивала в кухне в загончик за печку.

Мы обожали козлят, они быстро росли и были очень игривыми. По вечерам бабушка их выпускала, они скакали друг за другом по стульям, перепрыгивали в кухне скамейку, бодались и громко бе-е-кали.

Иногда, сурово наклонив лупоглазые мордашки с большими ушами, боком-боком наскакивали на нас с сестрой, пытались провести атаку.

Мы весело хохотали и хлопали в ладоши, а козлята начинали носиться, как заведённые, взбрыкивая тонкими задними ножками и звонко стуча копытцами.

Жизнь

Бабушка мне понравилась. Она носила воду из реки на коромысле, любила ходить в лес за грибами и ягодами, по утрам и вечерам доила коз и никогда не уставала.

Она была сухонькая, подвижная, морщинистая, на тёмном лице с острым носиком ярко голубели глаза.

Она знала все травы, которые росли на ближайших склонах гор и вдоль опушки леса, их полезные свойства, когда нужно собирать, как заготавливать. Когда мы вместе ходили в лес, бабушка рассказывала о растениях. О самой вкусной ягоде-княженике, которую только князь ели, о диком ревене, из стебля которого можно варить квас, о каменной смородине, которая несъедобная, но жутко полезная.

В сенцах все пространство вдоль стены под потолком было увешано ароматными сухими связками. Бабушка была «травница» и лечила весь посёлок.

Иногда мы с бабушкой ходили в баню — к другой старушке, бабушкиной подруге. Бабушка брала с собой два веника, хвойный и крапивный, и долго парилась. Мы, дети, в парной высидеть

долго не могли и быстро перебирались в дом, где бабушкина подруга (имени уже и не помню) кормила нас пирожками и поила квасом. Когда бабушка, напарившись, заходила в дом, мы обычно уже клевали носом и чуть не падали с лавки.

Одежда

У бабушки был сундук, доверху заполненный одеждой. Там хранились платья, все какие-то одинаковые: длинные, тёмно-синего цвета в мелкий цветочек.

Часть платьев была домашняя, часть — праздничная, но я не видела различий. Поверх домашнего платья бабушка всегда повязывала фартук. Без фартука я её практически не помню.

Фартуков было множество, и она их постоянно меняла: в одном доит козу, в другом готовит еду и кормит нас, в третьем копается в огороде, в четвёртом сидит вечером с соседкой на лавочке у дома.

Ещё у бабушки было много платков — она одновременно повязывала два, три, иногда четыре платка. Нам это было смешно, и мы с сестрой, дурачась, иногда тоже накручивали на голову несколько бабушкиных платочков и ходили по дому как оглушённые головастики. Бабушка не сердилась.

Зимой она носила чёрное плюшевое пальто с ватным стеганым подкладом. Когда бабушки не стало, плюш с пальто сняли и мне из него сшили на Новый год наряд Чёрной шахматной королевы.

Платье вышло очень красивым, на утреннике в школе я получила приз.

Книга

Бабушка, одна из немногих в Сыром Молоковне, умела читать, она несколько лет училась в церковной школе. В кухне всегда хранилась одна толстая книга.

По вечерам, после ужина, когда все хозяйственные хлопоты были завершены, бабушка аккуратно протирала стол чистым полотенцем и доставала книгу, бережно кладя её на стол.

Она поудобнее устраивалась на стуле, надевала очки и раскрывала фолиант. Читала медленно, про себя, водя по строчкам коричневым пальцем. Осилит одну страницу, вздыхала, закрывала книгу и задумывалась.

Потом вновь убирала том на верхнюю полку буфета. Мне было интересно, что это за книга, и один раз я попросила бабушку показать обложку. Книга называлась «Спартак».

Застолья

Еда у бабушки в доме была очень простая и очень вкусная. По утрам — молоко и свежий хлеб, каши на молоке; в обед на столе появлялись котлеты, солёная рыба, жареная картошка с грибами, квашеная капуста и пирожки.

Вечерние застолья часто сопровождалась питием бражки, причём бабушка всегда наливала и нам с сестрой по трети стакана, а на мамини возмущения спокойно отвечала, что это «про-

сто квасок», и пить его надо обязательно «для витаминов».

На праздниках за столом всегда пели. Любимой бабушкиной песней была комсомольская «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...»

Пела она тонким голосом, samozабвенно, вытирая глаза платочком. Если выпивала много браги, то могла петь одну и ту же песню часами. Родители сердились и общими усилиями уводили её спать.

Смерть

Бабушка ушла от нас быстро.

Сначала заболела и стала лечиться сама, а когда самой вылечиться не удалось, операция уже была бесполезной. Рак. У неё изменились руки: стали сухими, пальцы вытянулись и ногти потрескались вдоль глубокими бороздами.

Ещё бабушка стала есть сырую печёнку — без соли и хлеба. Наверное, продолжала лечиться своими деревенскими методами, хотя всё уже было бесполезно.

Операцию всё же сделали, и она слегла. Дома поселился сильный запах гниющей плоти, все ходили грустные. Умерла она быстро, и несколько дней ворота дома были открыты, а отец отвозил с верхней металлической перекладины ворот наши качели и грустно сказал, что пока качаться на качелях нельзя — бабушка умерла.

Воспоминания о бабушке

Только сердца стук —
Тук-тук-тук,
Баюшки да ладушки,
Вспомнилось о бабушке...

Рыбацкий посёлок.
Начало века.
Рожденье нового человека.

Что ребёнку — Первая мировая,
Революция, смута, Колчак?
Незаметно
Прошло-пропало,
Словно лёд весной
Оторвало и унесло
От обкатанных валунов
С берегов седого Байкала.

Дальше — молодость, счастье, сила.
Воду носила, траву косила,
Мужу помощница и подруга,
Жили...
Вдруг —
Чёрный смерч, кровавая вьюга,
Горя стена — война.

Оставил с тремя детьми
И ушёл с другими людьми
На запад — сильный и молодой,

Вернулся — странный,
Шальной, худой,
Седой волос — привет из госпиталей.
Мать, ты там...
Налей...

Прожил немного и умер,
А раз не погиб в бою, как герой,
Вдове его с четырьмя детьми
Помощи не было никакой.
Горя хлебнула сполна,
Всех вырастила — одна.

...Внучка бабушку пытается:
— Баба, баба, расскажи,
Что ты делала в войну,
Как текла в посёлке жизнь?
Ты из ружья стреляла?
А немцев ты видала?

— И в войну, детка, люди жили,
Печи топили, козлят кормили,
Носки вязали и писем ждали,
Рыбы бошки кушали,
Да радио слушали.
И я... верила в Победу,
Ожидала деда.

Тут слезу смахнёт,
Да сбормочет-споёт:
— Уходили-то на фронт
крепьши-мужики,
А вернулись-то обло-мыш-ки.

Я и немцев повидала,
Много их здесь побывало —
В камнеломне камень били,
Там и сги-ну-ли.
Жалко было, нету сил,
Добрый люд им хлеб
Носил.

Ну а дальше про него,
Про супруга своего
Поёт тонким голоском,
Утирается платком:
— Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону,
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну...

Так, без жалобы и обиды,
Прожила свою жизнь в труде.
И осталась в памяти внуков
Да в байкальской студёной воде.
Но в победных знамён колыханьи
Есть и бабушкино дыханье.

В ритме наших времен —
Её сердца стук —
Тук-тук-тук.
Тут и ладушки, тут и баюшки,
Все в Сибири живём,
Внуки бабушкины.

Прокопьевск

Владимир Стряпин

Братья

Кузбасс и Донбасс — побратимы,
Шли об руку, споря порой.
Но сволочь нацистская мины
Взорвала, нарушив покой.

Какие-то мерзкие твари
Терзают, братишка, твой кров
И на куски разрывают
Бетонные стены домов.

И бьют твой народ, словно в тире,
Прицельным злоеющим огнём.
Подвалами стали квартиры.
Зачем? Мы с тобой не поймём.

Изрыта земля от снарядов,
Кассеты швыряет Аид.
Скажи, брат, кому это надо?
За что же такой геноцид?

Понятно, за что «провинился»,
Кровавая боль на двоих,
Что иродом не подчинился,
Но мы не бросаем своих.

Нам надо лишь объединиться,
Я в помощи не задержусь.
Вернутся былые границы,
Поможет нам Матушка-Русь.

8 апреля 2022 года

Опять по мирному народу
Ракетой страшной «Точка У»
Стреляли нелюди-уроды,
С детьми затеяли войну.

Лежат на площади вокзала,
Кто чаял скрыться от забот.
Тела их просто растерзала
Своя страна — нацистов сброд.

И это был уже не первый,
Когда Донецку нанесли
Такой же в спину выстрел скверный,
Там тоже люди полегли.

Взрывают всё: мосты, плотины,
Поля минируют везде,
Где не корма, а только мины,
Чтоб пролилась кровь на земле.

Когда же сволочи закончат
Поход кровавый по стране?
Когда Россия их прикончит,
Когда сгорят в своём огне?

И даже бабушка держала
В руках советский красный флаг,
Где Серп и Молот — вот Держава,
Что не отступит ни на шаг.

Ну а поганая Европа
Заткнёт вонючий мерзкий рот.
Ведь знают все, что по народу
Гнилая мразь гранатой бьёт.

Нет, не умеют эти звери,
Чужою жизнью дорожить.
Нацизм падёт, я в это верю,
Не будет он на свете жить.

Осинники

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добра и поучительна. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой Отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг – «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Они знали правду о войне!

Что для мужчины главное? Родить сына, построить дом и посадить дерево. Для поколения, которому довелось пройти все тяготы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, главным стало – защищать Родину, сына, дом и дерево. Большинство свидетелей тех грозных лет не дожили до наших дней, виной этому стали ранения, тяжести восстановительного периода страны и время. Ветеранов Великой Отечественной войны осталось так мало, что можно по пальцам пересчитать, и не мудрено, ведь с тех пор прошло 78 лет. А это значит, что самому молодому из того поколения воинов сегодня должно быть около сотни лет.

Однако живы те, с кем ветераны Великой Отечественной войны жили бок о бок, кто помнит их рассказы. Сегодня, на фоне обострившегося процесса русофобии в Западном мире, в истерической попытке переписать историю побед Советской Армии в 1941-1945 годах, следует обратиться к реальным историям реально воевавших солдат Советской Армии.

Многие журналисты и просто пишущие люди сегодня сожалеют, что не записывали рассказы наших дедов, отцов, соседей и просто знакомых, прошедших горнило Второй мировой войны.

Неприукрашенная история жила и живёт в их судьбах.

Моему родственнику ветерану Великой Отечественной войны Семёну ПЕРЕВАЛОВУ довелось дожить до 93 лет.

Помнится, что в свой девяностый день рождения Семён Петрович встречал у себя дома не только внуков и правнуков, но и работников отдела социальной защиты населения города Новокузнецка, чем он очень был доволен. «Надо всех ветеранов поздравлять с каждым днём рождения, – сказал Семён Петрович, – нас осталось так мало».

Именинник продемонстрировал гостям новенькую медаль, выпущенную в ознаменование 65-летия Победы, посоветовал, что не может показать осталь-

ные свои награды, потому что они прикреплены к парадному пиджаку.

– Но самая дорогая награда всегда со мной, – сказал Семён Петрович, указывая на значок, вручённый ему во время войны как лучшему снайперу.

... В сорок первом году два друга, Семёнушка Перевалов и Фролка Тишаков, были призваны в армию. Местом их службы оказался далёкий северный край. Для сибиряков суровая природа востока нашей страны была привычной. Парни деревенские, сильные, работающие, а потому и служить начали легко и весело.

Семёнушка Перевалов в своём краю слыл за отчаянного озорника, для которого без шутки жизнь не имела смысла, а уж в части в свободное от нарядов и учений время давал он роздых душе. На всякий случай у него были свои шутки и прибаутки, весёлые рассказы из жизни.

Мечтал солдат Перевалов после армии вернуться домой, выучиться, завести семью, потому что сам очень рано остался сиротой. Хотелось иметь большой дом, много детей, и чтобы все «учёными были», а не только деревенскую школу окончили.

Война изменила всё. Мечты были отодвинуты «в долгий ящик», надо было Родину защищать. Отсиживаться в

своей части Семёнушка не собирался и вскоре оказался на фронте.

На распредпункте офицер внимательно посмотрел на солдата, на его соколиную выправку и спросил: «Ходить-то умеешь?» Семёнушка взял под козырёк: «На Алтае поля немеряные, а леса нехоженые, там все ходить умеют». Так Перевалов попал в пехоту.

Тяжёлое время было: родную землю оставляли на растерзание врагам. Душу кошки скребли, ведь отступать – не наступать. Позорно бабам в деревнях в глаза глядеть, тошно мимо стариков идти, винтовка как мешок камней к земле тянет. Осень начала по ночам холод подпускать.

А однажды выпала удача: так случилось, что батальон, в котором воевали два алтайских дружка Семёнушка Перевалов и Фролка Тишаков, пошёл в атаку и отбил у фашистов только что сданную деревеньку. Ворвались солдатики в селение, пролетели его на одном дыхании. Отогнали врага, а тут ещё и танки с артиллерией подоспели.

Как там что случилось, история не запомнила, а дед Семён сильно не распространялся. Только однажды в 90-х годах прошлого столетия увидел он в телепрограмме, как молодые и рьяные перестройщики «играют» в добряков-миротворцев.

Вначале дед просто смотрел программу, в которой молодые ребята восторженно рассказывали, что они пытаются примирить бывших «соперников». Говорили, что это правильно, если советские ветераны пожмут руки немецким солдатам Второй мировой.

Дед сильно напрягся, сжал покаленную войной руку и что-то тихо забормотал.

Картинка сменилась: ведущие уже сидят в машине, с ними дородный старик-немец. И молодой русский говорит старику-немец: «Волнуетесь, наверное, вы сейчас проедете по местам вашей боевой славы, по местам, где воевали»...

Слушать дальше мы не могли, потому что дед вдруг кинулся на телевизор, заматерился, чего мы никогда не слы-

шали из его уст. Кое-как успокоили деда. А он заплакал и рассказал, что тогда, осенью 41-го, они отбили деревушку и не обнаружили в домах, погребках ни одного человека. Собак, и тех не было.

Счастливые своей победой солдаты рыли окопы, чтобы отражать наступление фашистов. Привезла обед полевая кухня, и кто-то из солдат решил набрать воды из колодца...

«Не было воды в колодце, – скрипел зубами сквозь рыдания старый солдат, – он был забит трупами баб, стариков и детей. Мы сдали село сутки назад, и за сутки фрицы поубивали всех. Как можно это забыть? Как могу я руку пожать выродку, который стрелял в безоружных стариков, в детей малых. Как я могу забыть тех, кого мы вытащили из этого колодца?!»

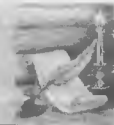
От рассказа деда Семёна мороз шёл по шкуре, мы сидели, пригнутые к земле. Война настигла нас спустя половину века. Мы вместе с солдатом Семёном Переваловым «вытаскивали» ещё не тронутые тленом, окровавленные тела младенцев, подростков, женщин, стариков. Рыли общую могилу, потому что знали, что снова отступим, так как силы неравны. Мы входили в резонанс того священного гнева, который рождался в душах советских солдат, засыпающих землёй оборванные жизни ни в чём не повинных людей.

Эта деревня стала для солдата Перевалова местом, где он поклялся биться с фашизмом до последней капли крови. И ни разу не изменил своей клятве.

Война наступала на мирную жизнь. Часть, в которой воевал Перевалов, с переменным успехом вела бои за каждый куст. Уже поменялся весь состав, после каждого боя хоронили друзей и тех, с кем не успели ни разу словом перекинуться.

Однажды во время короткой передышки капитан, ещё раньше заприметивший, что пехотинец Перевалов очень метко стреляет из своей трёхлинейки, не впадает в панику, спросил:

– Откуда ты такой бравый?

— Алтайские мы, — ответил солдат Перевалов.

— Стреляешь метко!

— Не жаловались ни белки, ни зайцы, когда на охоту ходил.

Так стал Семён снайпером, одним из лучших. Два года по окопам в мороз, зной, в метель и дождь обнимался он со своей снайперской винтовкой. Тяжело было в отступлениях. Душа болела за родную землю, за то, что оставляли они, бойцы-защитники, мирное население на поругание врагу.

Главным делом на фронте для Семёна Перевалова было выбивать вражеских офицеров. Выдвигается он на позицию, маскируется и ждёт, часами ждёт, когда в расположении противника появится нужный объект. Бывало, что палец на спусковом крючке деревенел от напряжения. Зимой тяжелее всего приходилось. Деревья голые, поля — белые, морозы стояли такие, что тело быстро коченело.

— За два года ни разу не пришлось ночевать под крышей, — рассказывал дед Семён, — но ни разу никто не захворал. Когда стояли под Моздоком, там погода была паршивая: вечером дождь пойдёт, а к утру мороз прихватит. Мокрые шинелки смёрзнутся, что руку не разогнёшь, становишься как связанный. Чтобы разбить лёд, мы по земле катались, потом прыгали, глядишь, и разомнём шинелки. В это время наши войска уже окрепли и стали прижимать хвост фашистам. Вот под Моздоком так случилось, что остановили мы фрицев. Нам-то ничего, мы привычные к холоду, морозу, а уж они поплясали.

Я на позицию выдвигаюсь затемно, чтобы устроиться на лежбище. В прицел мне хорошо видно, как вражины скачут от мороза. По солдатам я не стрелял, а чего их бить, они, поди, и сами не рады, что их сюда пригнали. Искал снайперов да офицеров. Иногда день просидишь без дела.

Как бы ни было тяжело, Семён никогда не падал духом. Вернётся с позиции к друзьям своим боевым и ну их рассказами потчевать. Кому байку расскажет, с кем песню споёт, а то и на тальянке заиграет развеселую плясовую. Да так, что ноги сами в пляс идут.

Вот как-то во время отступления фронт более-менее стабилизировался. Позиции противника и наши были не так далеко друг от друга.

— Дорога там между позициями проходила, — рассказывал Семён Петрович, — по одну сторону дороги — немцы, а по другую — мы. Замучал немец нас артобстрелами. Вдохнуть не даёт. Полевая кухня приехала, а поесть нет никакой мочи. Ну, высунулся я из окопа и кричу во всю плотку: «Фриц, кончай стрелять, дай позавтракать».

Ребята на меня:

— С ума сошёл, подстрелят...

Только слышим, с той стороны дороги нам кричат:

— Латно, савтракай.

Обстрел прекратился, и мы спокойно смогли покушать.

... Война для Семёна Перевалова за-

кончилась февральским вечером 1943 года. Весь день просидел он в засаде и думал, что напрасно. Уже ждал сумерек, чтобы спуститься со старой развесистой берёзы, приютившей его в тот раз и прикрывшей ветвями, как увидел движение во вражеских окопах.

— Пожадничал я в тот день, — вспоминал старый солдат, — когда «снял» первого, надо было поменять позицию, потому что насолил я им сильно. Только хотел уходить, во вражеском окопе ещё один офицер появился. Не удержался я — выстрелил. И сразу же по мне начали бить из всех видов орудий. Снаряды густо ложились, а один рванул справа от берёзки. Больше я ничего и не помнил. Очнулся в госпитале. Хирург рассказал, что меня ночью вытащил какой-то старшина и доставил в медсанбат. Я до сих пор не знаю имени этого старшины. Если бы не он, не было бы у меня детей и внуков, там, на поле, и остался бы. А вот не судьба мне была помереть смертью храбрых. Он да хирурги вернули меня с того света.

Очнулся я, чую, что люди говорят. Мужской голос говорит, что надо у меня ампутировать и руку, и ногу.

— Жалко, такой молодой, — почти плачет женский голос, — а ни руки, ни ноги не будет.

Мужской сожалеет:

— Там одни лохмоты, не сростутся кости, да и гангрена начнётся.

Надо мной склоняются двое. Понимаю, что сейчас отрежут и руку, и ногу.

Собрался с силами и говорю:

— Оставь, как есть. Заживёт. Отрежешь, поправлюсь и убью тебя!

Хмыкнул мужик:

— Так гангрены боюсь.

Скриплю зубами:

— Что же ты за мужик такой, что гангрены какой-то боишься?

Сознание потерял с последней мыслью, что очнусь инвалидом, а когда пришёл в себя, то первым делом проверил: все ли части мои на месте. Доктор потом удивлялся, что кости срослись. А мы, алтайские, двужильные, на нас всё как на собаках заживает.

Сколько раз меня оперировали — не помню, со счёту сбился. Изранен был весь правый бок: нога, рука, голова и тело, много железа из меня вынули, но не всё, потому что не всё можно достать без вреда для меня. Так что в голове у меня и сейчас сидит много осколков. Полковник-хирург сказал: «Живи, сколько проживёшь». Вот я и живу до сих пор.

...Полгода кочевал снайпер Перевалов по госпиталям, много боли перенёс. Печалился только об одном, что не сможет на гармошке играть, потому что три пальца правой руки не разгибались. Но в силу своего характера он даже над такой своей бедой подсмеивался: «Это тебе, чтобы руку в кулак собрать, надо пять пальцев сжать, а мне — только вот эти два. Гляди — уже кулак».

Вернулся из госпиталя домой, как есть — инвалид, а председатель колхоза его «на хлеб» не ставит. Пришлось солдату ехать в военкомат, искать правду.

Он всегда умел постоять за себя и товарищей, научило сиротское детство.

Мало-помалу привыкал к мирной жизни, поставили его работать учёточком. Утром мужики усаживали его на лошадь, потому что раны на ноге ещё не зажили, рука на подвязке, в голове — звон, так целый день в седле и ездил он по полям. К вечеру в сапоге хлюпало от крови. Ссадят его вечером с лошади, а он и идти не может.

Даже много лет спустя ему было легче стоять, чем сидеть, а в те годы он мог только стоять или лежать, так что поездки на коне требовали силы воли. Вечерами, чтобы как-то утихомирить боль, заново учился играть на гармошке.

...Сбылись мечты Семёна Петровича о жизни. Женился он на хорошей девушке, которая родила ему четверых детей: трёх дочерей и сына. Всех детей выучили, поставили на ноги. Сегодня уже нет в живых Семёна Петровича Перевалова, но есть шесть внуков, двенадцать правнуков. Все они воспитаны в уважении к старшим.

Удивительное, сильное поколение. Они знали правду о войне, они её выиграли. Они уничтожили гитлеровскую машину смерти и думали, что на всей земле наступил мир.

Как же им было горестно, что их внуки не смогли сохранить политый кровью миллионов наших соотечественников мир, синее небо, лёгкий стрекот кузнечиков, чистые реки и утреннюю тишину. В нашей семье не воевали только малые дети: погиб при переправе Днепра Захаров Николай Максимович, сапёром служила Захарова Зоя Максимовна, уже после окончания войны воевал с бандеровскими отрядами танкист Танков Александр Михайлович. Но и дети не оставались в стороне: они паха-

Танков Александр Михайлович крайний справа. 1947 г.

ли, сеяли, косили сено, убирали хлеба. В 16 лет была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» Захарова-Танкова Александра Максимовна. А в те годы награды не раздавали направо-налево и кому ни попадя. Каждая награда была полита кровью и потом.

Сегодня вновь идёт наступление на нашу Родину, и теперь от поколения наших детей зависят свобода нашей земли, счастье наших внуков и правнуков.

Монолог ветерана

*Я очень рад,
что я живым вернулся,
Что дожил я до столь преклонных лет,
И что сегодня утром я проснулся,
И что осколок вынут наконец.
Я очень рад... Но больно ранят душу
Заросшие могилы тех солдат,
Что погибли за свободу нашу,
Пройдя сквозь взрыв,
огонь и дым, и ад.
Мы победили.
Но какой ценою?
Ценою крови и ценой любви.
И вот теперь над истиной простою
Юнец смеётся...
Господи, прости!
Нас осуждают,
что мы победили,
Что поднимали из руин страну,
За то, что внуков мы своих любили,
За старость беспокойную свою.
И на пиру, в застольные мгновенья,
Я поднимаю первый свой бокал
За всех ушедших в смерти измеренье,
За тех солдат,
кто смертью храбрых пал.
Пред ними я коленопреклонённый
И водку горше горя отхлебну.
Я поминаю смерчем унесённых
Героев,
спасших жизнь и тишину.
Я рад, что я живым вернулся,
Что подрастают внуки у меня.
Им лучший жребий,
жребий «жить», достался,
Продолжить наши планы и дела.*

Поседевший парад

*Как далёк этот день,
По ночам вас не будит тревога,
Стёкла мирной избы
Не затянуты тёмным тряпьем.
И давно для детей
Вы не просите мира у Бога,
И не слышен опять
Вой сирены над вашим жильём.*

*Мир давно залечил,
Зализал свои горести, раны.
И окопы сейчас
Не заметны в лесах под Москвой.
Но в ненастье болят
На груди вашей старые раны,
Да по сердцу хлестнёт
Запоздалой горючей слезой.*

*Поседали виски
И походка помедленней стала.
Поредели ряды
На торжественных сборах весной.
Вы простите сынов,
Что внимания дарят вам мало,
Что вы часто одни
Со своею нелёгкой судьбой.*

*На холодный гранит
Лягут пышные ветки сирени.
Их положат к огню благодарные внуки
солдат.
Пусть сегодня звучат
Ноты тихой и нежной свирели,
Принимая
Уже поседевшей
Победы парад.*

Штыковая атака

Рассказ написан в соавторстве с
Александром Васюновым

(Воспоминания ветерана)

Оскалённый рот застыл в последнем крике, а Иван всё колот и колот фашиста. Исколотая штыком шинель была кроваво-красной... Неожиданно мертвец открыл глаза и схватил оконеченными руками солдата за горло... Стало нечем дышать...

— Вань, Вань, — пришёл из глубины штыковой атаки голос жены, — повернись на другой бок, а то опять кричишь.

Холодный пот ручьями стекал на мокрую простыню. Застывшие руки и ноги вдруг пронзили тысячи острейших иголок. Они впились в кожу, просверлили её и ушли вглубь, пробивая разум насквозь. Сердце отчаянно колошматило по рёбрам, словно пыталось вырваться из своей клетки.

Прерывисто вздохнул, утихомиривая разволновавшееся тело. Открыл глаза, ещё не веря, что атака — всего лишь сон. Кошмарный, часто повторяющийся сон.

— Водички бы ключевой, — просипел Иван.

— Уж принесла, — подала жена запотевший от холода ковш. — Попей, попей, я из холодильничка налила. Не ключевая, но зубья ломит.

Первый глоток, словно ёж, воткнулся в глотку и запечатал её. Хыкнув, старик протолкнул воду, жадно хлебнул ещё и ещё. Ледяная свежесть проскочила в желудок, остудив по пути пищевод. От него волной холод пошёл во все стороны, захватывая вначале лёгкие, а потом мышцы и кожу. Вернулся к горлу и принялся карабкаться в голову, освобождая её от пережитого кошмара.

— Чё ж ты кричишь-то каждую ночь, — погладила его по руке жена, — сердце кровью обливается видеть, как ты мечешься. Война-то уж давно как кончилась, а ты всё воюешь.

— Эх, Мотя, рад бы забыть, да не получается. Не могу до сих пор понять, за что мы друг друга тогда убивали. Ну, мы понятно — за Родину, за Сталина, за тебя с ребятами. А они-то за что? Ведь тоже, поди, у них семьи были? Чего им в их Германии не сиделось? Разве ж можно проглотить кусок больше себя? Подавиться ж можно!

Помолчал и сказал, как будто подвел итог:

— Вот и подавились нашей землёй, снегом белым, злостью нашей. Не ходили бы сюда, жили бы до сих пор.

Подожёл к окну, открыл форточку, затянулся сигаретным дымом. Вот такой же декабрь стоял в тот год...

Только в том далёком сорок первом стояли трескучие морозы, и земля, не-

смотря на большой слой снега, промёрзла насквозь. Не брали её ни кирка, ни артиллерийские снаряды, которыми немец густо забрасывал расположение советских войск, оборонявших подступы к Москве. От снаряда оставалась небольшая воронка, в которой и спрятаешься-то было невозможно.

Наши части занимали те окопы, которые были выкопаны жителями Москвы ещё осенью, когда положение стало аховым. Немцы стояли почти напротив, их окопы можно было увидеть невооружённым глазом.

Фашисты рвались к древней столице страны Советов. Не жалели ни снарядов, ни солдат. В промозглых окопах с обеих сторон главной опасностью был мороз. Враги не рассчитывали затягивать войну до зимы, потому и амуниция у них не соответствовала сезону. Если офицеры сидели по тёплым блиндажам, то солдатам в тоненьких шинельках да пилотках на рыбьем меху приходилось крайне тяжело.

Защитникам Москвы тоже приходилось несладко, но они к морозам были привычные: шапка-ушанка, суконная шинель на подкладке и валенки неплохо грели. Однако обморожений и простуд было много. В сорокоградусные морозы руки пристывали к винтовкам, шинель стояла колом. Но пропустить врага было нельзя.

Отступить было нельзя и некуда!

Вожь страны в обращении к народу так и сказал: «Ни шагу назад!»

Артострелы и авианалёты велись немецкой стороной чуть ли не по расписанию и с завидной точностью.

Время от времени врагам удавалось пробить брешь в обороне, но её тут же законопачивали новые взводы, роты, батальоны. Дрались не на жизнь, а за жизнь. За жизнь своих жён и детей, отцов и матерей.

Некоторые высоты по несколько раз в день переходили из рук в руки. Пространство вокруг таких высоток было богато устелено припорошенными снегом трупами. И уже было не разобрать: кто чей.

Раненых под покровом ночи вытаскивали санитары обеих сторон. Случалось встретиться на искромсанной земле, и тогда хватались люди за оружие. Всё решала скорость. И прибавлялось мертвяков с простреленными телами и перерезанными глотками. Так и застыли они в последнем бою, в объятьях с врагом. Иногда мирно расходились, уволочивая своего раненого до окопов. Хватало у людей разума не палить направо.

Рота, в которой был политруком Иван, обороняла местность с северо-востока от столицы. Лесочки, болотца, кустарники и небольшие холмы... Каждая из высоток на вес золота — кто владеет ей, тот владеет положением. Каждый холм — это укрепленная по-

зиция, с которой хорошо простреливается местность.

Безымянная высота перед окопами в очередной раз была сдана врагу. Тёплые блиндажи и глубокие окопы остались там, а здесь — неглубокие ямы, кое-как выдолбленные в подмосковной мерзлоте.

Вечером комбат собрал у себя ротных и политруков. За его спиной у буржуйки сидел краснощёкий, гладкий, как спелый помидор, особист.

— Нам поставлена задача, — отвёл комбат от командиров воспалённые от вечного недосыпания глаза, — завтра отбить безымянную высоту. Обратной дороги ни у кого из нас нет... Только вперед... Вопросы есть?

Ротные и политруки переглянулись: патроны — кот наплакал, гранат почти нет совсем. Как идти в атаку?

Будто почувстввав назревающие вопросы, особист поднялся, потёр руки:

— Чтобы не побежали назад, я приказал выставить заградотряд позади вас. Не выполните приказ — все под трибунал пойдёте.

Снова потёр руки, повернулся к Ивану и усмешкой добавил:

— Ты, политрук, должен кровью смыть позор за своего брата — врага народа.

Сиплый надсадный кашель комбата прервал речь особиста.

Повесив головы, возвращались они в свои подразделения. Задача была не просто сложная, а практически невыполнимая: с винтовкой времён Первой мировой, почти без патронов, гранат атаковать вооружённого до зубов противника, окопавшегося на господствующей высоте.

— Надо подниматься затемно, — делились мнениями командиры, — тогда можно подобраться к окопам близко, а там в штыковую... Авось получится...

Что может из этого получиться, каждый из командиров и политруков знал. Но приказ есть приказ.

Предутренняя стылость прошибала бойцов насквозь. Немного погрела желудок горячая каша — повара постарались к началу атаки.

Сжимая в руках винтовки с примкнутыми штыками, роты покинули окопы. В сердце жил колющий страх: снег по пояс, серые шинельки на белом словно бельмо на глазу.

Немец время от времени пуляет световые ракеты. Но сегодня как-то лениво, наверное, думает, что русские не полезут в такую морозень.

Ползут солдаты, и чем ближе вражеские окопы, тем яростнее разгорается сердце. Горит душа оттого, что холод скукоживает руки, которые уже не держат приклад винтовки; что снег белее белого; что грёбаный особист не поспешил и выставил свой заградотряд.

Зло кипело в душе, хотелось подойти к тем, кто в тылу пулемёты зарядил. Хотелось глянуть в свои же советские лица и спросить: «Неужели ты, расплющая твоя душа, будешь стрелять мне в спину?»

Маячила перед глазами красная харя особиста, и так хотелось по ней смазать от всей души, чтобы умылась эта сытая морда красной юшкой...

Первая автоматная очередь разбудила тишину над полем.

— Быстро он, туды его в капельку, нас обнаружил, — заматерился командир роты, — торопиться надо, пока миномёты не подключил.

Плотный автоматнo-пулемётный огонь придавил наступавших к земле. Не шевельнёшься. Над головами повисли световые ракеты. Уткнулись носами в снег: вперед не кинешься и назад не поползёшь. Спереди фашист, сзади свои пристрелят.

«Век бы вот так лежать, — думают бойцы, — хорошо бы окопаться, да подождать, пока у фрица патроны кончатся. Только заморожена земля, не даст окопаться, если снарядами взять не могут. Да и патронов у немцев по тысяче на каждого из нас подвезено.

«Как поднять в атаку роту, — думает комроты, — как заставить бойцов оторвать прилипшее к земле тело? Невозможно... а надо! Передохнем все или от пуль фашистских, или от мороза. Путь один — вперед...»

— Вперёд! За мной! — сипло кричит командир, простуженные лёгкие хрипят и хлюпают.

Вскакивает и бежит вперед, размахивая наганом. Солдат бьёт колотун от холода и животного страха, но они поднимают своё отяжелевшее тело. Это инстинкт воина, доставшийся от далёких предков, заставляет мышцы двигаться.

Тяжелы первые шаги. По колено в снегу, в уброд, тащат ноги брненное тело, толкают туда, где его ожидает неизвестность: толи голова в кустах, толи грудь... в каких уж тут крестах, скорее всего, в ранах от пулемётной очереди. Как ни крути, а результат один.

— Ну, суки! — орут справа. — Не возьмёшь нас голыми руками!

— Бей их, супостатов, — хрипит умирающий солдат, недавно пришедший с пополнением. Даже не успели познакомиться. Сказал, что Василием зовут, и вот его уже нет. Глаза остекленели, но винтовку сжимает в руке, и даже мёртвый он её не отдаст.

Гнев перехлёстывает сердце, винтовка становится легче куриного перышка. Примкнутый штык — брат родной. Вперёд!

Окопы уже рядом.

Гортанный крик вырывается из прокуренной глотки и сливается с многоголосьем; сквозь которое прорываются

первые всплески: «Ур-р-ра-а-а-а! Бей гадов!»

Волна нечленораздельных воплей наступающих накатывала на вражеские окопы, перерастала в громовое «У-у-у-ра-а-а-а!» Она словно мостила дорогу в белых сугробах. Бойцы не чувствовали ничего, они неслись навстречу смерти, будто летели по воздуху.

И уже было не важно, что товарищ, с которым ты отступал от самого Минска, споткнулся и упал. Упал, чтобы уже не подняться никогда.

Главное — добраться до врага, вцепиться в его поганую глотку за то, что пришёл на нашу землю, что разлучил с женой и ребятишками, что пожёг города и деревни...

Добротные катанки сами бегут впереди ног. Пропитавшийся потом и немывтым телом, заскорузлый, обгоревший ватник начинает греть бойца. Из-под ушанки льёт градом пот.

«У-у-у-ра-а-а-а!»

Среди протяжного «Ура!», слышатся редкие выстрелы, кто-то пытается на бегу стрелять. Зачем? Вот они, окопы! Перекошенные страхом лица. Чужие каски, полосующие автоматные очереди...

— Врёшь! Не возьмёшь!

В глазах за бруствером ужас перед летящей, орущей, дикой лавиной, для которой нет преград...

Справа залаял немецкий пулемёт. Срезал первый ряд бегущих, остальных заставил упасть. Уткнулись бойцы в горячий снег. Захлебнулась атака.

— Иван, — слышен стон командира, — поднимай бойцов, иначе всем крышка.

— А ты?

— Политрук, вперёд!

Упала голова комроты, снег вокруг стал красным.

— Ах, ты ж, гад... такого человека... — вначале тихо, но потом всё громче кричит Иван. — За командира! Вперёд! За мной!..

Вскочил в полный рост и с подбранной винтовкой наперевес пошёл. Не оглядываясь... Сзади послышался, рвущий промороженными глотками воздух, рёв: «У-ра-а! За Родину! За Сталина!».

Волна бойцов поднялась, вначале пошла, потом побежала с криками и матами. Эту волну уже пулемётом не положишь.

Из окопов навстречу стали подниматься немецкие солдаты. Тоже бегут, увязая в снегу.

Сытая, вооружённая до зубов, в добротных шинелях, победившая Европу, сила схлестнулась в штыковой атаке с благородной яростью защитников Москвы, Родины, своей семьи.

Штыки и руки — кто сильнее?

Разум уступает место инстинктам. Только дикий первозданный зверь может в ближнем бою видеть всё, что происходит справа и слева, спереди и сзади одновременно.

Шкурой чуют взгляд врага, прицелившегося в тебя, кошкóй прыгнуть и

вцепиться в шею за полмгновения до выстрела.

Каждая волосинка на голове становится участником боя. Колыхнулся чуб — удар прикладом в висок того, кто уже размахнулся, но ты его опередил на полстука сердца.

В штыковой не место мыслям и страху. Они несут в себе быструю смерть. Главное, вертеться как волчок, колотить, рвать зубами, душить... чтобы выжить... и защитит!

На поле боя не услышишь жалобных криков и воплей. Здесь умирают стоя или в объятьях с уже мёртвым врагом. Не слышно ни русской, ни немецкой речи, только хуканье, звуки ударов прикладом, одиночных выстрелов или автоматных очередей.

Хрипы умирающих, оскаленные рты погибших, чёрно-красный снег...

Расправившись с очередным фашистом, Иван пробивался на выручку молоденькому солдатику, на которого надели сразу двое бугаев. Сбитый с ног, боец ужом вывернулся из-под вражеского штыка. Но второй немец вскинул автомат...

Ударом приклада Иван оттолкнул стрелка, и фашистская очередь прошла по касательной, но всё-таки задела паренька. Иван, не целясь, выстрелил в первого немца. Последний патрон...

Пуля пришлась точно в цель, и враг изумленно оглянулся. Они встретились взглядами. Серые с голубизной глаза смотрели по-детски. На мгновение в них ещё оставалась жизнь. Уже мёртвое тело рухнуло столбом, подняв вокруг себя ледяное крошево.

Мгновение, растянутое в вечность, сшибло Ивана с ярости. Он перестал чувствовать бой, врага... К действительности вернуло ощущение удушья.

Воздуха не хватало, горло сдавливал сторукий молох. Вместо серых с голубизной глаз перед ним была разверзнутая пасть хищного зверя...

Зверь выдавливал последние крохи жизни. По голове пронесся лёгкий ветерок, будто мама по голове погладила.

«Гребу ж твои лапти!» — вернулся в действительность Иван. Здоровенный фашист в ярости сжимал руки на его горле. Коленом политрук с силой врезал противнику меж ног, что слегка ослабило хватку. Этого было достаточно, чтобы ярость вернулась.

Оскалённый, разорванный, заполненный кроваво-красной пеной рот давно застыл в последнем крике, а Иван всё колотил и колотил фашиста. Исколотая штыком шинель была тёмной от крови...

...Иван вздохнул глубоко, снова затянулся сигаретным дымом. «Эх, сейчас бы махры на пару затяжек, сразу бы полегчало». Поднял голову и вздрогнул: на него с великим сочувствием смотрели серые с голубизной глаза жены.

— Господи, да что же они за люди такие, — с силой затушил сигарету, — что же нам не дают жить в мире-то?

Руку на отсечение

Лёшка Заботин, чудиновский тракторист, был женат на секретаре сельского совета Валентине, женщине крутой и ревнивой. Нельзя сказать, что ревность была беспочвенна, потому что любили его девки и бабы, да и он мимо них не проходил.

Время от времени Валентина ходила громить очередную Лёшкину зазнобу, много раз таскала за волосы безмужних соседок. Но Лёшка всегда умудрялся выйти сухим из воды. Чувство самосохранения у него было развито до совершенства.

Нахмурился жена брови, заподозрив мужа в очередной измене, а тот уже начеку: никаких задержек с работы, никаких прогулок к друзьям, ласковый да нежный. Готов помогать жене с утра до вечера. Скотину обиходит, с женой в город съездит. Валентина и отгадывает. Если Лёха попадётся с поличным, то всё равно вывернется.

Однажды его послали на помощь соседнему отделению. Целый месяц Заботин жил на культстане с трактористами: надо было в срок закончить вспашку полей. Четверо мужиков и рыжая повариха Таня — вот и всё население культстана. Лёха тут же прибрал повариху под своё одеяло. Скучно ему жить без женской ласки.

Прошло время, работу мужики закончили. Вернулся Лёха домой, бисером под ногами у Валентины стелется, на шаг от себя не отпускает. Так целует и милует, будто и впрямь с тоски умирал. Ну, жена и рада, что не завёл мужик себе любовь вдалеке от дома. Царит в семье тишь да гладь да божья благодать.

Лёшка уже и помнить забыл про Танюху, другие думы вынашивал. В чудиновскую школу прислали двух практиканток и, конечно, местный Дон Жуан не мог не выбрать себе очередную любовь. Девочки не были красавицами с обложки журнала, но всё-таки свежая струя.

Заботин начал обхаживать ту практикантку, что постарше. В школу зачастил, про учёбу своих ребятишек интересоваться начал. Решил вдруг в техникум поступать, математикой увлёкся. Валентина на мужа нарадоваться не может.

— Наконец-то Лёша за ум взялся, — говорила она в сельсовете, — хватит ему в трактористах ходить. Вон, Матвей Иванович на пенсию собрался, а мой Заботин к тому времени как раз техникум закончит. Специалист он хороший, будет работать механиком. Не всю же жизнь ему в мазуте ходить.

Короче, всё бы хорошо, да случилось непредвиденное... Рано утром, когда Валентина напоила и подоила корову, а Алексей управился с остальной скотиной, в ворота постучали. Хозяйка поставила подойник и открыла засов. За воротами стояла молодая женщина с чемоданом в руке.

— Здравствуйте, — пропела гостья и поправила рыжую, как медь, чёлку, — Алексей Заботин здесь живёт?

— Здесь, — оторопела Валентина, — а ты кто такая будешь?

— Он, наверное, вам обо мне говорил. Вы его мама?

У Валентины отнялись ноги. Она всё поправляла съехавший на ухо платок и разевала рот, не в силах произнести ни слова.

— Вы не волнуйтесь так, — продолжала молодка, входя во двор, — Лёша, наверное, ещё спит? Он такой засоня. Видите, как хорошо я его знаю. Я и вам понаправлюсь. Всё умею делать.

Гостья тараторила без умолку. Она поставила чемодан на крыльцо и теперь растирала затёкшие руки.

Валентина наконец-то почувствовала, что ноги отошли, проглотила сухой ком застрявший в горле:

— Да кто же ты будешь, красавица? Кем Лёшке приходишься? — спросила Валентина, втайне надеясь, что приехала какая-нибудь неизвестная родственница.

— Я его жена, — счастливо сообщила женщина, — а у вас тут хорошо.

— Жена?.. — оторопело спросила Валентина. — Что, и дети есть?

— Нет, детей мы не успели завести.

В это время со стороны скотного двора появился сам виновник событий, увидев неожиданную гостью, сунулся было обратно, да припоздал.

— Лёшенька, — кинулась к нему на шею гостья, — вот, не выдержала разлуки и сама приехала. Не было сил ждать, когда ты за мной явишься.

От ворот на них двигалась Валентина. Чернее тучи и тяжелее кузнечного молота был её взгляд.

— Так, говоришь, жена? А я тогда кто же?

Лёшка еле оторвал от себя самозваную жену, стрёб её за руку и поволол к воротам.

— Валюша, это провокация, — оправдывался Лёшка, — я её даже не знаю.

— Не знаешь? — вспыхнула приезжая, её щеки стали такого же цвета, как и волосы, — да мы с тобой месяц целый на культстане прожили вместе. Ты же обещал приехать в гости...

— На каком культстане? — скрывая ярость, спросила Валентина.

— Да на Красинском... в этом году... — плакала навзрыд гостья.

— Так ты Таня, повариха из Красинска? — зловеще спросила Лёшина жена.

— Конечно, — обрадовалась повариха, отбивая яростные попытки хозяйки выставить её за ворота.

— Валюша, я всё объясню, — вновь попытался вставить слово Заботин.

— Кто эта женщина? — спросила Таня.

Видимо, молодка стала слегка понимать ту ситуацию, в которую она попала.

— Эта женщина!?

Валентине под руку попался черенок.

— Его жена! — голос Заботиной сорвался на хрип. — Уже двенадцать лет жена. И у нас двое детей, милашка.

— Как жена? — ошарашенно спросила рыжая претендентка на Лёшкино сер-

дце. — Мне ваш чудиновский мужик сказал, что ты не женат, и даже предложил самой к тебе приехать.

Выяснить, какой паразит сыграл с Лёхой злую шутку, не было времени, Валентина оказалась слишком близко, а обломок черенка слишком длинным, так что Заботину пришлось надеяться на резвость ног и изворотливость тела.

— Двоеженец, — ругалась оскорблённая женщина, — ну теперь-то я знаю истину, теперь ты меня не проведёшь!

Черенок просвистел около Лёшкиного уха, зацепился за куст сирени и рикошетом ударил по плечу поварихе. Та взвизгнула и замахнулась на хозяйку.

— Ты ещё и драться вздумала, — разъярилась не на шутку Валентина. — Ах, стерва, разлучница... В чужую постель забралась, да ещё и руками махаешь!

Черенок изменил объект преследования. Теперь уворачиваться пришлось горе-невесте. Лёшка, улучив момент, выставил Танины вещи за ворота и слегка перевёл дух. Битва была в разгаре, когда повариха, обороняясь, толкнула Валентину, и та, не удержав равновесие, со всего маху села в корыто. От обиды и от неожиданности бабёнка залилась слезами. Таня заходила от смеха. Её мелко трясло от пережитого разочарования.

— Чума болотная, ты и ломаного гроша не стоишь, — вдруг впал в ярость Лёха. Ему было до боли жаль жену, и он в секунду забыл, кто виноват во всей этой кутерьме. — Шлюха культстановская, — орал на дурнинушку мужик, хватая Таню и пытаясь оттащить её от жены.

Но молодуха только вошла во вкус, она царапала Лёшу и пыталась добраться до соперницы. Как на грех, Валентина пришла в себя и, выбравшись из корыта, вцепилась в волосы Лёшкиной занобы. Три человека схватились и метались по двору, переворачивая всё на пути. Кое-как Заботину удалось растащить женщин. Вытолкнув гостью со двора, он стрёб жену поперёк и потащил в дом.

Прикладывая ватку с одеколоном к ссадинам, царапинам на лице, руках, Лёша уговаривал плачущую женщину.

— И ты могла поверить этой авантюристке, что я с ней путался. Валюша, да ты у меня лучшая женщина на свете. Я только тебя и люблю. Даже в техникум для тебя поступить решил. Вот отруби руку по локоть. Неправда это всё.

Для большей убедительности Лёша сходил в кладовку и принёс топор.

— На, секи руку! Навет и ложь всё.

Валентина приподнялась с дивана, взяла топор, замахнулась... У мужика на лбу проступила испарина, он машинально закрыл глаза.

— Зачем ты мне калека сдался, — устало проговорила Валентина и аккуратно поставила топор на пол. Она обняла мужа.

— Что ни говори, а от всех красавиц ты возвращаешься ко мне. Значит, любишь, — шептала Валентина, целуя Лёшку, — просто непутёвый ты у меня.

И так случалось всегда, когда оплошность выходила. После Таниного посещения надолго прекратились Лёшкины отлучки из дома.

Правда, однажды попало мужику совсем ни за что.

Опять-таки поутру в ворота постучали, и снова открыла Валентина. Перед воротами стояли две девушки лет по семнадцати. Они поздоровались и спросили: — Лёша дома?

Хозяйка пришла в неопишную ярость, пулей залетела в дом и устроила мужу взбучку.

— Мерзавец, мало тебе баб, так ты до девок добрался, они тебе в дочери годятся, — бушевала Валентина.

Лёшка лихорадочно рылся в памяти, пытаясь вспомнить свой очередной грех.

— Скоро табунами к нам ходить будут.

— Валюша, да в чём дело? — вставил Лёха, явно не вспомнив, где и когда он совращал несовершеннолетних.

— Там тебя две девчонки-школьницы спрашивают, — пыл у Валентины слегка поостыл, она всегда чувствовала, когда муж говорил неправду.

— Пойдём-ка, дорогая, да посмотрим в чём там дело, — миролюбиво предложил Лёшка.

Девчонки топтались у ворот, не решаясь войти и, видимо, уйти не могли.

— Вам кого? — спросил Лёша, с тайным ужасом ожидая ответа.

— Нам Лёшу позовите, пожалуйста.

— Ну, предположим, я — Лёша.

Налицах девиц появилось удивление.

— А помоложе у вас не найдётся Лёши?

— Нет, в этом доме только я Лёша, — торжествовал Заботин.

Он укоризненно смотрел на жену. В последующем разговоре выяснилось, что девушки ищут своих сокурсников и им неверно объяснили дорогу. Вечером после работы Валентина не знала, как заглядывать вину перед мужем.

— Я не сержусь, — успокоил её Лёша, — просто обещай: прежде чем ругаться, ты спокойно во всём разберёшься.

Видимо, на том бы и закончилась их история, но в один прекрасный вечер Лёшка пришёл домой пьяным до изумления. Вообще-то Лёшу нельзя отнести к пьющим или выпивающим. Водочку он употреблял по великим праздникам и всегда знал меру. В компании любил повеселиться, подурачиться, поплясать.

А в этот день Лёшку чёрт попутал.

Елькин Иван попросил огород вспахать. После работы Лёшка завернул на хутор. Пока вспахал, уже и солнце стало садиться. Уговорил Иван остаться поужинать. Как водится, выпили мужики с устатку до стопочки, по другой, разговорились. Потерял Лёша в тот вечер тормоза. Сколько было выпито, о чём говорено — наутро вспомнить не мог ни один из них.

Уже поздно ночью Лёшку доставил Елькин сын. Сдав с рук на руки бесчувственное тело, парнишка ушёл. Валентина же принялась раздевать мужа.

— Валюша, милая моя, — лепетал пьяный Лёшка, — свинья перед тобой.

— Даладно тебе, один раз напился, это же не беда. Проспишься и снова человеком будешь, — пыталась утешить мужа Валентина.

— Зря ты со мной возишься, — размазывал по лицу пьяные слезы Лёша, — я тебе всю жизнь изменяю, а потому не дос-

тоин твоего внимания.

— С кем же это ты мне изменяешь? — спросила женщина скорее машинально, чем из желания узнать правду.

— А со всеми подряд. Помнишь, зоотехника нам присылали. Потом она уехала, не рассчитавшись. Так это она тебя побоялась, чтобы ты ей окна не побила. Уж любила она меня — страсть как. Уезжала, всё плакала, с собой звала.

Лёшка никак не мог прицелиться, чтобы взяться за дужку кровати и приподняться.

— Да будет тебе глупости болтать, на человека наговаривать. Любовь Васильевна замуж вышла, потому и уехала, — рассердилась Валентина, — спи давай, нечего корячиться.

Но Лёшка уже потерял тормоза и чувство самосохранения, ему край надо было выговориться.

— А Нинка, что за речкой живёт, до сих пор за мной бегаешь.

— Это какая Нинка, — насторожилась Валентина, — разводка что ли?

Слухи про Нинку до неё доходили и раньше, и таскала Валентина Тарасихину дочь за волосы не один раз. Но Лёшка всегда доказывал, что понапрасну бабе попадает.

— Вот именно, что разводка, — плачет Лёшка, — к кому ей прийти за утешением? Бабёнке даже погреться не с кем.

— А ты, значит, пожалел её?

— Значит пожалел... Ох, Валюша, ласковая она, как кошка ластится.

— Ну, и кого же ты ещё, сердобольный, пожалел? — В голосе жены послышались нотки угрозы.

— Разве всех упомянешь...

Лёха хотел сказать ещё что-то, но организм больше не мог сопротивляться алкоголю. Прошевелив губами последнюю фразу, Заботин уснул, как убитый.

Утром у него трещала голова. Он едва открыл глаза. Ощущения были самыми гадкими. Казалось, по телу проехала тяжёлая гружённая машина. Бессмысленно обведя комнату глазами, мужик отметил, что он вроде бы дома, а вроде бы и нет. Посередине спальни кучей были свалены вещи, поверх которых брошен его выходной костюм.

— Валюша, — слабо позвал Лёшка жену.

Но ответа не последовало. Лёшка кое-как поднялся и, преодолевая дикую тошноту и слабость, побрёл во двор. Сунулся пару раз в кадучку с ледяной водой, потряс головой. Вроде бы что-то стало проясняться, вспомнил, как пахал у Ивана, как ужинали.

Лёшка ещё окунулся головой в кадучку... и тут его как огнём пронзило, он вспомнил свою исповедь перед женой.

— Пьянь чудиновская, ах ты, дуб-дерево, — ругнулся Лёха, — что теперь будет? Вовек мне Валентина не простит.

Поднял голову от кадучки, а перед ним Валентина стоит, словно каменное изваяние, смотрит и молчит.

— Валюша, да что с тобой милая, ты же заболела?

— Не на шутку испугался Лёша.

— Нет, не заболела. А вот ты, милоч, забирай манатки и кати к своей Нинке, жалей её дальше.

— Почему я должен уходить к Нинке, — прикинулся Лёша, — и почему её надо жалеть?

— Так она же ласковая, как кошка.

— Ну и что. А вообще, откуда тебе известно, что она ласковая?

Лёша изображал удивление.

— Да ты же мне сам вчера сказал.

Из глаз Валентины сыпались искры.

— Что же я тебе вчера мог сказать, если себя не помню?

— Что ты с зоотехником путался...

— Валентина, как же тебе не стыдно, на хорошего и честного человека наговаривать....

Но жена не дала ему договорить, она припомнила мужу все обиды и унижения, приписала даже тех женщин, о которых Лёха и не помышлял. Заботин решил пока отмолчаться и подождать, пока Валентина устанет. Он искал пути к отступлению, если уж невозможно будет оправдаться.

— Кобель стоялый, — не унималась Валентина, — бегаешь за каждой юбкой в деревне. Никого не пропустил. Значит, правду говорили бабы, что с Томкой у тебя шашни были.

С этими словами пришёл Лёшкин звёздный час, потому что Томка была ему двоюродной сестрой.

— Ну, Валентина, ты даёшь, — оскорбился Лёха, — а я, дурак, ещё оправдываюсь перед тобой. Ну, может, сболтнул чего по пьяни. Может, мне тебя позлить хотелось. Ты же мне проходу не даёшь. Как какая новая баба приедет в деревню, или, не дай Бог, наша со мной поговорит, ты тут же в ревности бросаешься, стёкла бьёшь, за волосы их таскаешь. Стыдно на улицу выйти. Бабы от меня шарахаются, чтобы с тобой не связываться, мужики насмешками замучили. Мало ли чего пьяный наговорить может! Я с сестрой своей... Нет, Валентина, этого я тебе не могу простить.

Не дав ответить, Лёха ушел в дом. Там, опустошив половину банки с рассолом, облегчённо вздохнул и почувствовал, как жизнь постепенно возвращается в тело.

Валентина же, смущённая таким поворотом дела, не знала, что и думать. С одной стороны, Лёшка мог по пьянке натрепать столько, что потом и на машине не вывезешь. В деревне все знали его как баламута. А с другой стороны, подозрения мучили женщину. Села Валентина на завалинку и пригорюнилась. Уж время на работу идти, а она с места не двигается.

Сеновала высунулся заспаный старший сын:

— Опять ругаетесь с утра пораньше?

— Не тебе командовать, когда нам с отцом поругаться, — обрушилась на сына мать.

— Мне-то что, ругайтесь. Это у вас вместо зарядки. Только если отцу надоест твой вечный крик, он возьмёт и уйдёт к той же Нинке. Что тогда? — по-взрослому рассуждал парнишка.

— А она папку возьмёт, он у нас работающий, — добавил младший Вовка.

— Ты гляди, мать учат, — шуганула ребяташек Валентина, а про себя подумала: «И то правда, его кто угодно заберёт с удовольствием».

И она заспешила в дом.

Николай МАКСИМОВ

Родился 17 февраля 1943 года в селе Рождественка Новосибирской области. Там же окончил среднюю школу. С 1963-го по 1968 год служил в рядах Советской Армии. Командир взвода, выпускник танкового училища. Работал в Заполярье водителем, строил ЛЭП и нефтепроводы. До выхода на пенсию работал столяром. Продолжает трудиться и сейчас. Член Союза кузбасских писателей.

Стихи начал писать в армии. Печатался в газете «За Родину!», журналах «Старшина-сержант», «Озарение», «Гармония слова». В 2008 году вышел первый сборник его стихотворений «Русалочья поляна». Следующая книга автора – «Будни Севера» – была издана в 2015 году. Большинство стихотворений Николая Максимова посвящено суровой и нежной природе России, людям, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Автор двух прозаических сборников – «Месть шамана» (2019г.) и «Последний прыжок рыси» (2021г.). Рассказы Николая Максимова были напечатаны в альманахе «Кузнецкая крепость».

Последний бой Ивана Савельева

На перроне вокзала его никто не встречал. Тяжело ступив с подножки вагона на землю ещё не совсем зажившей от раны ногой и привычно закинув за спину фронтовой, выдавший виды вещмешок, Иван огляделся по сторонам. Кроме дежурной по станции, что встречала и провожала поезда, никого на перроне не было.

Моросил мелкий дождь, и дежурная, мельком взглянув в сторону Ивана и не узнав его, поспешила в здание вокзальчика. Да и кто бы сейчас узнал его, ведь он покинул родной посёлок и свой дом восемь с лишком лет назад.

Покидал взъерошенным, совсем юным, а вернулся плотным человеком, неторопливым, знающим себе цену.

Женился Иван рано, едва исполнилось семнадцать лет, а его невесте было и того меньше – шестнадцать.

В армию его призвали на втором году войны. Толи по иронии судьбы, толи понравился-таки командирам, но определили его в разведроту, о которой он втайне мечтал.

Попав на фронт необстрелянным юнцом, войну закончил в Праге опытным разведчиком.

Да, если бы закончил...

После очередного ранения или, как говорили, отдыха в госпитале, служба Ивана проходила в подразделении «СМЕРШ». И ещё четыре года колесил сержант Савельев Иван Савельевич по разорённой земле: вначале по лесам Белоруссии, вылавливая фашистских недобитков, а затем – по Западной Украине.

За все эти годы шесть раз «отдыхал» на курортах, как он писал молодой жене Соне. Но, видимо, ещё не были отлиты для его смерти снаряды и пули – в большинстве облетали они его стороной. А может быть, бронёй для него служила любовь его жены. Сильно любила она своего балагура и весельчака с богатой фантазией на безобидные проделки. И при этом жадного до любой работы, до седьмого пота.

Провожая на войну, Соня не обливала его слезами, не голосила, как другие женщины, провожающие дорогих людей. Просто повесила ему на шею

крестик-оберег и положила в карман узелок с землёй от завалинки родного дома. Поцеловав на прощанье, сказала:

– Раз надо, иди! Ты вернёшься.

И Иван, словно уверовав в силу слов и оберега, иной раз выходил из таких переделок, что и сам не знал, как оставался жив.

И вот он вернулся – весь напичканный металлом, но живой. В госпитале, где он «отдыхал» последний раз, после медицинского освидетельствования списали подчистую с определением второй группы инвалидности.

Направившись домой, он решил не беспокоить свою Соню ни телеграммой, ни письмом – зачем лишние хлопоты. Она и так натерпелась за эти годы, женским чутьём догадываясь, по каким курортам отдыхает её Ваня, когда месяцами не было от него вестей. Она ждала его любого: раненого, искалеченного – лишь бы живого.

Не спеша, прихрамывая, шёл он по улице, пустынной от дождя. Дождик всех загнал в укрытие. Иван то узнавал дома, вспоминал их хозяев, то не узнавал совсем. Что сделаешь, если память притупилась.

Никем не замеченный, он подошёл к своему дому и слегка надавил на калитку. Дверь в сени, как и дверь в избу, оказалась незапертой. Едва вошёл – в лицо пахло жильём, запахом родного дома, тем запахом, который помнил он все восемь лет своего отсутствия.

В избе царил полумрак. Только приглядевшись, Иван заметил женщину, что склонилась над раскрытым деревянным сундуком, что-то в нём выискивая. На скрип двери она выпрямилась и обернулась. Некоторое время стояла, вглядываясь, затем кинулась на шею:

– Ваня, Ванечка, милый!

И заплакала. Её плач разом выплеснул и горечь, и тоску долгих месяцев и лет разлуки, и радость долгожданной встречи, которую она несла, вынашивала в себе как долгожданное дитя – всё вылилось слезами.

Так плачут женщины, которые любят по-настоящему, всей душой, всеми клетками существа. Может быть, это их вера, надежда и любовь спаса-

ют человека, стоящего на самом краю гибели.

Долго стояли они молча, обнявшись, веря и не веря, что наконец-то вместе. Только тихий плач и всхлипы женщины нарушали тишину.

Вскоре Соня кое-как успокоилась, и они, не разнимая рук, словно боясь, что их опять разлучат, присели на лавку, глядя друг на друга, оглаживая глазами знакомые черты.

Из молоденькой симпатичной девчонки Соня превратилась в молодую красивую женщину с округлыми формами.

Конечно, тяжёлое военное время наложило свою печать: в уголках глаз и губ обозначились морщинки, хотя и мелкие, но уже заметные, а вот на лбу пролегли куда более глубокие бороздки, давая понять – не от хорошей жизни нашли они себе здесь место.

Она работала стрелочницей на железной дороге, иной раз по две смены подряд, подменяя часто болевшую пожилую сменщицу.

А Иван... Когда он снял с себя фуражку, Соня ахнула: его когда-то густые, волнистые волосы стали пепельными, будто обсыпали их свежей белой золой. Она зажала рот концом косянки, чтоб не закричать, поняв, что ему пришлось пережить эти годы. А ведь ему ещё и тридцати нет, всего-то двадцать семь.

Родители Ивана погибли, когда ему было шесть лет, погибли нелепой смертью. Экономя дрова и тепло, печеную заслонку закрыли раньше положенного времени и уснули, чтобы никогда не проснуться.

Иван в это время находился у своей тётки, сестры матери. Заигравшись допоздна с двоюродным братом, он остался ночевать, что было уже не раз. Это спасло ему жизнь.

Так и остался он жить с тёткой, которая и любила, и воспитывала его как родного сына.

Сонины родители жили в сорока километрах от станции в глухой урманской деревушке. Иногда они навещали дочь, жившую у материной старшей сестры.

Учились они с Иваном в одной школе. Хоть и разница в один класс была между ними, но Иван нравился

Соне давно. Приятной внешности, справедливый, со смешливым, но отзывчивым характером, он не давал в обиду Соню, когда кто-нибудь из пацанов пытался её обидеть.

Жених и невеста – так дразнили их одноклассники.

После окончания восьмого класса Иван устроился работать: вначале учеником, а затем монтером на тяговую подстанцию.

Соня устроилась на работу в совхозные детские ясли нянечкой. Паспортов ни у Сони, ни у Ивана не было, и зарегистрировали их брак в поселковом сельском совете. Свадьбы как таковой тоже не было – собрались родные, несколько друзей и подруг. Вот и вся свадьба.

Как во сне пробежало время их короткой семейной жизни – война вклинилась и разлучила их, дав для счастья всего лишь один неполный год, пока Ивану не исполнилось восемнадцать лет.

Какое-то внутреннее чутьё подсказывало Соне, что вернётся её Ваня, обязательно вернётся. Несмотря на это, всё равно боялась, что однажды почтальонка Даша молча, с каменным лицом, сунет ей казённое письмо. Но похоронка обходила её.

Война закончилась, а Ваня всё не возвращался, лишь сообщил однажды в письме, что ребят его года рождения задерживают на службе, а на какое время, сам не знает.

– Ой, что я сижу, ты ведь с дороги, голодный, – опомнилась Соня и, вскочив, принялась собирать на стол нехитрую сельскую еду. Иван развязал вещмешок, вынул несколько банок тушёнки, сгущёнки, кусок сала, хлеб и свёрток, завернутый в газету. Развернув его, вынул пуховую шаль и накинул на плечи жены.

– Вот и всё богатство, что нажил за эти годы, – пошутил он.

– Соня, – обратился он к засмутившейся от подарка жене, – я не особо голоден. Хотелось бы отскоблить с себя всю грязь, что насобирали за это время.

– Конечно, конечно, Ванечка, это я мигом устрою, – и заспешила во двор в сторону бани. Уже заступили сумерки, когда Иван переступил по-

рог банки. Он строил её собственными руками, а мыться пришлось в ней всего несколько раз.

Привычно прочистив паклей продымленное копотью стекло фонаря, зажёл его и повесил на стояк подальше от пара и брызг воды. Протопленная по-чёрному печь отдавала нестерпимым жаром.

Иван приоткрыл окно, выплеснул на каменку полный ковш горячей воды, выгоняя угар. В парную, прикрываясь руками от жары, а может, стесняясь мужа после долгой разлуки, бочком вошла Соня.

Иван неотрывно смотрел на неё, и, вконец уверившись, что это не сон, что он живой, дома, в родной баньке, и что рядом его жена — Соня, он обнял её и тихо привлёк к себе. Несмотря на фонарь, в бане от пара стоял полумрак.

Утром они проснулись поздно, когда солнце, разогнав и высушив вчерашнюю хмарь, весело заглядывало в окна.

Соня проснулась первой, рядом лежал Ваня, её Ваня, которого она так ждала. Слетевшая простыня оголила его спину, словно разрисованную шрамами от осколков и пуль, на которые так щедро война.

Позже, когда он умывался, а Соня поливала его дождевой водой из бочки, она увидела такие же отметины на его груди. Она тихо и беззвучно заплакала, сжав зубами платок, сквозь слёзы прошептала:

— Ваня, Ванечка!

После завтрака Иван вынул из вещмешка туго набитый кисет из-под табака и протянул жене:

— Соня, положи это куда-нибудь подальше...

— А что там? — кивнув на кисет, спросила Соня.

— Ну, уж если желаешь, посмотри.

Кисет был тяжёловат. Развязав тесёмку, она вывалила содержимое на стол. Это были ордена и медали её мужа.

Соня не разбиралась в них, поэтому Иван объяснял ей, какие это награды и за что выдаются. Объяснял неохотно, скупно, словно стыдясь их. Орден Красной Звезды, два ордена Солдатской Славы, медали «За боевые заслуги», «За отвагу» и несколько — за взятие городов. Сейчас они рядком лежали на столе и матово отсвечивали на солнце.

— А почему ты их не хочешь носить? — спросила она Ивана.

— А зачем? Я что, на парад собираюсь? Сейчас они у каждого фронтовика есть. Да кроме того есть нашивки: эти вот — за ранения, а эти — наградные. Легко и удобно. А их, — он спокойно кивнул на награды, — приberi в сундук, может, когда и надену, если время придёт... — Иван достал из кармана гимнастёрки узелок:

— Соня, здесь крестик-оберег и земля нашего дома. Помнишь, ты дала их мне на прощание. Они всегда были со мной, и, кто знает, может, поэтому

я сейчас с тобой. Землю положи туда, откуда брала, а крестик я сейчас, пожалуй, надену и буду носить. Там, где я был, не все бы поняли меня, увидев его.

Прошло несколько лет.

Время сглаживало тот отпечаток, что наложила война на души и плечи фронтовиков, в том числе и на Ивана.

В обычном мирном ритме жизни и уверенности в завтрашнем дне потихоньку выправлялся характер. Первые месяцы Иван вскакивал среди ночи, криком будил Соню.

Долго выходили из него последствия контузий: команды во сне вперемишку с матами вылетали из его рта длинными, словно пулемётными, очередями. Сержант был командиром группы и во сне продолжал командовать солдатами. Но, как говорится, время лечит.

Переживали все. Мать Сони несколько раз привозила из своего села знахарку, которая в лечении применяла народные средства.

В общем, с этим недугом Иван подругился, а вот осколки, что остались в теле и бродили, ища выхода, не давали покоя. Четыре раза ездил Иван в районную больницу, где опытный хирург Пешков удалил несколько осколков. Но вот трогать осколок в лёгких, что затаился рядом с сердечно-лёгочной артерией, он не решался — не позволяло медицинское оборудование местной больницы. В областной клинике смогли бы сделать операцию, но Иван всё откладывал, время затягивал, то да сё, так и носил в себе эту мину замедленного действия.

Повреждённое сухожилие левой ноги, которую он теперь волочил при ходьбе, не позволяло ему устроиться на постоянную работу.

Но, как говорят, было бы желание, а работа сама найдёт того, у кого руки растут из плеч. С самого детства жизнь научила Ивана нехитрому крестьянскому труду.

С малолетства он был знаком с плотничьими и столярными инструментами, да и не было уже такой работы по дому, которая была бы ему не под силу.

Почти в каждом доме посёлка побывала похоронка, наплодила вдов с избытком, а те мужики, что вернулись с войны, в основном, инвалиды — кто без рук, кто без ног. А молодёжь ещё не подросла. Вот и просили женщины о помощи Ивана. Одной нужно крышу подновить, другой — печь переложить, третьей — полы перестелить и так далее.

Рассчитывались с ним обычно продуктами, деньги у людей редко в карманах звенели.

Иван от денег отказывался, если кто предлагал, да и продукты сам не брал — их обычно приносили Соне: кто яиц десяток, кто творогу, кто кусок сала.

Потихоньку воспоминания о войне стали тревожить реже, хоть во сне Иван всё ещё воевал. И осколки, что

остались в теле, вроде прижились, стали меньше тревожить; только тот, что нашёл убежище у сердца, иногда, после тяжёлой работы, давал о себе знать, двигаясь и причиняя боль.

Но жизнь брала своё: рядом любимая жена Соня, покой. Иван стал чаще шутить, улыбаться, вошёл, казалось, в прежнюю колею.

Иногда, после получения пенсии, вместе с бывшими фронтовиками отмечали День пехоты, опрокинув стопку-другую, вспоминали боевых товарищей. В первую очередь поминали погибших, и затем, как всегда, пили стопку за товарища Сталина — пусть даже многие уже снимали со стен его портреты.

— Иван, расскажи, как тебе первый орден нацепили, — указывая на нашивку, просил кто-нибудь из компании, хотя все знали эту байку. И Иван с серьёзным выражением лица каждый раз по-иному пересказывал её:

— Служил я, братцы, кочегаром на самолёте, на самом обыкновенном, только для надёжности вместо бензинового двигателя в него паровой воткнули. А почему? — задавал вопрос Иван самому себе, подливая водку из четушки, и тут же отвечал, — да потому что он надёжней бензинового. Тот ни с того ни с сего, чих-пых, и заглохнет — вода в систему попадёт, а этот, паровой, молотит на пару без устали. Знай, только уголёк подкидывай. А почему его поставили на этот самолёт?

Иван важно поднимал палец вверх и, дождавшись тишины, продолжал:

— Да потому, что на нём сам Сталин летал на всякие встречи зарубежные. Ну, а меня по рекомендации командования кочегаром представляли.

Бывало, раскочегаришь, лётчик доволен, такую скорость разовьёт, только успевай штурвалом крути. Однажды мы перелетали через линию фронта в Тегеран. Какой чёрт их туда понёс, до сих пор кумекаю. Но надо — значит, надо. До границы немного осталось, а уголь возьми, да и кончись. Сели мы на какое-то поле, а за полем кустарник, саксаул называется. А дальше аул и оттуда голоса: толи немецкие, толи турецкие. Один хрен, без бутылки не разберёшь. Луна, опять же, на небе висела. Пригляделись. Батюшки мои! Почти рядом — кизячные кирпичи. Кто-то на зиму заготовил. Ну, я лётчика в это дело впряг, и давай мы в самолёт кизяки закидывать. Сам Иосиф Виссарионович ещё одного генерала в помощь выделил. Дело ещё быстрее пошло. Быстро мы управились, я накидал в топку кизяка, плеснул бензину. Всё минуты решали. Лётчик с полуоборота мотор запустил. Ну, и взлетели! Вовремя в Тегеран прилетели. Там уже главный американец и англичанец нас ждали. Так Сталин аж прослезился, обнял меня, расцеловал при всех и сказал:

— Ну, спасибо, брат, выручил! Отстегнул вот эти часы, — Иван поднял руку и показал подарок командира дивизии, — носи, родной!

Потом подошёл к одному генералу, у того более, чем у всех, орденов висело, снял один и мне — на грудь, а генералу заметил:

— Ты ещё не один навесишь.

— Вот так-то, братцы, — закончил рассказ Иван. Охотно слушавшие его байку сотоварищи восхищённо вертели головами:

— Ну, и умеет врать!

Спешит однажды Иван, прихрамывая, по своим делам мимо магазина, где с самого раннего утра женщины за хлебом в очереди выстроились. Одна из них вслед ему:

— Ты куда это, Ванюша, разогнался? Расскажи нам хоть одну байку, всё веселей будет, хоть посмеёмся.

А тот в ответ:

— Некогда мне с вами, бабоньки, рассусоливать. Спешу в совхозный магазин. Слышал я, что там сахар привезли. По килограмму отпускать будут, — и заспешил дальше.

Ну, а женщины сразу уши топорилом. В магазине сахар — дефицит, не часто забрасывают, и следом за ним. А Иван обогнул совхозный магазин — и в столярку, по своим делам. Прибегают женщины к магазину, чин чином в очередь встали, ждут открытия. Ровно в восемь приходит продавец и к ним:

— Вы чего выстроились? Хлеб раньше девяти не привезут и то по булке на человека.

А те:

— Да мы не за хлебом, за сахаром.

— За каким ещё сахаром? Вам что, приснилось? Кто вам ляпнул про сахар?

— Да кто? Иван Савельевич!

— Вот и берите у него сахар, с конфетами впридачу.

Поняв, что Иван разыграл их, женщины устроили на него засаду. Иван, уладив со столяром свои дела, получил пенсию и, ничего не подозревая, направился обратно в посёлок. Только поравнялся с магазином, как из-за угла на него, словно «эскадрон гусар летучих», налетели женщины.

Чувствуя, что расплата близка и неизбежна, Иван возвёл руки к небу:

— Стойте, бабоньки, дозвольте хоть последнее слово сказать!

Те посторонились.

— Чего это вы на меня накинулись, как блохи на кобеля лохматого? Вы же сами просили, чтобы я вам траванул байку. А сейчас меня обвиняете? Так кто же из нас виноват? — и, отвернувшись, не спеша похромал в сторону станции.

А те остались стоять с открытыми ртами, поругиваясь: «Вот, кобелина! Ну и кобелина!». И тоже поплелись следом.

Страна праздновала очередную годовщину Победы над фашистской Германией. Накануне в дом к Ивану пришли пионеры во главе с вожатой Антониной Александровной. Вежливо поздоровавшись, она обратилась к хозяину:

— Иван Савельевич, наш коллектив

приглашает вас как участника и героя войны завтра к десяти утра в школу на встречу с ребятами.

— Да какой я герой, — отмахнулся было Иван, — ну, пришлось мне, как и всему народу, воевать, — смешался он.

— Пожалуйста, не скромничайте, ведь нам известно про ваши награды, которые не всем даются. Наденьте их и расскажите, за что и как вас награждали.

Когда за делегацией закрылась дверь, Иван посмотрел на жену:

— Соня, кто и как узнал про эти, — он показал на грудь, а затем на сундук, где хранились боевые ордена и медали.

— Шила в мешке не утаишь, а их ты заслужил, и нечего скрывать.

Соня не стала рассказывать ему, что около года назад их соседка Марья, завидуя их миру и согласию, однажды язвительно лягнула Соне:

— Ещё не ясно, где твой Ванька околачивался пять лет после войны.

Соня ничего не ответила, знаком показала посидеть на скамье, а сама, войдя в дом, вынула из сундука бережно хранимые, завернутые в чистое полотенце награды и документы на них.

Марья, бегло осмотрев ордена и медали, позже призналась, что ничего в них не смыслит, но документы к ним — за что и как был награждён Иван — прочитала.

К себе домой она ушла молча, но, видимо, её сорочий язык разнёс по посёлку весть про награды, и люди, и ранее уважавшие Ивана за трудолюбие, особенно фронтовики-инвалиды, теперь стали величать его, совсем ещё по всем меркам молодого, по отчеству.

К назначенному времени Иван в парадной форме, с регалиями переступил порог школы.

Когда он вошёл в класс, все учителя и учащиеся встали и хором при-

ветствовали ему. После торжественной части пионервожатая от имени учеников и коллектива учителей попросила рассказать о полученных боевых наградах и о фронтовой жизни.

Он, смущаясь, коротко рассказывал, и то больше не о себе, а о своих боевых товарищах, без которых он не остался бы в живых.

Потихоньку вопросы и ответы перешли в беседу, неловкость сама по себе исчезла. На вопрос одного ученика: «Страшно ли было там, на войне?», просто ответил: «Страшно».

Не мог он, да и не хотел никому, даже взрослым, рассказывать о том, что пришлось пережить на передовой, да и в послевоенные годы. На передовой всё было понятно: где друг, а где враг. Бывало, группа его разведчиков лицом к лицу сталкивалась с поисковой группой противника. Если только силы, шансы и условия были равны и обе стороны знали, что победителей не будет, договаривались о временном перемирии, угощая друг друга куревом, горячительным напитком.

Так, бывший рабочий из Дрездена угощал шахтёра из земли Кузнецкой, или наоборот. А затем мирно расходились, чтобы в следующий раз встретиться врагами — каждый выполнял свою тяжёлую военную работу.

Позже, в лесах Белоруссии, гоняясь за бандами недобитков, что прятались в пущах, можно было в любой миг ожидать, что разверзнется земля и из бункеров на тебя посыплется пули или гранаты.

Леса кишели партизанскими отрядами. Одни поднимали на воздух немецкие эшелоны, другие колошматили и красных, и белых, третьи, состоявшие в основном из дезертиров, грабили и убивали всех подряд, лишь бы выжить.

Но самые опасные отряды или группировки готовили в Германии — переде-

тых в советскую форму врагов забрасывали в тыл, где они доставляли столько хлопот, что для борьбы с ними командованию приходилось выделять регулярные части.

Отряд, где проходил службу Иван, перебрасывали из одного района в другой. Везде царили хаос, смерть, разруха. Затем их отряд перекинули в Западную Украину для ликвидации бандеровцев.

«Да и какая это Украина? — часто раздумывал Иван, — Украина для русских — это та земля, откуда пошла Киевская Русь, где запорожские казаки испокон веков воевали с поляками, литовцами, а на юге — с басурманами. Вступали в войско, целуя русский крест, и умирали в битве вместе с ним. Все были братьями».

Здесь же, во Львовщине, кроме косых взглядов, презрительного слова «москаль», он не слышал украинской речи.

Перемешанная, в основном состоящая из польских, немецких и ещё Бог знает каких языков, речь была непонятна Ивану. А зверства, какие учиняли вуйки, дядьки? Их изобретательности и жестокости могли бы позавидовать и нацисты, и гестаповцы, и другая, озверевшая от крови, фашистская сволочь.

Нанятые недобитки, тоже переодетые в советскую форму, нападали на небольшие полувоенные подразделения, сводили счёты с местными активистами или с теми, кто пытался укрывать их. Не щадили ни взрослых, ни детей.

Однажды отряд Ивана ворвался в село, где бесчинствовали бандеровцы. В короткой схватке часть бандитов была уничтожена, а больше половины вук были захвачены в плен. Их собирались отправить в Львовскую тюрьму. Внимание бойцов привлёк раздавшийся неподалёку душераздирающий крик. Бросившись туда, они увидели леденящую душу картину: на пороге дома сидела полуголая молодая женщина с безумными глазами и, крича криком раненого

животного, раскачивала обугленное тело ребёнка. Рядом лежал мужчина со вспоротым животом и выколотыми штыком глазами.

Выяснилось, что хозяин отказался указать место, где пряталась его сестра-активистка, тогда один из ублюдков схватил за ноги их двухлетнего сына и бросил в раскалённую печь. Затем на глазах мужа изнасиловали жену, а самого после долгих издевательств застрелили.

Увидев эту картину, один из самых молодых бойцов отряда дико закричал, бросился к сараю, на ходу срывая с плеча автомат, пинком вышиб дверь и, ворвавшись внутрь, принялся осаживать братков, поливая их пулями.

Израсходовав диск и вставив новый, он продолжал стрелять уже по мёртвым телам. Двое бойцов подскочили к нему и отняли автомат, потом принялись отпаивать его водой из фляжки. Остальные бойцы стояли хмурые, подавленные, а командир тихо произнёс:

— Собакам собачья смерть!

За все годы, что Иван находился в отряде, он видел столько горя и слёз на чуждой ему земле Западной Украины, где почти в каждом селе или городке выростали холмики братских могил его сотоварищей, погибших уже в мирное время, что волосы покрыла седина, до этого долго шадившая его. Одно дело терять товарищей в бою, другое — в мирное время, хотя хрен редьки не слаще.

...Из школы Иван шёл по улице, стараясь отогнать воспоминания. Майский ветерок шевелил на его шее красный пионерский галстук, который повязали школьники. Шёл и улыбался, вспоминая прошедший утренник, радость праздника мирного неба, покоя и тишины, разделённую с ребятами.

Окончание на стр. 28.

Анатолий Устинкин

Воробьи

Днём весенним победного мая,
Как всегда, по дороге домой,
Возвращался с парада, шагая,
Напевал, наконец, выходной!

По пути — покосившийся домик,
У забора на лавочке дед.
Воробьев хлеба крошками кормит,
А с ним рядом — солдата портрет.

«С Днём Победы!» — я дедушке крикнул, —
С годовщиной окончания войны!»
Глуховатый старик, не расслышав,
«Что, сынок, тебе?» — переспросил.

Наклоняя над седой головой,
«С Днём Победы!» — опять говорю.
«А-а спасибо, Победу я помню».
«Я присяду, дедуль, покурю?».

Дед подвинулся, смёл пыль ладошкой,
В руки взял чёрно-белый портрет
И продолжил, ломая на крошки,
Воробьям сыпать хлеб на обед.

«Я ж, сынок,
в этот день в сорок пятом,
Как сопливый мальчишка ревел,
Что не видно в могилах ребятам,
Как Победы салют гремел.

Я на фронт убежал в шестнадцать,
Так хотелось стране послужить,
Я готов был с фашистами драться,
Хоть зубами им глотки разгрызть!

Но война оказалась не тёткой,
Я такого в те дни повидал...
Пули спину мне жгли словно плёткой,
И от боли я, корчась, орал.

Как узнал, что деревню родную
Немец сжёг и убил мать с сестрой,
Выл я, спрятавшись в темень глухую,
Ещё яростней шёл утром в бой.

И когда погибали ребята,
А им было ещё что терять,
И убитых сестёр с медсанбата,
Что любви не успели познать.

Чёрный хлеб и солдатская каша,
Перед боем сто грамм фронтовых;

Наступала армия наша,
В память мёртвых, во славу живых.

Нас осталось от взвода лишь двое —
Я и друга Ивана портрет,
Остальных раскидало по полю,
Нам снаряд прилетел на обед.

Так погибли друзья, не поели,
Души тут же ушли в небеса,
А потом...
воробьи прилетели...
В их чириканье — солдат голоса.

Я теперь их кормлю постоянно,
Ведь они не успели поесть.
Их уже не затянутся раны,
Сосчитай, их здесь тридцать шесть.

Тридцать шесть погибло солдат,
Ровно столько же здесь воробьёв.
Это души тех самых ребят
Я уж тоже примкнуть к ним готов...».

Я сидел
и молчал,
слушая деду,
А он с болью в душе говорил,

Как досталось им эта Победа,
Вместе с ним воробьёв тех кормил.

Я рассказы его не забуду,
Это память о страшной войне,
Когда смелые русские люди
Становились сильнее вдвойне.

Они били врага, не жалея,
Защищали родную страну,
Всю Европу преодолели,
Чтобы мы не познали войну.

Нам нести эту память сквозь годы,
Мы потомкам должны рассказать,
Что обязаны нашей свободой
Воробьям тем, что любят летать.

Ветеранов осталось немного.
В каждом доме висит их портрет,
И на каждого смотрит безмолвно
Свой герой:
брат,
отец или дед.

Источник:
https://vk.com/wall-137830625_29083

Месть шамана

В левой половине груди начала прорастать боль, вначале вкрадчивая, а затем всё более усиливающаяся.

«Проснулся, окаянный, — подумал об осколке Иван, — да ещё в такой день! Не может повременить?».

И тут его внимание привлекли клубы дыма. Они вырывались из предпоследней избы Вдовиного переулка. Увидев пожар, Иван прибавил шаг, несмотря на усиливающуюся боль в груди. У избы уже собралась порядочная толпа людей с баграми, ломом, лопатами. От ближайшего колодца выстроилась живая цепочка из помощников, передававших ведра с водой к месту пожара.

Вслед за Иваном подъехала повозка, где находилась большая бочка с водой — это была школьная пожарная команда. Быстро развернули шланг, и двое рабочих принялись нагнетать из ручного насоса воду к месту пожара.

И вдруг, перекрыв шум и треск от горящего дома, раздался голос женщины-соседки:

— Там же бабка Маня и её двое внучат! Хозяева-то на работе!

Все замерли.

Уже горела крыша, огонь лизал окна, из проёма двери валил дым, а вокруг суетились люди, в основном женщины, дети, инвалиды.

И Иван решил!

Сорвав с одного старика телогрейку — старому и летом холодно — обмотав голову тряпкой, он велел облить всего себя водой и кинулся в горящий проём двери.

Люди замерли, только в тишине слышался треск дерева и страшный гул пламени.

Наконец Иван появился из проёма. На руках он держал потерявших сознание мальчика и девочку.

Положил их на землю, подав рукой знак, чтобы их отнесли подальше от пожара, а сам, шатаясь, опять попросил облить себя водой. Пока его обливали, он всматривался в людей, словно ища кого-то и, видимо, не найдя, нетвёрдой походкой опять направился в горящую избу. И тут тишину прорезал голос:

— Ваня! Ванечка!

Это была Соня. Его Соня. Улыбка появилась на его лице, вымученная улыбка. Он помахал ей рукой и исчез в проёме.

А вслед ему кричала и рвалась его Соня. Две женщины держали её за руки. Долгим показалось время, пока Иван находился там, откуда вырывались клубы дыма, снопы искр и языки пламени. Наконец он появился, держа на руках потерявшую сознание старушку. Бережно положив её на землю, он пошёл навстречу своей Соне.

Сделал шаг, другой и, пошатнувшись, упал. Упал, чтобы больше не подниматься.

Так падают в бою солдаты, исполнившие свой долг до конца. И Иван исполнил его, свой последний долг.

Коварный осколок, сидевший у самого сердца, нашёл место и время, чтобы в далёкой Сибири оборвать жизнь солдата.

Место, выбранное для стоянки геодезической партии, находилось на берегу речушки, впадающей в бурную, взбрыкивающую на порогах и перекатах реку Усу.

Отряд проводил разметку местной тайги с разбивкой на квадраты нивелирными приборами. В состав отряда входили: старший геодезист, трое кадровых техников, а также дюжина сезонных рабочих.

«Зондеркоманда», как нарёк её один из рабочих, была разношёрстной. Здесь собрались и романтики, которым был необходим «дурман тайги и белый цвет берёз», и искатели длинного рубля, и те, которых не принимали в серьёзные организации.

Их в отряде оказалось трое, и они сразу нашли друг друга. По просьбе старшего они оказались в одном звене, где, кроме работы, троицу связывали чифир и игра в карты, конечно, в нерабочее время. Замечаний от начальника по работе им пока не было: не забегали вперёд и не отставали от других звеньев.

Старшим они признали Сашу Одесу, как он отрекомендовался (по количеству «ходок» он превзошёл своих коллег), затем Ваня Млечный путь (такая романтическая кличка) и Серёга по фамилии Кочерга. Рабочие других звеньев в этой партии не имели «тёмных пятен» в биографии.

Зажатый со всех сторон предгористой тайгой Кузнецкого Алатау участок, где разбили палатки, находился в небольшой низине. Недалеко от стоянки была пасека, которой заведовал старик-пасечник Петрович — крепкий, сохранивший ясный взгляд и твёрдую походку.

В первый же день, навестив поселенцев, немного познакомившись и освоившись, он, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Зря вы здесь растаборились, нехорошее здесь место. — И, указав на противоположный берег реки, добавил: — Шаман здесь шорский похоронен, не своей смертью взят, вот и не может найти его душа успокоения, хлопотно вам здесь будет.

И ушёл, махнув рукой, что-то не договорив.

На другом берегу реки виднелась могила шамана, обложенная крупными камнями и перетянутая по периметру позеленевшими от времени цепями. Но рабочие, будучи в основном оптимистами, не особо придали значения словам Петровича.

Только Мишка Мальцев, механик-водитель гусеничного тягача, развивший рабочих по участкам, призадумался.

Проработав до этого несколько лет на строительстве ЛЭП, на нефтепроводе, исколесив не одну тысячу дорог по тундре и лесотундре Заполярья, он

не понаслышке знал о шаманах и о чудесах, творимых ими, их связях с потусторонним миром, знал о пользе белых и зле чёрных шаманов. Был свидетелем, как они камланием чуть ли не с того света поднимали человека на ноги и как доводили до состояния мумии неугодного им.

Около двух месяцев всё шло своим чередом, каждый член отряда выполнял свою работу.

Обязанности повара, или, как окрестил Саша Одесса, стряпухи, выполнял молодой парень Димка, до этого служивший в армии поваром.

По утрам он готовил горячую пищу для отряда, на обед выдавал в поле сухой паёк: по банке мясной или рыбной консервов, сгущёнку, хлеб — всё под записку, а к вечеру опять готовил горячее.

Мишка Мальцев сдружился с Димкой. Утром после завтрака, доставив звенья рабочих по объектам, он почти весь день был свободен, не считая мелких поручений старшего геодезиста или ремонта тягача.

Так как однообразная пища (тушёнка да сгущёнка) начали приедаться, Мишка с Димкой решили разнообразить стол.

В речушке плескалась рыба: плотва, окунь, язь, щука, но особенно много водилось пескарей.

Приятели брали несколько трёхлитровых стеклянных банок, делали из бересты воронки с нешироким горлом. Крепили их в горловину банки, обмазывали воронку тестом, предварительно кинув внутрь корки хлеба.

Привязав горловину верёвкой за прибрежный куст, погружали ёмкости в речку, а часа через два-три вытягивали банки из воды и вытряхивали на траву содержимое. Иногда в них набивалось чуть не по полбанки пескарей. Два-три захода — и отряд обеспечен на ужин жареной рыбой.

Правда, на чистку рыбы не хватало терпения и времени, но рабочие не обращали на это внимания, слишком надоел однообразный стол. Пищу дополнял черемша, плантация которой росла недалеко от стоянки.

Раза два в месяц приезжал начальник геопартии. Ознакомившись с проделанной на участке работой, переговорив с рабочими, выслушав их жалобы или претензии, он опять возвращался в город.

Кроме Димки, Мишка стал гостем у Петровича, который, насытившись одиночеством, радушно встречал его на пасеке.

Они оказались земляками — из одной области и района, и даже их деревни находились недалеко друг от друга.

— Выслали меня в начале тридцатых, — начал повествование Петрович,

— вместе с семьёй и односельчанами, признав нас одиноличниками за то, что мы жили в достатке, не посмотрев на то, что обходились без батраков, управлялись в хозяйстве своими силами. Я даже кое-что из инвентаря в колхоз сдал.

Погрузили в товарные вагоны и повезли к чёрту на кулички. Хорошо, что ещё летом, а так бы... На новом месте обустроились, зиму встречали в землянках; кое-как перезимовали, весной артельно принялись рубить дома, поочередно — в первую очередь тем, у кого детишки.

В общем, прижились на новом месте. Простой мужик никогда и нигде не пропадёт.

Сыновья стали подрастать, не успели мы оглянуться — под потолок вымахали.

А тут и война через порог переступила, обоих их забрала, безвозвратно: один за другим в самый её разгар под Сталинградом головы сложили. И остались мы вдвоём с женой бедовать. А затем, в конце пятидесятых, и жену похоронил. И вот уже сколько лет один здесь на пасеке.

Другую семью заводил поздно — года убежали, да и пора уже на покой, под бочок к благоверной.

Зовёт меня к себе, дескать, «скучаю», да и зажился — уже девятый десяток годков, — словно исповедовался Петрович.

Так коротали время старый да молодой за стаканчиком медовухи за житьё-бытьё.

Мишка спиртным особо не увлекался, работа за рычагами тягача не позволяла: ответственные места, гористые, а он за людей отвечает, не приведи Господь. И начальство строго-настроено наказало Петровичу не продавать и не угощать рабочих. Это Мишке, как земляку, он делал исключение, и то много не наливал.

Про шамана и его могилу они разговор не заводили, пока он сам не напомним о себе.

Как-то раз поздно ночью приспичило Мишке сходить по малой нужде в нужник. Сделав своё дело, он случайно бросил взгляд за реку и словно окаменел.

Ночь стояла тёмная, на небе чётко выделялись звёзды.

Из могилы шамана выплыл светлый горизонтальный силуэт человека, который медленно стал принимать вертикальное положение.

Выпрямившись, он, не касаясь земли, двинулся в сторону реки. Мишка стоял, замерев от ужаса, и смотрел, как силуэт, приблизившись к речке, словно наткнулся на неведомое ему препятствие. Сунулся туда-сюда, но какая-то сила не пускала его дальше.

«Вий, что ли, как у Гоголя?», — ма-

шинально пришло в голову Мишке, но тут же эти мысли отлетели прочь.

Не особо чтившему Бога и не знавшему толком молитв, ему вспомнилось материнское: «Господи, спаси и сохрани».

Перекрестившись, машинально прошептал он молитву и, с трудом оторвав ноги от земли, быстро шмыгнул в палатку.

Шумно дыша, едва не разбудив рабочих, он лёг на раскладушку, укрылся с головой одеялом и, со страхом вслушиваясь в тишину ночи, принялся перекручивать только что увиденное. Только под утро забылся он в тревожном сне.

Весь день Мишка находился в каком-то ступоре. Когда доставлял рабочих по объектам, едва не разул тягач, налетев на пень. Такое состояние длилось дня три-четыре.

В какой-то момент Мишка заметил, что то же самое происходит с Димкой. Откровенно поговорил с ним, и тот признался, что тоже видел призрака. Они решили не обнародовать это, боясь насмешек, а посоветоваться с Петровичем.

Внимательно выслушав Мишку, тот произнёс:

— Не хотел я вам морочить голову этим шаманом, а придётся.

В конце сороковых здесь недалеко стоял чум, где жил шаман с женой и двумя дочерьми-близняшками, которых едва исполнилось по четырнадцать лет.

Сильный шаман был, славился искусством лечебным, общением с духами через камлание и травами исцелял многие болезни, поднимал людей на ноги почти со смертного одра. Со всех улусов шли люди к нему за помощью, и никому он не отказывал. Однажды он отлучился от семьи в дальний улус, где его с надеждой ожидали родственники неходячего больного, а когда возвратился, то на пороге его чума ожидало горе.

В нескольких километрах от его жилья находился лагерь, где содержались особо опасные преступники, и однажды несколько заключённых ушли в побег.

На их пути оказался чум, где в это время остались в ожидании хозяйина жена и дети шамана. Зверски изнасиловав, а затем убив их, зеки ушли дальше в тайгу.

Когда шаман увидел растерзанные тела своих близких, опустился подле них на колени и завыл. Завыл диким зверем от горя и безысходности. Похоронил их на шорском кладбище, но жить на месте трагедии не смог.

При помощи друзей перевёз чум на берег реки, где сейчас его могила. Никак не мог он смириться со случившимся, и вскоре неутешное горе разорвало сердце старого шамана. Перед смертью он попросил друзей — шорцев похоронить его здесь, на берегу реки, а чум сжечь и пепел развеять по ветру, что они и сделали. Вместо памятника обложили могилу круп-

ными камнями и сделали оградку из цепей.

Но душа его и здесь не нашла пристанища, порой из его могилы доносятся похожие на стоны звуки и выплывает силуэт человека.

Несколько раз призрак приближался к пасеке, и Петрович молитвами отгонял его прочь, затем пригласил из улуса шамана, и тот на могиле усопшего, вызвав камланием его душу, разговаривал с ней. О чём они беседовали, осталось в тайне, но после этого призрак не может преодолеть незримую черту, проведённую шаманом на берегу реки, но продолжает маяться на месте захоронения. Что душа желает и ищет, ведомо только ей одной. Если убийц, то их наказали. Трёх, особо опасных, приговорили к высшей мере, а остальным добавили срок, и без того длительный.

Такая вот история с шаманом, — закончил Петрович. Потом добавил: «В третьем году назад здесь недалеко пострелялись два сборщика пихтовой живицы. Пострелялись, поссорившись из-за какого-то пустяка, причём оба трезвые. Одного похоронили, а другого еле выносили в больницу. Так что надо ждать беды. Просто так шаман не выпустит вас отсюда. Злой он на весь мир».

Бедой не заставила особо ждать: пришла, как всегда, неожиданно. Спустя два дня после разговора Мишки с Петровичем старшего геодезиста срочно вызвали в управление по работе. Оставив вместо себя наиболее опытного человека, он срочно выехал в город, где ждали отчёт о проделанной работе на нужном участке.

Мишка доставил его на тягаче до населённого пункта и, отправив геодезиста на рейсовом автобусе, вернулся в лагерь. Утром, после доставки людей на место работы, по известному всем закону подлости (как он выразился) налетел на пень и «разул» машину. Хорошо, что в запасе у него оказался запасной «палец» для соединения траков, но всё равно, чтобы отремонтировать (натянуть гусеницу) в одиночку потребовалось время и мастерство. В лагерь он вернулся, когда солнце перешагнуло за полдень.

Звено под командой Саши Одессы проводило работы не слишком далеко от лагеря. Дав им нужное направление для прокладки профиля через нивелир, геодезист ушёл к своему звену, но вместо того, чтобы приняться за работу, троица дружно потопала в лагерь. У Вани Млечного пути завтра должен быть день рождения, но раз начальство отсутствовало, друзья перенесли праздник на сегодня.

«Какая разница, — рассудили они, — днём раньше, днём позже, главное — Млечный путь на свет появился, а там хоть трава не расти».

Недалеко от лагеря в кустах их ожидал ведёрный бидон бражки, поставленной неделю назад. Сахар и дрожжи они «заняли» у Димки в его

отсутствие, и за неделю бурда созрела. Троица потирала руки в предвкушении праздника.

В лагере, кроме Димки, никого не было, и они, взяв у него под запись мясные и рыбные консервы, уселись за праздничный стол. Вначале был тост за здоровье именинника, чтобы он реже залетал к «хозяину», а потом уже и забыли, за что пьют. А так как бражка оказалась сногшибательной (зря что ли в неё три флакона тройного одеколора ухайдакали), начались обычные для такого контингента разборки: кто кого знает по тюрьмам, зонам, кто правильный, кто «сука», кто откинулся, а кто залетел.

Серёга Кочерга, с трудом поднявшись и бессвязно бормоча что-то, побрёл в ближайшую палатку, где, упав на раскладушку, сразу же отключился. А Саша Одесса и Ваня Млечный путь, не заметив его ухода, продолжали свой диалог, который из мирного начал принимать агрессивный характер.

Бражка сделала своё дело: обострила старые обиды, припомнила забытые «косяки». Всё гнилое, накопленное за время совместных отсидок, начало выплёскиваться, как из помойных вёдер. В итоге в голове у Вани Млечного пути переклинило, и он мстительно, торжествуя бросил в лицо бывшему другу: «Козёл».

Такого оскорбления Саша Одесса уже вынести не смог. Озверев, он выхватил из-за пояса охотничий нож, который постоянно был при нём в тайге, и с силой вонзил обидчику в печень, провернув несколько раз для надёжности. Ваня Млечный путь беззвучно упал со скамьи и, дёрнувшись несколько раз, затих. Убийца, совсем потеряв рассудок при виде крови и повода налитыми бешенством глазами, отыскивал новую жертву. Взгляд его упал на Димку. Но тот был трезв. Преодолев шок от увиденного, Димка рванул в сторону пасеки, ища там спасения. Позади него бежал Саша Одесса с ножом в руке.

Петрович копался у себя в огороде по хозяйству, когда услышал: «Спасите, убивают!» Он выглянул за калитку и обомлел. К нему бежал Димка-повар, а за ним мужик с ножом в руке. Оценив обстановку, Петрович заскочил в сени, сдёрнул висевшую на стене двустволку, заряженную картечью (в тайге ведь живём) и выбежал за ворота. Пропустив Димку в калитку, он крикнул преследователю: «Стой! Стрелять буду!» И сделал предупредительный выстрел вверх. Но ни окрик, ни выстрел не остановили Сашу Одессу. Тогда Петрович решил остановить его выстрелом по ногам.

И надо же так случиться, что под ноги Саши Одессы попало круглое полено, случайно оставленное Петровичем. Поскользнувшись и крутнувшись на нём ногой, он словно подкошенный упал на землю. И в это время раздался выстрел из опущенного, нацеленного по его ногам ружья. Заряд

картечи попал Саше Одессе в голову...

Когда Мишка отремонтировал тягач и вернулся в лагерь, то увидел труп Вани Млечного пути, а рядом с пасекой ещё один, Саши Одессы, и растерянных Петровича с Димкой. Он потерял дар речи. Кое-как успокоившись, Мишка извлёк из палатки старшего геодезиста рацию и вышел на связь с управлением. Ему много раз приходилось работать в полевых условиях и поневоле обращаться с радиотехникой. Коротко передал о случившемся, чтобы они сообщили в правоохранительные органы.

Под вечер прибыли из города опера из милиции и прокуратуры, а также начальник партии со старшим геодезистом.

Опера, опросив бегло свидетелей (Димку с Петровичем), забрали их с собой, а также ничего не соображающего Серёгу Кочергу и тела убитых. С ними же для расследования дела в город уехал и начальник партии. В эту ночь в палатках мало кто спал — обсуждали трагедию. Петрович с Димкой вернулись через день к вечеру.

Серёгу Кочергу уволили за пьянку, но к уголовному делу привлекать не стали. Звено Саши Одессы перестало существовать. С Петровича взяли подписку о невыезде и отпустили до окончания следствия. Он сразу же подыскал себе на пасеку помощника — шорца, зная, что его будут вызывать на допросы и суды. По просьбе рабочих стоянку лагеря перебросили в другое место, подальше от злополучной могилы шамана, и работы возобновились вновь.

С Петровичем Мишка встретился спустя полгода, когда сезонные работы были давно закончены. Перебросив свой тягач «верхом» на трейлере в управленческие мехмастерские, он занимался его ремонтом, готовясь к следующему сезону. Как-то с приятелем он зашёл в автовокзал за билетами и возле пригородных касс столкнулся с Петровичем. Оба обрадовались встрече. Отошли в сторону и начали расспрашивать друг друга о жите-бытье. Осторожно коснувшись таёжной трагедии, Мишка узнал о её последствиях.

Петровичу вынесли условное наказание сроком на два года, так как он защищался от посягательства на свою жизнь и жизнь ещё одного человека. Это была самооборона и нечаянное убийство.

Закрывая дело, следователь сказал ему: «Будь моя воля, я бы тебя за Сашу Одессу к награде представил, но, увы! — закон есть закон».

А шаман затих — не беспокоит больше никого, видно, обрела покой его насладившаяся мстостью душа.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Туннель Тарубарова

Начало на стр 2-3.

Служили в Феодосийском лётно-испытательном полку два лётчика, два друга, дружба которых в обычные понятия этого слова не укладывалась, поскольку были они совершенно разными людьми. Причём, сказать, что они были разными «как лёд и пламень» — нельзя. Разными они были в одном целом, как горная часть реки и её равнинное продолжение.

Кривцов Анатолий Андреевич был маленьким, толстеньким, коротконогим и вертлявым человечком. Он постоянно пытался всех и всё перебалмутить, перевернуть вверх дном. В противоположность ему Тарубаров Виктор Васильевич был высоким, статным но увальневато-медлительным.

Оба были лётчиками-испытателями, оба «рядовыми» полковниками, которые из-за отсутствия под своим началом подчинённых, кроме как в полёте, порой становились баловниками несмотря на свои седины и положение. Целомудрие к каждому из них возвращалось лишь тогда, когда держали в руках штурвал самолёта. И длилось оно ровно столько, сколько они держали этот штурвал в руках.

Кривцов по возрасту был немного старше Тарубарова, поэтому он раньше стал лётчиком-испытателем. И с самого начала их знакомства и совместной службы взаимоотношения между ними установились как между «сыном» и «папашей». Кривцов в любой обстановке называл Тарубарова только по имени, причём в каком-то уменьшительном его значении — Витюлей. Тарубаров, несмотря ни на что, везде называл Кривцова по отчеству — Андреевичем.

На первом отечественном тяжёлом реактивном самолёте-бомбардировщике Ту-16, имевшемся в авиаполку, Кривцов был ведущим лётчиком-инструктором. Как инструктору ему было поручено «вывозить» Тарубарова, основным самолётом которого до этого был средний самолёт-бомбардировщик Ил-28.

Сделав несколько полётов и произведя несколько же нормальных взлётов и посадок, Тарубаров непринуждённо заулыбался, мол, знай наших.

Кривцов был инструктором и имел соответствующее превосходство над своим товарищем (обучаемым), но, сидя на правом кресле, беспрекословно выполнял главную заповедь правого лётчика: «Не мешай левому!». Несмотря на то что у Тарубарова всё получалось нормально, сидел Кривцов на своём месте как на шиле: ёрзал

туда-сюда, туда-сюда... Как бы говоря: «Нормально у тебя всё получается, Витюля, но я бы посадил самолёт лучше!».

В соответствии с плановой таблицей им оставалось выполнить ещё один полёт. Кривцов, не в силах больше сдерживать себя, вымолвил: «Дай-ка, Витюля, я выполню этот полёт, покажу тебе, как настоящие лётчики-испытатели летают», — на что он имел право.

— Покажи! — ответил Тарубаров, убрав руки со штурвала, а ноги — с педалей.

Кривцов произвёл нормальный взлёт, нормальный полёт по кругу. При подготовке к посадке самолёта понял, что в самом начале лётной смены, при подготовке к полёту, он небрежно отнёсся к подгонке сидения по своему росту. Сидение было несколько высоковатое для него и далековатое от штурвала, поэтому его короткие ноги, как положено, до педалей не доставали. Можно было передать управление самолётом Тарубарову, но Кривцову делать этого очень не хотелось.

«Вроде бы и ничего: ступни почти полностью лежат на педалях», — подумал он.

Посадка получилась хорошей, самолёт почти не шелохнулся. Но через несколько секунд после посадки начали раздаваться какие-то хлопки то с одной, то с другой стороны самолёта.

«Колёса лопаются!» — мелькнуло в голове у Тарубарова. Он посмотрел на левую стойку: колёса, как лыжи, скользили по бетонке и не крутились.

— Ноги с тормозов уберите! — закричал он на Кривцова и, аварийно выключив оба двигателя, выпустил тормозной парашют. Самолёт начал интенсивно остывать. Тарубаров оглянулся вновь: лопнувшие покрышки колёс, вращаясь, хлопали по бетонному покрытию взлётно-посадочной полосы как дырявые калоши на ногах при ходьбе по грязной деревенской дороге.

— Ну и показал! — сказал Тарубаров, когда самолёт полностью остановился, и громко засмеялся: «Ха, ха, ха-а!»

— А чего ты смеёшься, Витюля? Ты командир экипажа, твои и шишки!

Тарубаров оборвал смех, задумался и выругался излюбленным своим ругательством: «У, у, дрон ушастый!»

Теперь уже зашёлся смехом Кривцов: «Хи-и, хи-и...»

Однако на разборе полётов всю вину за «разутие самолёта» Кривцов полностью взял на себя. В итоге Тарубарова слегка пожурили, а на Кривцова взыскание налагать всё равно, что гуся водой поливать.

Словом, всё обошлось с лётной предпосылкой — тихо и мирно. Тем не менее,

в душе у Кривцова кипела досада за собственную оплошность. И он не знал, как её утихомирить. Неудовлетворённость росла и искала зацепочку для своего выхода. Вскоре такая зацепочка нашлась. Перед авиаполком поставили задачу: перегнать самолёт, на котором когда-то Кривцов учил летать Тарубарова, в Челябинск и передать в штурманское училище как действующий макет. По неписанному закону, неукоснительно соблюдавшемуся в авиаполку, первое и внеочередное право на такой перелёт имеет тот, кто там родился. Тарубаров родом был со среднего Урала, потому эта зона ответственности считалась его вотчиной. На перегон самолёта в Челябинск он, бесспорно, имел первое право. К величайшему сожалению, лететь в этот раз Тарубаров не мог по очень уважительным причинам.

Тут-то и почувствовал момент истины Кривцов. Выгнув грудь колесом, пошёл он меж лётчиками с прозрачным намёком на то, что кроме него выручать друга больше некому. На том и порешили. Согласилось с предложением, исходящим из низов, и командование авиаполка. После окончательного утверждения экипажа Кривцов расхаживал по штабу, всем улыбался и, потирая руки, шутил.

Выполнив успешно перелёт и посадку самолёта в Челябинске, передав его под охрану, экипаж уехал в гостиницу. Поужинали и закусили по-семейному, когда каждый пьёт, сколько может, а командир, сколько хочет, и начали готовиться ко сну. Кое-кто уже лежал в постели, когда Кривцов демонстративно начал разглядывать свои часы.

— Та-а-ак! Витюля Тарубаров сейчас, пожалуй, тоже лёг спать. Через полчаса он будет храпеть, как загнанный конь, так что его будет слышно даже в соседнем доме. Пойду-ка, подниму его! — сказал Кривцов и начал собираться.

— Командир, куда ты, на ночь глядя? — попытался остановить его штурман.

Кривцов жестом руки поставил его на место, как бы сказав: «Молчать! Командиру не указывают. Командир вправе делать всё, что захочет!». Некоторое время постоял, после чего сказал:

— Всем спать! Я скоро вернусь. Штурман, а ты со мной. А то ведь я ненароком блудануть могу. Поэтому на телеграф проводишь меня!

Натянув чуть ли не до шеи полковничью папаху, Кривцов вышел на улицу. Вечер оказался чудесным. С неба падал лёгкий снежок, было тепло и безветренно. Кривцов, подняв вверх голову, глубоко вздохнул и неизвестно кому улыбнулся. Потом тихо зашагал вслед за штурманом.

На телеграфе весело взял бланк телеграммы, написал адрес и задумался. Снова усмехнулся и начал «лепить» то, что давно уже варилось в его озорной голове:

«Тарубарову Виктору Васильевичу!

Докладываю, полёт проходил в сложных метеоусловиях. Посадку выполнили на запасную полосу при ограниченной видимости. Правак, после выключения двигателей, выпустил тормозной парашют. Колёса сохранили целенькими. Оваций не требуется — долг платежом красен. Паровоз Черепановых на ремонте. Город в наших руках. Ждём Ваших указаний. Кривцов».

— Почти как «Послание запорожцев турецкому султану», — пробежав глазами написанное, отметил про себя довольный Кривцов и подал телеграмму в окошечко.

Телеграфистка прочла текст телеграммы и ничего не поняла. Она перечитала текст ещё раз и вернула Кривцову исписанный бланк, категорически отказавшись передавать непонятную для неё информацию.

— Да не бойся, дочка, я полковник ВВС, лётчик. Вот мои документы. Телеграмму шлю другу, это шутка. Понимаешь, шутка, — затараторил Кривцов, испугавшись, что задумка его может сорваться.

Телеграфистка внимательно просмотрела его документы, что-то записала себе в журнал и, недовольно бурча, согласилась: «Ладно, приму! Но, если что, Вы будете за всё в ответе!».

— Конечно, если что — то полностью, — заверил её Кривцов, расплатился за телеграмму и, довольный, вышел на улицу.

Телеграмма в пункт назначения пришла быстро, но принимавший оператор, ознакомившись с текстом, отправлять её адресату не решился. Он передал полученную непонятную телеграмму в особый отдел.

Особисты усмотрели в тексте телеграммы угрозу государственной безопасности и, создав оперативную группу, нагрянули прямо ночью с автоматчиками к Тарубарову домой.

— С Челябинском связь имеется? — строго спросил хозяина квартиры старший оперативной группы.

— Нет! — ответил спросонья ничего не понимающий Тарубаров.

— Дома, кроме Вас, ещё кто-то имеется? — вновь поинтересовался опер.

— Нет! — отрицательно качнул головой Виктор Васильевич.

— А Кривцова из города Челябинска знаете?

— Нет! — выпалил в который уже раз один и тот же ответ Тарубаров.

Старый, опытный вояка, лётчик, нео-

днократно летавший через радиоактивное облако при испытаниях первых отечественных ядерных авиабомб, сейчас, при виде вооружённых и незнакомых ему людей, бесцеремонно шарящихся в его квартире, растерялся и позабыл своего закавыку Кривцова.

— Жаль! Ну, что ж собирайтесь, с нами поедете! — выдавил из себя опер.

— Так мне хоть переодеться-то позволите? — нерешительно сказал Тарубаров.

— Нет необходимости. Там вас переодедут! — пренебрежительно ответил ему опер.

Среди ночи полураздетого, немолодого уже человека увезли в неизвестном ему направлении. В тёмном кабинете, направив яркий свет от настольной лампы в глаза Тарубарову, оперативник снова задал ему почти тот же вопрос:

— Ну, так что, Кривцова из Челябинска знаете?

Тарубаров загородил рукой свет лампы, попросил закурить, немного пришел в себя:

— Так наш Толька Кривцов сегодня... нет, наверное, уже вчера самолёт в Челябинск погнался.

Оперативник подал Тарубарову телеграмму. Тот быстро пробежал глазами по тексту, потом помедленнее, вдумываясь в смысл каждого слова. Прочитал ещё раз и захохотал:

— Ха-ха-ха! Ну, конечно, это Кривцов снова меня подкалывает, мерзавец!

Слово «мерзавец» Тарубаров употребил уже как ласкательное и подробно рассказал оперу свой памятный полёт под началом Кривцова.

Оперативник тут же приказал связаться с Челябинском и разобраться с произошедшим. Связались. Выяснили, что в Челябинске всё спокойно и никакого поворота нет. Телеграфистка, передавшая телеграмму, во всём чистосердечно созналась.

Когда результаты проверок сообщили из Челябинска, опер сконфуженно почесал затылок и, сморщившись, сказал Тарубарову:

— Разобрались! Там всё спокойно. А друга своего при встрече попросите, чтобы больше он так не шутил! Полстраны на ноги подняли, в Москве знают... — и, немного помолчав, добавил, — приношу свои извинения за беспокойство. Вы свободны, можете идти домой!

— А домой как добираться, машину дадите? — спросил совсем осмелевший Тарубаров.

— Пешком дойдёте, тут недалеко, — ответил опер.

— Мне показалось, далеко укатили. Всё же хорошо, что сегодня на дворе не тридцать шестой год, — улыбнувшись, произнёс с издёвкой Тарубаров.

Опер, плотно сжав губы, согласно покивал головой.

Выйдя на улицу, Виктор Васильевич увидел, что на востоке из-за домов поднималось солнце. Утро было по-южному морозное. Тарубаров зажмурился и, зевнув, потянулся.

— Вот мерзавец! Всю ночь перебалал, поспать не дал. Ох и мерзавец! — ещё раз ругнул он друга и, поёживаясь, быстро зашагал в сторону дома.

Кривцов в это время сладко спал на гостиничной койке в далёком Челябинске и тихо, с присвистом, похрапывал. Только на этот раз его шутка гладко не прошла. Его строго наказали в дисциплинарном порядке его командиры, потревоженные в ту памятную ночь.

Постепенно страсти вокруг телеграммы улеглись. Призабыл о ней и Кривцов, но шутить, как прежде, побаивался. Но не успокаивалось окружение Кривцова, которое жаждало чего-то новенького, хотело чьей-то «крови». Теперь все проделки в полку, которые хотя бы чуть-чуть были похожи на прежние кривцовские, тут же ему и приписывались.

Тарубаров про телеграмму не забыл, но вспоминал о ней теперь редко. У Виктора Васильевича были иные заботы: он из Кировского (по сути деревни, где размещался гарнизон и жили все его предшественники), переехал на жительство в Феодосию. Этот славный крымский город был знаменит тем, что в нём проживали раньше великие люди: всемирно известный художник-маринист Айвазовский, писатель-романтик Александр Грин.

Правда, переехал Тарубаров не совсем в Феодосию, а в посёлок городского типа Приморский, лежащий в двух десятках километров от славного града и являющийся одной из его составных частей. Растянулся он вдоль восточного черноморского побережья Крыма и славился песчаными пляжами.

И всё бы ничего, но на службу Виктор Васильевич теперь вынужден был ежедневно ездить на собственном автомобиле. Это было очень неудобно и Тарубарова не устраивало. Ежедневно ему предстояло преодолевать неблизкий путь, тратить почти час, чтобы добраться до места службы, и столько же — обратно, не считая всех «подводных камней», сопутствующих его поездкам. Деятельная натура Виктора Васильевича искала выход из создавшегося положения.

«Надо где-то «срезать» дорогу», — постоянно думал Тарубаров. Особенно остро этот вопрос вставал, когда он

опаздывал на службу по тем или иным причинам. «Как «срезать» клин, образованный железной дорогой, идущей от Владиславовки на Феодосию?» — забивал он в себя свой собственный клин.

Однажды подумав об этом, в дальнейшем Виктор Васильевич уже не мог отмахнуться от этой мысли. И задумавшись целью, начал реализовывать свой план. На очередные полёты на боевую подготовку запланировал себе полёт по маршруту, который проложил через нужную ему местность. Обследовал с воздуха путь желаемого движения по земле на машине.

«Кажется, что-то наклюнулось», — отметил он про себя, сделав несколько кругов в заданном районе, и губы его непроизвольно растянулись в блаженной улыбке.

В выходной день Тарубаров покати на своей «волжанке» по разведанному с воздуха пути. Эта дорога оказалась километром на десять короче той, что шла от Феодосии в сторону Кировского и далее — на Джанкой вдоль северо-крымского канала. Дорога была значительно короче асфальтной, идущей туда же через Журавки. Но мешала всё та же железная дорога.

«Как же её перескочить?» — думал Виктор Васильевич, сожалея не первый раз в жизни о том, что держит в руках баранку машины, а не штурвал самолёта. Передвигаясь вдоль железной дороги, он выискивал хоть какую-нибудь зацепочку. «А может, вот через эту арку?» — подумал он, увидев под железной дорогой какую-то железобетонную дыру. Остановился, вышел из машины, подошёл к арке. Это был водоотводной канал под железнодорожным полотном.

«Машина, пожалуй, здесь пройдёт», — подумал он. Промерил ширину арки шагами с одной стороны, затем — с другой. Промерами остался очень доволен.

«Пройдёт! Только дно подчистить надо», — удовлетворённо подумал Тарубаров и, достав из багажника машины лопату, срубил торчащие кое-где остряки и шишки, подровнял немного дно канала. После этого сел в машину, медленно въехал в это железобетонное сооружение. Остановился и, опустив стёкла, промерил на глаз расстояния между машиной и стенами арки.

— Сантиметров по десять будет. Нор-

мально! — сказал он сам себе и, газанув, проехал через весь канал. Выехал на другую сторону железки, затем на трассу и пулей промчался до аэродрома. Обратный возвращался тем же путём. В душе всё ликовало, Виктор Васильевич был доволен открытием и собой. Улыбаясь, насвистывал весёлую мелодию.

После выходных дней, во время завтрака в лётной столовой, Тарубаров рассказал сидевшим вокруг него лётчикам о своём удачном открытии. По окончании рабочего дня ему необходимо было возвращаться домой по старой трассе. Ехал с таким чувством сожаления, словно изменял любимой женщине. На следующее утро не ехать по своей дорожке он уже не мог.

«Вроде ничего не изменилось, всё то же. Но отчего такое волнение?», — предчувствуя неладное, думал он. Свернув с наезженной грунтовой дороги в арку, уже въехал в неё передними колёсами... И тут его словно электрическим током садануло, да так, что из глаз только искры не полетели. Виктор Васильевич чуть не врезался передним бампером машины в бетонную стену арки, едва успел затормозить. Отдышался, посмотрел через лобовое стекло вверх и обалдел. «Добро пожаловать в Туннель Тарубарова!» — прочитал он крупную надпись над верхним обрезом арки.

— Вот изверг! Дрон ушастый! — выругался Тарубаров. — Ну, я ему сегодня покажу! — свирепо пригрозил он, думая, что это новая проделка Кривцова.

Проехал под железкой, остановился и, выйдя из машины, увидел, что и с другой стороны арки красовалась точно такая же надпись.

Зарывав как медведь, бросился Виктор Васильевич на ставшую враз ненавистной бетонную стену. Схватил с земли крупный камень, начал стучать им по надписи, пытаясь соскоблить. Буквы не стирались. Тогда Тарубаров загрёб из находившейся неподалеку лужи пригоршню грязи. Замазал ей белые надписи с обеих сторон. Вымыл руки в той же луже и поехал на службу. Увидев Кривцова, Тарубаров с кулаками бросился на него.

— Ты что, Витюля? — изумлённо выпучил глаза Кривцов. — Какая муха сегодня тебя укусила?

Тарубаров, задыхаясь от ярости, выпалил всё, что накопилось за многие годы. Затем, немного остыв, сбивчиво рассказал, что с ним произошло. Слушавшая друга, Кривцов, как никогда, оставался серьёзным и спокойным — даже не улыбнулся. Последнее быстро успокоило Виктора Васильевича.

— Нет, Витюля, это не моя работа, — обескураживающее ответил Кривцов.

— Не понял! — с сомнением пробашил Тарубаров.

— А что непонятного? Я в тёмную не играю. Ты же знаешь, когда я депеши шлю, всегда подписываюсь: «Кривцов». Тут подписи нет, значит, не моя работа.

Зноблящий «Норд-Вест»

Историю, подобную рассказываемой, поведал мне когда-то мой бывший сослуживец и однополчанин, штурман-испытатель полковник Мисюра Григорий Петрович, художественный образ которого присутствует в этом рассказе.

Когда Тарубаров уже летал ведущим лётчиком-испытателем на испытаниях нового четырёхмоторного дальнего самолёта-ретранслятора, способного вести связь с атомными ракетными подводными лодками, находящимися в подводном состоянии, друзьям пришлось «шлифовать своё мастерство на «мелкой шкурке» при проведении очень серьёзных и ответственных работ в Арктике, в условиях Крайнего Севера. Летали с одного из военных северо-западных аэродромов страны. Командиром экипажа был назначен Тарубаров, Кривцов — вторым пилотом. С самого начала командировки работа как-то не шла. Представители промышленности и «наука» колдовали над испытываемым оборудованием, что-то по ходу переделывали, перестраивали, перепайвали. В результате аппаратура стала работать, как надо, и дело пошло к завершению. Готовясь к очередному длительному полёту, Тарубаров спросил у ведущего инженера: «Ну что, привозим сегодня положительные результаты и чемоданы паковать начинаем, домой собираемся?»

— Ну, если уж совсем всё будет хорошо, тогда, наверное, — уклончиво и неоднозначно ответил руководитель испытательной бригады.

— Понятно, — с некоторой грустинкой в голосе ответил Тарубаров.

...Взлетели в точно установленное время. Набрали заданную высоту и, войдя в акваторию Баренцева моря, выпустили многокилометровую тросовую антенну, начали работать.

— Так и летим до самой маковки земного шара? — по внутренней связи спросил Тарубаров у штурмана экипажа.

— Пока да, до Земли Франца Иосифа, а там как скажут, — ответил за штурмана оператор дальней связи.

— Словом, вдоль госграницы между тридцатым и сороковым меридианами, — уточнил штурман Мисюра Григорий Петрович.

— Витюля, ты обратил внимание: у нас дома на базарчике в военном городке бабульки уже черешню со своих огородов продают, а тут льдины плавают, — поглядывая вниз, с деланным удивлением прокомментировал виды под крылом Кривцов.

— Да уж, — ответил Тарубаров, — и день здесь почти круглые сутки, как следует не высыпаюсь.

— Командиры, не отвлекайтесь по пустякам. На траверсе справа от нас Земля Франца Иосифа, слева — Шпицберген! — доложил штурман.

Оба пилота, как по команде, поверну-

ли головы каждый в свою сторону. И после некоторой паузы почти одновременно сказали, что ничего не видят, что напоминало бы им хоть какую-то землю.

— До земли более двухсот вёрст в ту и другую сторону, поэтому ничего и не видите. Хотя и земля-то здесь мало чем отличается от того, над чем пролетаем, — ответил штурман, которому раньше многократно приходилось летать в этих местах.

— Северный «уступчик» нашей госграницы проходим, — через некоторое время вновь подал голос штурман.

— Приказано влево «крутить» на сорок пять градусов! — передал полученную команду оператор дальней связи.

— Исполняю! — ответил Кривцов, пилотирующий в это время самолёт.

— Госграницу пересекаем! — сообщил Мисюра, — Андреич, крылышками помахать трэба, — перейдя на украинское наречие, продолжал подсказывать штурман, что нужно делать в настоящий момент.

— Поняв, сполняю! — подражая штурману, сказал Кривцов.

Прилагая значительные усилия, начал крутить штурвал то в одну, то в другую сторону. Тарубаров, увидя затруднения в делах своего друга, начал помогать ему.

— Командиры, из-за «бугра» со стороны Шпицбергена в нашу сторону борт идёт, наверняка по нашу душу, — доложил штурман.

— Следят, гады! — меланхолично отреагировал Тарубаров на его слова и командирским голосом подал команду по внутренней связи: «Экипаж, усилить осмотрительность!»

— Вижу точку на горизонте, — сообщил Кривцов, первым увидевший летящий навстречу самолёт, и указательным пальцем показал в его направлении.

— Я тоже вижу! — сообщил через некоторое время и Тарубаров. — Связь, сообщи на землю нашим о возможной встрече с супостатом. Спроси, антенну убрать?»

— Понял, исполняю! — ответил оператор дальней связи и через некоторое время сообщил принятую и расшифрованную радиограмму: «Работу по плану прекратить. Следовать в квадрат «XL», провести воздушную разведку. Основные объекты сфотографировать бортовыми аэрофотокамерами, средним и крупным планом».

— Ни-че-го-о себе, — с растяжкой слов вырвалось у Кривцова.

— Гриша, это где? — следом за Кривцовым подал голос и Тарубаров.

— Почти что в месте пересечения нулевого меридиана с восьмидесятой широтой. Чуть ближе в нашу сторону, около сорока минут лёта, — ответил штурман.

Тарубаров взял в руки полётную карту и долго рассматривал её, после чего

уточнил у штурмана: «Между Шпицбергом и Гренландией?».

— Ничего себе! — повторился Кривцов в более быстром темпе и без явного удивления, после чего показал пальцем в сторону летящего навстречу и уже хорошо просматривающегося силуэта самолёта.

— «Орион» ВМС США! — всмотревшись в силуэт приближавшегося навстречу самолёта, предположил Тарубаров. — Связь, антенну убрали? — уточнил он.

— Смотрели! — доложил оператор.

— Вниз пошёл и в нашу сторону крутит! — доложил Кривцов.

— Да наверняка в кильватер к нам пристроится и будет топтать за нами, как бычок на верёвочке, до тех пор пока мы в свою сторону не направимся, — согласился с мнением правого лётчика командир экипажа. — Корма, во все глаза смотреть, спите, наверное, там без работы?! — построжил он над невидимыми ему членами экипажа.

— Ни в коем разе, бдим, как никогда, — сообщил за себя и за командира огневой установки бортрадист. — Лётчики — оба негры. По всему видно, злые, как собаки, — вновь подал голос радист, когда «Орион» приблизился на близкое расстояние.

— О-о! Да он подныривать под нас собирается! — с удивлением вновь сообщили из кормы.

— Наше оборудование дальней связи интересует его, — высказал предположение Кривцов.

— Наверняка! — согласился Тарубаров. — Кириллыч, как у тебя сегодня насчёт керосина? — тут же спросил он у бортиинженера майора Одинокова Петра Кирилловича.

— На восемь часов полёта ещё имеется! — доложил майор.

— Наверняка ещё тонн восемь в загорелке есть? Я ведь чувствовал это — самолёт от полосы отрываться не хотел, когда взлетали, — лукаво уточнил Тарубаров у Одинокова.

— Ну, не без того, — с явной иронией ответил бортиинженер.

— Кириллыч, помой-ка мордочки негритосикам. Включи кратковременно аварийный слив топлива. А то ведь они нам ничего сделать не дадут. Слышал, что корма докладывает — «злые как собаки», — как бы шутя, приказал Тарубаров Одинокovu.

— Витюля, ты офонарел? Летим почти над Северным Полюсом, обратно ещё топтать да топтать, а ты керосин сливать! Ты что? — начал возражать командиру экипажа правый лётчик.

— Андреич, что ты паникуешь? Мы, считай, уже у цели. Ну, покругим там чуток — и домой. Под горку наш Боливар и так нас доведёт, без керосина. К тому же, сам слышал, топлива хватает ещё туда и обратно слетать. В загорелке у Петра Кирилловича на целый час

ещё, а то и поболее. Не паникуй, Андреич, — явно подтрунивая, успокаивал друга Тарубаров.

— Шлейф белого дыма из-под крыльев пошёл... «Орион» вниз и влево шархнул, явно испугался голубчик. Смотрите, сейчас где-нибудь у вас вынырнет. Шлейф прекратился! — доложили из кормы.

— Хорошо! — пробасил Тарубаров. — Кириллыч, сколько «выплюнул»?

— Около пятисот литров ушло! — доложил бортинженер.

— Ну и прекрасно, — улынувшись, подмигнул Кривцову Тарубаров и повернул голову влево. — О-о! Явились, не запыхались, чуток умылись, — произнёс он, увидев напротив себя американский самолёт. Правый пилот, глядя на Тарубарова и ругаясь, крутил пальцем руки у виска, а левой показывал кулак.

— Ой, как страшно, — передразнил американца Тарубаров. — А как ты хотел, зачем под хвост лезешь? Я ведь и лягнуть могу! Не по-гусарски это, не по-гусарски! Или у вас, ковбоев, так можно? Ну, вот и молодца, давно бы так, — видя, что сопровождающие начали отходить влево на безопасное расстояние, похвалил он американцев, которые к тому же начали отставать.

— Командир, по курсу на удалении ста километров, куда мы путь держим, на воде вижу большое скопление целей. Наверное, корабли, эскадра кораблей, возможно и больше, — сообщил штурман.

— Экипаж, приступаем к снижению! — подал команду Тарубаров и, прибрав газы двигателей, знаком руки показал Кривцову, всё ещё пилотирувавшему самолёт, о начале снижения. Тот начал перемещать штурвал управления самолётом от себя. Трудно поддающийся управлению огромный и тяжёлый самолёт медленно начал менять своё положение в воздушном пространстве, стрелки указателя высоты побежали в обратную сторону.

— Снижаемся до трёх тысяч метров, выходим на цель, делаем её облёт, фотографируем и уходим обратно, домой уходим! — сообщил Тарубаров по внутренней связи Кривцову и остальным членам экипажа принятое решение.

— Твои бы слова да богу в уши, — иронически ответил Кривцов, — в «окошко» выгляни!

Тарубаров повернул голову в левую сторону и с удивлением воскликнул: «Чижи!» Два штуки!». Чижами он называл все малогабаритные самолёты, в том числе и военные самолёты-истребители.

— С моей стороны тоже два штуки, — передразнил друга Кривцов.

Снизившись до трёх тысяч метров, Тарубаров взял пилотирование и управление самолётом в свои руки. Кривцов теперь уже помогал ему. Пилотируя, Тарубаров то и дело поглядывал на американцев, вернее, на их манёвры вслед за своими действиями.

На удалении десяти километров до

цели американские истребители перестроились, несколько приотстали и отошли в сторону. После чего по одному с каждой стороны нырнули под крыло тарубаровского самолёта, закрыв собою объективы фотокамер. Оставшиеся следовали за «бомбёром» на уровне концевых кромок его крыла и, видимо, своими подсказками и командами помогали пилотированию самолётов, закрывавших фотообъективы.

— Сфотографировали? — продолжал язвить по поводу планов Тарубарова Кривцов. — Губки раскатал! Так они тебя здесь только и ждали, позировать перед твоими объективами приготовились.

— Армада целая и авианосцы среди них есть, два во-о-он, — не слушая Кривцова, комментировал вслух открывшуюся перед глазами панораму Тарубаров. — Куда это они лыжи навострили, к нам что ли?

— К нам не к нам, а дорогу перекрыли. Никто теперь сюда и носа не покажет. И не то что по морю, но и по воздуху. Кто осмелится против такой силы? — ответил ему Кривцов.

Как только самолёт Тарубарова пролетел над кораблями, истребители нырнули вниз и разошлись в разные стороны.

— Ну уж нет, не на того нарвались, — пробасил Тарубаров, — проверим вас на шивовость. Экипаж, приготовиться к посадке! — громко объявил он по внутренней связи.

— Витюля, ты что, на льдину намерен нас примостить? — вполне серьёзно спросил Кривцов.

— Не на льдину, а на полётную палубу американского ударного авианосца, — также вполне серьёзно пояснил Тарубаров. — Штурман, давай расчёт на посадку!

— Понял! — отозвался штурман. — Поехали вправо, первый разворот!

— Выпустить закрылки на пятнадцать градусов! — распорядился Тарубаров после выполнения второго разворота, когда самолёт лёг на обратный курс посадочному.

— Закрылки на пятнадцать градусов выпущены! — доложил бортинженер.

— Выпустить шасси! — распорядился Тарубаров.

— Шасси выпущены, зелёные лампы горят, — вновь доложил выполнение командирской команды Одинок.

— Поехали вправо, третий и четвёртый сразу! — подал команду штурман. — Выходим на посадочный курс!

Выровняв самолёт, Тарубаров теперь уже словно по привычке посмотрел влево от себя.

— «Чижи» на своём месте, — сообщил он увиденное. — Выпустить закрылки на двадцать пять градусов — вновь распорядился он.

— Закрылки на двадцать пять градусов выпущены! — доложил бортинженер.

— Гасим скорость полёта и снижаемся! Штурман, комментируй высоту и

скорость полёта! Корма, следите за «чижами», когда уйдут, сообщите! — вновь распорядился он.

— Высота восьмьсот метров, скорость в норме, — начал выполнять командирское указание штурман, — высота шестьсот метров, четыреста, триста, двести, сто...

— Командир, «чижи» ушли! — закричал из кормы командир огневой установки.

— Хорошо-о-о, — медленно и нарастающе произнёс в ответ стрелку Тарубаров и потянул на себя штурвал. — Гриша, снимай, фотографируй их, гадов! — войдя в азарт, закричал Тарубаров.

Вторично пролетев над американскими кораблями, Тарубаров с облегчением выпустил из себя задерживаемый на выдохе воздух.

— Фу-у-у, слабаки америкашки, ниже ста метров летать над водой боятся. А мы «барашек» на морской волне постричь могём, на бреющем! Так, Андреич?!

— Так, так... — недовольно и ворчливо ответил Кривцов. — Тебе только дай волю!

— Командир, посмотри влево! — сообщили из кормы.

Тарубаров посмотрел: напротив него, на близком расстоянии, опять стояли, теперь уже три «чижа». Ведущий, на сей раз белый лётчик, поприветствовал его. На что Тарубаров взаимно ответил кивком головы. После чего американец, вильнув рукой, показал оттопыренный вверх большой палец своей руки.

— Хвалит тебя, Витюля, за твои манёвры, — пояснил Кривцов.

Американец же, словно слыша переговоры в самолёте Тарубарова, начал быстро шевелить указательным пальцем.

— Спрашивает тебя: «Всё сфотографировал?» — вновь пояснил движения американца Кривцов. В ответ Тарубаров согласно и важно качнул головой. И показал американцу оттопыренный вверх большой палец руки. После этого американец начал махать рукой, словно приглашал в гости Тарубарова, изредка показывая и свой, оттопыренный вверх указательный палец.

— Предлагает ещё один проходик над ними сделать, — вновь перевёл просьбу американца Кривцов. Тарубаров в ответ с сожалением отрицательно покачал головой. Затем показал ему свои командирские часы и, постучав по циферблату пальцем, стукнул тыльной стороной ладони левой руки себя по шее и, сложив лодочкой обе руки, приложил их к правому уху. На что американец бурно отреагировал: запрыгал на кресле самолёта, многократно пощёлкал пальцем себя по горлу и, расплывшись в улыбке, прощаясь, по-дружески помахал рукой. Отдав честь, положил самолёт на левое крыло. Действие ведущего повторили и остальные два самолёта. Пролетев так какое-то время, круто взяли влево и, перевернувшись через крыло, ушли вниз.

— Напоследок вооружением своим

похвастались, нас с тобой припугнули. На этот раз дружеский жест по-американски, — прокомментировал сам Тарубаров.

Обратная дорога, вопреки ожиданиям, казалась очень долгой. Время тянулось мучительно медленно, переговоры между членами экипажа происходили только по сугубо производственным вопросам. И только после пересечения государственной границы все снова «зачирикали», как сибирские воробьи при первых лучиках весеннего солнышка после тягуче-холодной и голодной зимы. Первым нарушил долгое молчание Кривцов.

— Витюля, скажи честно, что ты почувствовал, когда увидел всё это? — спросил он.

Что именно «это», Кривцов не уточнил, но и без того всем было предельно ясно, что именно он имел в виду.

— Честно? Через всё моё нутро прошёл холод и озноб. Я чувствовал себя так, словно стою один, со всех сторон окружённый стаей голодных и хищных волков, клацающих зубами. При этом у меня в руках даже палки не было, — ответил Тарубаров.

— Да... Норд-Вест знобит до костей и душу в ниточку вытягивает! И всё же нос ты им утёр здорово! Мне думается, им и во сне не снилась такая наглость с нашей стороны. Очухались они лишь после того, когда мы своё дело уже сделали. Очухались и поняли, что мы их облапошили, как слепых котят, — высказался Кривцов.

— Видимо, — согласился с ним Тарубаров. — Не пойму только, зачем они своих гонцов нам вослед отправили?

— Я не думаю, что только для того, чтобы раскланяться перед тобой. Наверняка хотели расквитаться за свой промах. Пакость какую-нибудь подстроили бы, если бы ты клюнул на их наживку, решил сделать ещё один проходик над ними, по их предложению, — ответил Кривцов.

— Да-а, — согласился Тарубаров, — вплоть до того, что утопили бы нас. На эти дела они мастера. Одним словом — ковбои!

— Витюля, а что ты просигналил напоследок америкашке? — не унимался Кривцов.

— Когда он пригласил сделать ещё один проходик над ними, я ответил, что у меня нет больше времени. Показал ему свои часы, постучал по ним. Потом попытался пояснить ему, что у нас дома все нормальные люди уже отужинали и легли спать, а мы всё летаем, — ответил Тарубаров.

— Мне думается, Витюля, что америкашка неправильно тебя понял. Он подумал, что тебе пора остограться и в люлю спать ложиться. Поэтому он и запрыгал как карась на сковородке в своей кабине, по горлу себя защёлкал, — закончил свою мысль Кривцов.

— Наверное, — согласился с другом Тарубаров, после чего они весело засмеялись.

Русские всполохи

Главы из новой книги

Не так давно (в 2014-м и 2018 годах) по нашей стране прокатились столетние юбилеи: начало Первой мировой войны, затем её окончание. Следом пришли и 100-летние юбилеи начала (в 2020 году) и окончания (в 2021/2022 годах) гражданской войны в молодой Советской России, которые разделили русское государство и воинство на два враждующих между собой военных лагеря: красное русское воинство и белое русское воинство.

В советское время красные — героизировались, белые — демонизировались: «Белая армия, чёрный барон снова готовят нам царский трон. Но от Москвы до британских морей Красная Армия всех сильнее», — так пелось в песне моего пионерского детства.

В конце 1970 годов, начале 1980-х, когда стали считать, что гражданская война — это слишком далёкое, невозвратное наше прошлое, начался постепенный и робкий пересмотр (как думалось, закаменелых и устаревших) наших идеалов, в основном в среде молодой советской поросли, в том числе и в армии, в среде молодого офицерства, которое в своих компаниях начало называть себя господами офицерами. В это же время кое-кто из популярных наших эстрадных певцов начал исполнять песни, в которых упоминались господа офицеры, восхвалялись их доблесть и благородство: «Поручик Голицын — раздайте патроны. Корнет Оболенский — налейте вина», — слёзно выдавливал из себя Александр Малинин.

Я же в то время, прослуживший первое офицерское десятилетие, учившийся в военной академии и по своему социальному происхождению всегда считавший себя рабоче-крестьянского рода и племени, как-то не воспринимал грядущую перспективу перемены своего мировоззрения. Мне не нравилось, когда кто-то из моих знакомых, молодых офицеров, в то время обращался ко мне таким образом в компании с другими. Тогда же написал четверостишие: «Поручик Голицын был господин, корнет Оболенский — тоже. Но мы-то здесь — быдло все, как один, суконные наши рожи» и поместил его в стенгазете в вестибюле нашего офицерского общежития. Грубовато, конечно, я выразился тогда в этом стихе. Но, по сути, все поняли меня правильно.

После августовских событий 1991 года история нашей страны «поехала» в обратную сторону, идеологические паритеты между красными и белыми поменялись своими местами. О красных (товарищах офицерах) нигде и ничего упоминать не стали. Песня «Господа офицеры», теперь уже Олега Газманова, стала, вероятно, гимном русского офицерства нынешнего време-

ни. Её исполняют в обязательном порядке на всех официальных и представительных мероприятиях Министерства обороны и Министерства внутренних дел РФ, при этом все военные (в том числе и седовласые генералы) торжественно встают со своих мест.

Мне эта песня и этот жест не нравятся, поскольку в этом мне видится какое-то унижение красного офицерства (к категории которых я отношу и себя), которые за свой не столь продолжительный срок существования имеют перед Родиной — Россией, не меньшие заслуги, чем белое офицерство. Вероятно, так думаю не только я один, но и многие другие, поскольку такая позиция в последнее время (теперь уже) становится популярной в Интернете. В 2019 году было опубликовано стихотворение «Товарищ офицер», автором которого является Владимир Шаров, полковник МЧС из Подмоскovie. Стихотворение было встречено на ура, активно распространялось и имело очень много откликов в Интернете:

*«Век фарисеев, лицемеров —
готовых всё и вся продать.
Вдруг «господами» офицеров
все почему-то стали звать.
Возникнет в миг в мозгу картина:
балы, красоты, менюэт.
Но за душой у «господина»
усадьбы иль поместья нет!».*

Сто лет минуло с тех пор, когда русское офицерство было разделено на красных и белых, можно ли сказать, наконец, что и те, и другие — наши? Не знаю! Встал бы маршал Жуков Г.К. в одном строю рядом с генералом Корниловым Л.Г. или нет? Не знаю! Вероятнее всего, рядом друг с другом, в одном строю, они никогда и ни за что бы не встали. Но ведь они же оба — наши, русские — Герои и Патриоты России! Но у каждого из них были свои идеалы, несовместимые друг с другом. Оттого и решился я попробовать непредвзято рассмотреть и рассказать в этой книге о тех и других.

Получится это у меня или нет, судить Вам, мой уважаемый читатель!

25 октября (07 ноября) 1917 года в 14 часов 35 минут в Петрограде открылось экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Ещё предстоял штурм Зимнего дворца — последнего убежища Временного правительства, а вождь пролетарской революции В.И. Ленин уже провозгласил на всю ПЛАНЕТУ о том, что «рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!» — так сказано на 96-й странице книги «Военная история»: Военное издательство, Москва, 1984 г.

Сегодня, спустя столетие с момента рождения этой широко известной и крылатой фразы, мне думается, что для политиков, видимо, характерно говорить о желаемом в данный момент и во-

обще, как о свершившемся и непоколебимом уже факте. Хотя, как показала жизнь и ход дальнейших событий истории, до окончательной и более-менее укоренившейся в нашей стране и, прежде всего, в сознании нашего народа победы пролетарской революции пройдёт ещё очень и очень много времени. И какого времени, очень жестокого и кровавого.

К тому же торжество пролетарской революции продлилось всего лишь каких-то 70 лет, а это так мало в сравнении с историей жизни людей на нашей планете, в том числе и в нашем государстве.

Свои исследования в обозначенном направлении хочется начать с более-менее детальной историко-биографической информации о главных фигурантах российской власти и российского самодержавия того времени. Прежде всего, конечно, с российского монарха и самодержца: царя, главу Русского государства, Императора Российской Империи — Романова Николая Александровича — Николая II, как чаще всего называют его в исторических упоминаниях о нём. Николай II — последний российский император, вошедший в историю государства Российского, прежде всего, как самый слабый и вольный царь. По мнению отдельных историков и очевидцев, управление страной и армией для монарха являлось «тяжёлой обузой». Тем не менее, Николай II внёс определённый, возможно, и немалый вклад в промышленно-экономическое развитие России. Несмотря на то, что в стране в годы его царствования активно наращивалось революционное движение и усложнялась внешнеполитическая ситуация и обстановка во всём мире.

В современной истории Николай II часто упоминается противоречивыми друг другу эпитетами: «Николай Кровавый» и «Николай Мученик», так как и оценки деятельности царя, и оценки его характера также неоднозначны и противоречивы.

Николай II Александрович

Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский и т.д. Из императорского дома Романовых. Полковник гвардии (1892 г.). Кроме того, от британских монархов имел звания адмирала флота Королевского ВМФ Великобритании (28 мая [10 июня] 1908 года) и фельдмаршала британской армии (18 [31] декабря 1915 года) (по данным взятым из Википедии).

Родился 6 (18) мая 1868 года в Царском селе Российской Империи в семье русского Императора Александра III и Императрицы Марии Фёдоровны, был старшим сыном и единственным объявленным наследником Российского престола. С ранних лет его учили главному делу всей жизни.

Детство Николая прошло в стенах Гатчинского дворца под неустанным наблюдением и руководством отца Александра III, который воспитывал своих детей в традиционном религиозном духе. Отец разрешал поиграть и пошалить детям в меру, при этом не любил проявление лени, прежде всего в учёбе, жёстко пресекал всякие неподобающие мысли сыновей о будущем престоле.

В восьмилетнем возрасте цесаревич начал получать общее образование в домашних условиях. Его обучение велось в рамках общегимназического курса. Как отмечали учителя будущего русского монарха, и как осталось в истории, особого рвения и стремления в учёбе будущий российский царь не проявлял, за исключением изучения иностранных языков. Поэтому помимо английского он в совершенстве изучил и овладел французским, немецким и датским языками.

Страстью будущего царя было военное дело: в пять лет он стал шефом лейб-гвардии Александра III резервного пехотного полка и с удовольствием осваивал военную географию, правоведение и стратегию. Лекции будущему монарху читали учёные с мировыми именами, которых лично подбирали для сына отец Александр III и мать Мария Фёдоровна.

После восьми лет обучения Николая Александровича по общей гимназической программе ему начали преподавать высшие науки, необходимые для будущего государственного деятеля (по мнению его отца), входившие в курс экономического отделения юридического факультета университета.

В 1884 году, по достижении совершеннолетия, Николай II принёс присягу в Зимнем дворце, после чего поступил на действительную военную службу, а через три года приступил к регулярной военной службе, ему было присвоено воинское звание полковника.

Отдаваясь военной службе, будущий царь сравнительно легко адаптировался к неудобствам армейской жизни, без проблем переносил тяготы службы в армии.

Первое знакомство с государственными делами у Николая II состоялось в 1889 году, когда по приглашению отца он начал присутствовать на заседаниях Госсовета и Кабинета министров, на которых отец вводил его в курс дела и делился опытом, как нужно управлять страной.

В этот же период отец принял решение о строительстве Транссибирской железной дороги, шефом и куратором её строительства он назначил своего старшего сына и наследника Российского престола. На этой Российской стройке века было запланировано начало работ одновременно с двух сторон (от станции Миасс Уральской железной дороги и станции Владивосток),

Для открытия строительства железной дороги от станции Владивосток Александр III отправил туда из Черноморского военно-морского порта старших сыновей — Николая и Георгия (в основном, конечно, Николая) на военном корабле «Гордость Азова».

За девять месяцев царевичи объехали по морю Грецию, где взяли на борт корабля греческого королевича Георгия, своего двоюродного брата, Египет, Индию, Японию, Китай.

Георгий Александрович в походе по неосторожности упал в корабельный трюм. К тому же, ещё до начала морского перехода, он уже болел пневмонией. После падения в трюм болезнь его обострилась. По приказу отца Георгий был снят с «Гордости Азова» и отправлен на лечение в высокогорный буддийский монастырь, где и скончался через несколько лет.

В Японии на Николая Александровича было совершено покушение, его едва не зарубил один из японских самураев. Но всё обошлось лёгкими травмами на голове цесаревича (на рану наложили несколько медицинских швов).

Выполнив свою историческую миссию во Владивостоке, заложив золотое звено Транссибирской железной дороги, с Дальнего Востока по суше, через всю Сибирь, цесаревич вернулся в российскую столицу.

В 1894 году, после смерти Александра III, Николай II вступил на Российский престол.

В первой своей речи в качестве русского монарха он пообещал охранять самодержавие также твёрдо, неукоснительно, как и его покойный родитель.

Коронация Николая II, как Самодержца Российского, состоялась в 1896 году в Москве. Эти торжественные мероприятия ознаменовались трагическими событиями на Ходыньском поле, где во время раздачи царских подарков и милостей произошли массовые беспорядки и давка. В результате погибли более тысячи человек.

Из-за массовой гибели людей пришедший к власти монарх хотел отменить вечерний бал, посвящённый его восшествию на Российский престол, но чтобы не омрачать праздничную коронацию, не стал отменять намеченный бал. Эти события образованное и прогрессивное российское общество, в том числе и политические противники Николая II, восприняли как царский вызов, что явилось закладкой фундамента в создание освободительного движения в России от царя кровавого, царя-диктатора. Возможно, что именно на фоне этого в дальнейшей своей деятельности Российский император вёл жёсткую внутреннюю политику, согласно которой жёстко преследовалось любое инакомыслие среди подданных царя, среди его народа.

В первые годы царствования Николая II в России была проведена перепись населения, осуществлена денежная реформа, установившая Золотой стандарт рубля. Золотой рубль Николая II приравнялся к 0,77 граммам

чистого золота и был вполниту тяжелее немецкой марки, но в два раза легче американского доллара по курсу международных валют.

В этот же период, после революции 1905 года, в аграрной России были проведены: «стольпинские» аграрные реформы, введено фабричное законодательство, принято несколько законов об обязательном страховании рабочих и всеобщем начальном образовании, а также отменён налоговый сбор с земледельцев польского происхождения, отменена такая мера наказания, как «ссылка в Сибирь».

В Российской империи во времена правления Николая II пошла масштабная индустриализация, повысились темпы сельскохозяйственного производства, стартовала добыча каменного угля и нефти. При этом благодаря последнему русскому царю удалось построить в России 70 тысяч километров железных дорог.

Царствование Николая II во второй половине его правления страной (руководил страной он 23 года) проходило в условиях и в годы обострения внутриполитической жизни в стране (всеобщего недовольства большого числа населения), во времена довольно сложной международной обстановки вокруг России. При этом на первом месте у Николая II стояло дальневосточное направление. Основным препятствием к преобладанию России на Дальнем Востоке являлась Япония, которая в 1904 году без предупреждения о начале боевых действий напала на русскую эскадру в дальневосточном российском портовом городе Порт-Артур. Фактически в связи с бездействием русского руководства и командования Дальневосточной русской военной группировки Япония нанесла поражение русской Дальневосточной армии.

В результате поражения в Русско-Японской войне России пришлось пе-

редать Японии южную часть острова Сахалин и право на Ляодунский полуостров. Япония захватила почти всю Манчжурию.

После этих исторических событий Николай II в значительной степени потерял авторитет в среде думающей интеллигенции и в правящих кругах страны. Ненавистники Николая II начали обвинять его не только в военных поражениях, но и в связях с Григорием Распутинским, являвшимся неофициальным

советником царя (особенно царицы, в течение 12 лет), но в столичном обществе, как и во многих населённых пунктах страны, его считали шарлатаном и мошенником, имевшим большое влияние на царя.

В российском обществе начала стремительно развиваться революционная ситуация. Бесспорно, переломным моментом в биографии Николая II стало вступление России в Первую мировую войну в 1914 году. Тогда, якобы по советам Григория Распутина, Николай II старался избежать кровавой бойни, но Германия вероломно пошла на Россию войной, оттого Россия и вынуждена была защищаться.

В 1915 году Николай II принял на себя Главное военное командование Русской армией. В качестве Главнокомандующего лично ездил по фронтам, инспектируя войсковые части. При этом, как отмечали его современники и очевидцы, как отмечает и большинство современных военных историков, Верховный Главнокомандующий Русской армией, не являясь военным стратегом и великим военным полководцем, допустил ряд роковых ошибок, которые, в конце концов, привели его к окончательной ненужности своим подданным и в итоге — к краху царской династии Романовых и Российской империи.

Война обострила внутренние противоречия в стране: окружение Николая II, после того как он стал Верховным Главнокомандующим Русской армией, стало возлагать все военные неудачи лично на него. В ближнем окружении царя и в Российском правительстве появилось мнение о необходимости отстранения царя от руководства армией и страной. По мнениям современных экспертов, несмотря на тяжесть сложившейся к началу 1917 года фронтальной ситуации, Главным штабом русской армии под руководством Николая II, совместно с Англией и Францией, был

разработан план генерального наступления союзников и Российской армии, которое должно было закончиться триумфальной победой армий «Антанты» к лету 1917 года. Но окончиться военному противостоянию Англии, Франции и России против немецко-австрийского военного блока по генеральным планам Николая II и «Антанты» не суждено было сбыться: в конце февраля 1917 года в Петрограде началось массовое восстание горожан и революци-

Николай II

онных военных против царской власти, династии и действующего правительства. Изначально Николай II военной силой пытался утихомирить восставших. Но военные части не подчинились приказам царя. Тогда члены свиты царя, ближайшие его помощники, начали уговаривать Николая II отречься от престола, что, якобы, поможет утихомирить и подавить волнение народных масс.

В мучительных сомнениях и думах Николай II согласился и решил отречься от царского престола в пользу младшего брата, Великого князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, после отречения Николая II отказался принимать царский престол и императорскую корону в бурлящей в революционном брожении России, что и стало концом царствования на русском престоле царской династии Романовых.

После подписания Николаем II манифеста об отречении от русского престола, сформированное Временное правительство России издало Указ об аресте царской семьи и его приближённых. Из-за чего многие приближённые лица бывшего русского императора сбежали от него. Разделили трагическую судьбу семьи Николая II лишь единицы самых близких ему людей, которых вместе с семьёй Николая II выслали в Тобольск. Предполагалось, что семья Николая II будет переправлена в США. Но после Октябрьской революции и прихода к власти большевиков во главе с В.И. Лениным царскую семью перевезли в Екатеринбург (в советское время Свердловск) и заключили в «Дом особого назначения». Большевики начали вынашивать план судебного процесса над Николаем II, но разразившаяся гражданская война, в том числе и в Сибири, не дала возможности этим планам осуществиться. Тогда и было принято решение о расстреле царя и его семьи.

В ночь с 16-го на 17 июля 1918 года Николай II и члены его семьи были расстреляны в полуподвальном помещении дома Ипатьевых, в котором Николай II держался в заточении после приезда в Екатеринбург.

Императрица Александра Фёдоровна

Романова Александра Фёдоровна, супруга последнего Российского Императора Николая II, в девичестве — четвёртая дочь великого герцога Гессенского и Рейнского Людовика-4 и герцогини Алисы, младшей дочери Британской королевы Виктории. Родилась 6 июня 1872 года в городе Дармштадт, Германская империя.

1 июля 1872 года была крещена по лютеранскому обряду.

Её имя состояло из имени её бабушки, имени её матери и трёх имён её тётушек: Виктория, Алиса, Елена, Луиза, Беатриса Гессен-Дармштадская.

Бабушка, британская королева Виктория, называла её «Sunny» — «Солнышко» по-русски; домашние — «Аликс».

Крёстными новорожденной Аликс стали: Эдуард, принц уэльский (будущий английский король Эдуард VI) и русский цесаревич Александр Александрович (будущий русский царь Александр III) со своей супругой великой княгиней Марией Фёдоровной.

От королевы Виктории Аликс унаследовала ген гемофилии (в молодые годы она не знала об этом).

В 1878 году в Гессене свирепствовала эпидемия дифтерии, от которой умерла мать будущей русской императрицы Алиса и младшая её сестра Мэй. После этого большую часть своей жизни Аликс проживала в Великобритании, в замках Балморал и Осборн-холлусе на острове Уайт.

Аликс считалась любимой внучкой королевы Виктории.

В июне 1884 года, в 12 лет от роду, Аликс впервые побывала в России вместе со своим отцом по случаю бракосочетания старшей сестры Елизаветы Фёдоровны, названной так после крещения в православную веру, с Великим князем Сергеем Александровичем (братом Александра III). Тогда и познакомилась она на короткое с наследником русского престола Николаем Александровичем.

Второй раз, уже по приглашению Великого князя Сергея Александровича и его супруги, вместе с отцом Аликс прибыла в Санкт-Петербург в январе 1889 года, когда ей шёл уже семнадцатый год.

Шесть недель прожила она в гостях у своей сестры и зятя в Санкт-Петербурге, более близко познакомилась с цесаревичем Николаем Александровичем, которому она понравилась, и некоторое время спустя он обратился к своему отцу с просьбой о помолвке с Аликс. Но получил отказ, поскольку Александр III хотел женить Николая на француженке Елене Луизе Генриетти, дочери Луи-Филиппа, графине Парижской.

Тем не менее, любовная переписка, модная в то время, между Николаем Александровичем и Аликс продолжалась, связь поддерживалась через Великую княгиню Елизавету Фёдоровну,

при активном её участии и поддержке.

К концу 1893 года в связи с резким ухудшением состояния здоровья Александра III холостяцкий статус наследника русского престола начал волновать и русского царя, и его супругу, оттого они изменили своё мнение и согласились с пожеланием и выбором самого наследника. После чего отправили его со сватовской свитой в Германию для помолвки с Аликс.

В помолвке приняли активное участие английская королева Виктория (бабушка невесты) и германский кайзер Вильгельм II, являвшийся двоюродным братом невесты.

6 апреля 1894 года в России царским манифестом было объявлено о помолвке цесаревича русского престола Николая Александровича с принцессой Гессен-Дармштадской Алисой.

10/22.10.1894 года принцесса Алиса приехала в Крым, в Ливадию, где пробыла вместе со всей императорской семьёй до самой кончины Александра III (21.10/02.11.1894 года).

В это же время в Крыму Алиса приняла православие с наречением ей христианского имени Александра Фёдоровна, а 14/26.11.1894 года, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны (матери Николая II), менее чем через неделю после похорон Александра III, состоялось венчание Николая II и Александры Фёдоровны.

После бракосочетания члены Святейшего Синода во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Палладием отслужили благодарственный молебен. При пении «Тебе, Бога, Хвалим» был дан артиллерийский пушечный салют в 301 артиллерийский выстрел.

Позднее Великий князь Александр Михайлович в эмигрантских воспоминаниях писал о первых днях супружества последнего русского царя и его супруги: «Бракосочетание состоялось менее чем через неделю после похорон Императора Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихида и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского царя».

Приехав из Крыма в Санкт-Петербург, молодая царская семья посели-

лась в Александровском дворце в Царском селе.

В 1896 году, вскоре после коронации, молодая царская чета съездила на Всероссийскую выставку в Нижний Новгород. В конце лета и осенью этого же года они совершили турне в Европу: в августе посетили Вену; в сентябре/октябре — Германию, Данию, Англию и Францию.

В последующие годы императрица родила подряд четырёх дочерей: Ольгу — 03/15.11.1895 года; Татьяну — 29.05/10.06.1897 года; Марию — 14/26.06.1899 года; Анастасию — 05/18.06.1901 года.

30.07/12.08.1904 года в Петергофе императрица родила наследника престола — цесаревича Алексея Николаевича, у которого вскоре после рождения врачи обнаружили очень серьёзное врождённое заболевание, преследовавшее потомков королевы Виктории, — гемофилию, практически не поддающуюся лечению в те годы. Оттого набояжная и душевно неуравновешенная императрица, в девичестве ещё примыкавшая к магизму и верившая во всевозможные сверхъестественные магические силы, решила, что и болезнь сына можно вылечить сверхъестественными силами. Поэтому вначале лечением её сына занимался мистик-француз, которого через некоторое время выслали из России за шарлатанство.

В 1905 году императрицу познакомили с Григорием Распутиным, который, как и его французский предшественник, со «знанием дела» и воодушевлением взялся по просьбе императрицы за врачевание и исцеление цесаревича от болезни своими методами и своими неестественными духовными силами, под воздействием которых цесаревичу якобы становилось лучше.

В скором времени Распутин начал пользоваться у императрицы большим авторитетом и приобрёл значительное влияние на Александру Фёдоровну, а через неё — и на Императора Николая II.

08/21.03.1917 года, после Февральской революции, согласно постановлению Временного российского правительства, бывшая Российская Императрица Александра Фёдоровна с детьми была арестована генералом Лавром Корниловым и посажена под домашний арест в Александровском дворце.

В начале августа 1917 года, по постановлению Временного российского правительства, вся царская семья была вывезена из Петрограда в Сибирь, в город Тобольск. А в апреле 1918 года, уже по решению СНК пролетарского правительства, перевезена в уральский город Екатеринбург и заключена под стражу в «Доме особого назначения» (в доме Ипатьева).

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года Александра Фёдоровна была расстреляна вместе со всеми членами своей семьи и приближёнными.

17.07.1998 года останки царской семьи были эксгумированы и перезахоронены на кладбище Петропавловского собора Санкт-Петербурга.

Любила или не любила последняя российская Императрица Александра Фёдоровна Россию? Этот вопрос не праздный. Вероятнее всего, не любила! Несмотря на то, что в России на неё просыпалось столько богатств, что никакой европейской принцессе такое и не снилось. Тем не менее, как не понимала и не любила Александра Фёдоровна Россию с самого начала жизни в России (о чём она писала в письмах подругам детства), так и не любила она свою новую Родину и в конце жизни. И Россия, в лице большинства населения страны, отвечала императрице такой же нелюбовью.

Даже тогда, когда она не являлась женой русского царя и не сделала для России ничего плохого, к ней прилипло прозвище «Гессенская муха», которое сохранялось за ней до конца её жизни. К слову, такое насекомое в природе действительно существует и является злейшим врагом для злаков (пшеницы, ржи.). Если на посевах злаков заводится такое насекомое, то оно уничтожает эти посевы начисто. Поэтому, видимо, и в переносном смысле в отношении Александры Фёдоровны народная молва закладывала именно такой смысл. С чем это связано? Наверное, где-то, когда-то Александра Фёдоровна сама дала к этому повод. А уж когда появился в ближнем её окружении Григорий Распутин, которого органически не переносило большинство из знавших его людей, тут уж людская неприязнь к Распутину перекинулась в полной мере и на царицу.

С началом Первой мировой войны немецкость Александры Фёдоровны, действительно, сделала её «гессенской мухой», злейшим и заклятым врагом для России и большинства россиян.

Во многих источниках, дошедших до наших времён, упоминается, что генерал Алексеев, бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской Армии, заявлял, что, якобы, у императрицы в её покоях во дворце Царского села была военная топографическая карта, на которой были обозначены все части русского войска и их перемещения.

Таких карт, по словам генерала Алексеева М.В., было всего две: одна — в Главном штабе у генерала Алексеева М.В., вторая — у царя в кабинете Верховного Главнокомандующего Русской армией.

«Зачем царице такая карта?» — задавался вопросом генерал Алексеев.

Иногда в присутствии царицы в кабинете царя, в военной Ставке в Могилёве, офицеры штаба отказывались докладывать царю о тактической и стратегической обстановке на фронте, перемещении русских войск. Имеются сведения, что когда в присутствии царицы сообщалась какая-то военная информация, она вскоре становилась известной немецкой стороне. Поэтому вопрос: не являлась ли Александра Фёдоровна немецкой шпионкой в России, — был не праздный.

Зоя Гуляева - Гулишевская

Родилась в 1944 году, выросла в городе Прокопьевске (бывшем селе Усяты) Кемеровской области. В настоящее время проживает в городе Белово Кемеровской области. По образованию педагог, окончила Новокузнецкий педагогический институт – факультет русского языка и литературы.

Более двадцати лет проработала в различных городских и сельских школах Кемеровской области, в городе Белово. В редакциях городских и районных газет нескольких городов области трудилась в качестве литературного сотрудника, завотделом, ответственного секретаря и редактора газеты.

Мать четверых детей, бабушка семерых внуков и внучек.

По жизни Зоя Николаевна активный и деятельный человек, в настоящее время возглавляет совет ветеранов Белово, занимается литературно-творческой деятельностью, пишет прозу и стихи.

Свои статьи, заметки и прочие литературные материалы на различные житейские темы публикует в городских, районных и областных газетах, в том числе и в областных газетах «Кузбасс» и «Земляки».

Впечатления о былом

Часть 1.

Когда мы были молоды...

Пора нашей юности пришлась на 60-е годы прошлого века. Мои ровесники не знали войны, так как родились в последние её годы или после Победы. Перед нами действительно открывалось светлое будущее: каждый мог выбрать себе любое дело по душе и по способностям, поступить в любой ВУЗ или техникум.

Это время было овеяно романтикой комсомольскихстроек и освоения целинных земель. Мы искренне верили в добрые, чистые отношения между людьми. И слова песни – пожелания: «Так будьте счастливы, друзья мои, пусть будут ясными все ваши дни, пусть ваши чувства будут сильными, дела красивыми, сердца достойными любви», – не были для нас бессмысленными.

В эти годы я училась в педагогическом институте города Новосибирска. Тогда только начали создаваться первые студенческие строительные отряды. В летние каникулы студенты строили в сёлах коровники, другие сельскохозяйственные объекты, выступали с концертами художественной самодеятельности перед населением. Учебный год для студентов, школьников и прочей учащейся молодёжи, как правило, начинался с работ по уборке урожая с полей колхозов и совхозов. Вот и нас, первокурсников, сразу после зачисления и короткой поездки домой за необходимыми вещами отправили на уборку картофеля в колхоз имени Ленина, который располагался на берегу Обского водохранилища, а мы его называли Обским морем.

Местом нашего проживания в колхозе был культстан. Парни и девушки размещались в двух бараках, в которых по обеим сторонам вдоль стен на нарах в два этажа были оборудованы спальные места. Рядом с жилыми бараками под навесом находились умывальня и столовая. Поварами назначались наши же студенты, а бригадиром был студент-старшекурсник.

Каждое утро после завтрака всех от-

Гуляева З.Н. 1965 г.

возили на картофельное поле, по два человека (один с лопатой, другой с ведром) ставили на два картофельных ряда, и пара студентов «гнала» те ряды до конца поля. За качеством уборки картофеля следил бригадир. В поле работали до обеда. К этому времени каждый должен был выполнить свою норму. Затем бортовая машина везла всех на культстан.

После обеда, принарядившись и надевая глянец на лице, мы снова грузились в машину и ехали на центральную усадьбу, где находился клуб, в котором устраивали танцы под радиолу и готовили заключительный концерт для населения ко времени своего отъезда.

Однажды я что-то замешкалась в бараке, и когда вышла из него, мои попутчики уже уехали. Я решила, что моё присутствие на репетиции обязательно и пошла пешком. Точно не помню, сколько километров было от культстана до центральной усадьбы, но сентябрьское солнышко, сопровождавшее меня в этом походе, неуклонно приближалось к горизонту. Вскоре оно вообще ушло за горизонт, а я всё ещё была на дороге.

Вдруг неподалёку от себя увидела крест, затем другой. Вокруг меня было кладбище. Огромная луна освещала кресты и меня среди них. Я и раньше

замечала в себе способность не терять присутствие духа в критической ситуации, не поддаваться панике.

И теперь стала размышлять, вспоминать, что однажды мы проезжали мимо деревенского кладбища, и что если немного пройти по нему, выйдешь на дорогу, которая и приведёт в село. Так я и сделала.

Шла по кладбищу и сама себя подбадривала, что нисколько даже и не страшно. А когда вышла на дорогу и увидела впереди огни приближающейся ко мне машины, струхнула: мало ли кто за рулём этой машины, и кто знает, что в голове у того водителя? Машина поравнялась со мной и остановилась. Я была в резиновых сапогах, коротеньком пальтишке, голова повязана платком. Водитель открыл дверцу и спросил: «Девочка, ты заблудилась?» Я ответила, что мне надо попасть в то село. Он сказал, что надо ещё немного пройти по дороге, а там и огни деревни покажутся. Когда пришла в клуб, уже и танцы, и репетиция закончились, но студенты, слава Богу, ещё не уехали. Все подивились моему позднему появлению здесь, выслушали историю моих злоключений, погрузились в кузов предоставленного нам автомобиля и поехали к месту наших ночёвок.

На культстане в свободное от полевых работ время мы пилили и кололи дрова для кухни, катались на велосипедах (там было их несколько штук), фотографировались (кто-то захватил с собой фотоаппарат). В те дни у кого-то случился день рождения. Устроили вечеринку. На кухне главной была Зина Плескач, старше первокурсниц года на три-четыре. С нами, рождёнными в годы войны, много поступило тогда в институт взрослых парней и девушек.

В то время началась как раз «демографическая яма», образовавшаяся из-за того, что много мужчин и женщин погибло на фронтах Великой Отечественной войны, и, следовательно, рождаемость в военные годы была низкая, что явилось результатом небольших конкурсов при поступлении в ВУЗы в 60-е годы. Возле Зины на кухне всегда

много крутилось парней и девочек. А я была «серой мышкой», не привлекавшей ничьего внимания.

После вечеринки молодёжь распределилась по парам. Я же никого ещё из парней на примете не держала, да и на меня особо никто не обращал внимания. Правда, я не стала бы возражать против ухаживаний Юры Цыбала или Миши Руденко, сокурсников из параллельной группы, но они определились уже с объектами своего внимания. Я в их число не входила.

Но в этот вечер всё же нашёлся кавалер, который пошёл со мной гулять по берегу Обского моря. Это был сокурсник Женя Бесчастный, и он тоже был старше меня, отслужил уже три года в армии, в Морфлоте, и даже в колхозе ходил в матросской куртке, за плечами которой красовался воротник с голубыми полосками.

Был тёплый сентябрьский вечер. Луна отражалась в водах Обского моря. И Женя вроде бы собрался меня поцеловать. Но я остановила такой его порыв, сказав, что позволю себя поцеловать только тому человеку, которого полюблю. Женя понял, что с этой малолетней дурочкой каши не сварить, и у него сразу пропал интерес ко мне, да его, возможно, и не было. И у меня тоже не было интереса к этому парню. Потом встречались в институте, и не помню даже, здоровались ли? Позднее я узнала, что Женя был детдомовским. В наше время много было сирот, чьи родители погибли на фронте. А Женя на втором курсе выпал из окна общежития и разбился.

В институт после колхозных полевых работ мы приехали сдружившимися. Приблизительно представляли, кто на что способен. Заводилой у нас была Марина Кучерова, красивая кучерявая брюнетка, которая любую мелодию могла подобрать и сыграть на пианино. На танцах и в самодеятельных концертах была незаменимой.

И на первый институтский осенний бал мы явились всей нашей сплочённой группой и вели себя там свободно, никого не стесняясь.

Вдруг я поймала на себе взгляд какого-то чернявого парня и тоже стала наблюдать за ним. Он стоял в сторонке, ни с кем не танцевал. Я заинтересовалась, что за субъект такой? На очередной танец подошла к нему и пригласила. До конца бала он танцевал только со мной, ни о чём не спрашивая. Осенний бал наш проходил в помещении факультета иностранных языков, и до общежития оттуда надо было пройти пешочком. Одеваясь возле раздевалки, я не торопилась, думала, что партнёр мой по танцам здесь найдёт меня и пойдёт провожать. Но ничего подобного не случилось. Шла я по ночному городу, фонари освещали улицы. А меня так никто и не догнал...

Первые полгода своего студенчества я проживала у сестры Любы, которая работала в Новосибирске в академии строительства и архитектуры и жила в высотном доме на площади Калинина. Перед новым годом сдали в эксплуатацию новое институтское общежитие, которое тоже находилось на площади Калинина, и мне там предоставили койко-место.

Наш факультет историко-филологический располагался в старом деревянном здании на улице Фрунзе. На занятия ездили на троллейбусе второго маршрута.

Перед весенней сессией на первом курсе я поехала к девушкам-однокурсницам, проживавшим в другом общежитии на улице Ленина возле железнодорожного вокзала, по поводу подготовки к экзаменам. Подружки попросили меня спуститься на первый этаж в буфет, чтобы купить чего-нибудь перекусить. Я спустилась, и тут сердце моё словно в пятки ушло: я увидела, что стою в очереди за парнем, с которым танцевала на первом студенческом балу. С его стороны на меня — ноль внимания, а у меня сердце готово выскочить из груди. Никому из подружек ничего не было известно об этом парне. И это всё больше и больше подогревало мой интерес. А когда закончилась сессия, мы все разъехались по загородным лагерям на пионерскую практику.

Педагогические коллективы в пионерских лагерях тогда в большинстве своём были молодёжными, студенческими, не связанными семейными узами. С утра до вечера мы занимали детей: кормили, проводили массовые воспитательные, патриотические, спортивные, увеселительные мероприятия, организовывали досуг по интересам, водили ребят в походы. А когда наш шумный подопечный народ укладывался спать, один из педагогов (воспитатель или вожатый) оставался на отряде, а второй устраивал свой досуг тоже сообразно интересам. Молодой инициативный и талантливый преподаватель нашего ВУЗа Сталь Анатольевич Шмаков написал замечательную песню «Вожатская лирическая», которая как нельзя лучше от-

вечала настрою наших юных сердец:

*Когда шумят над Обью сосны,
И в небе бродит диск луны,
Осенний ветер медоносный
Мальчишкам навеивает сны.
А нам с тобой никак не спится
И, уложив своих ребят,
Идём — бредём, как говорится,
Куда глаза глядят.
Пичужек сонных бормотанье
И эта песня у реки,
Ты прибежала на свиданье,
А галстук не сняла с груди.
И вьются уголки шёлка
У алых губ твоих опять ...
И не решусь я долго — долго
Тебя поцеловать.
Шумят, шумят над Обью сосны,
В реке купается луна.
А мы идём с тобою просто,
И нам дорога не длинна.
Уже рассветный луч коснулся
Зелёных сосен в вышине.
И нам пора бежать к ребятам —
Оставим сон волне».*

Последний куплет досочинила моя сокурсница Галина Николаевна Пьянкова-Груенко, так как мы обе забыли авторский вариант, а может, его и не было.

С начала нового учебного года на втором курсе наш факультет реформировали: отделили историков от филологов. При этом историкам добавили новую специализацию — организаторов внеклассной и внешкольной воспитательной работы. Филологи же погрузились в детальное изучение языковедческих и литературоведческих дисциплин. Во второй год обучения меня перевели в общежитие на улицу Ленина, где проживало большинство моих одногруппниц, и факультет наш из старого деревянного здания перешёл на улицу Кубановскую, разместившись в одном здании с факультетом иностранных языков. Теперь не надо было ехать в учебный корпус на транспорте, всё было в шаговой доступности.

Кстати, на одной улице с нашим общежитием находились драматический театр «Красный факел», кинотеатр «Победа», недалеко располагались Театр оперы и балета, Театр юного зрителя, Новосибирский театр музыкальной комедии, картинная галерея и другие учреждения культуры. За годы своего студенчества мы посетили большинство оперных, балетных, драматических спектаклей. Благо, что цены на билеты в то время не были заоблачными, и нам хватало стипендии на удовлетворение культурных запросов.

А в общежитии на первом этаже в субботу и воскресенье вечером устраивались танцы. И мы, девчонки, как птички, слетали вниз, едва слышав музыку. На танцах в общежитии я и увидела вновь примеченного мной ранее парня. Он, как и прежде, стоял в сторонке и ни с кем не танцевал. Я решила, что надо брать инициативу в свои руки. Вновь сама пригласила его на танец, и он снова затанцевал только со мной. И по-прежнему никаких слов.

Перед началом танца подойдёт, улыбнётся, протянет руку навстречу ... и закружит в танце. По окончании музыки проводит на место, улыбнётся, поклонится и отойдёт.

Однажды как-то по осени, возбуждённые, мы с подружками после просмотра балета «Жизель» вернулись из оперного театра. Это была суббота, и в фойе на первом этаже общежития в полном разгаре шли танцы. Сняв верхнюю одежду и переобувшись в туфли, я мигом слетела на первый этаж и сразу попала в объятия обожаемого мной парня.

И, о чудо! Он заговорил. Сказал, что ждал меня. Я сообщила, что мы были с подружками в театре, и тут же поспешила сказать, что танцуем-то мы с ним давно вместе, а я ничего о нём не знаю. На что он ответил, что о нём ничего и не надо знать, и что если я узнаю о нём больше, то перестану даже смотреть в его сторону... и пригласил меня погулять с ним по ночному городу. У меня в душе снова полное смятение: кто он, что за человек, уж не бандит ли? Но на прогулку по ночному Новосибирску я всё-таки пошла и наконец узнала, что зовут моего спутника Пётр Гамалеев и что учится он на последнем курсе физико-математического факультета и проживает на четвёртом этаже того же общежития, где живу и я.

А ещё он сообщил, что женат и что в одном из сёл Новосибирской области живут его жена и дочка. «И как тут быть? — спросил он себя. — Я женат и полюбил другую...» «А никак», — ответила я за него. На что он сказал, что не сможет так. И стали мы встречаться. Пётр после занятий в институте вёл уроки физики в вечерней школе рабочей молодёжи, которая находилась в районе железнодорожного вокзала. Ходили на вечерние сеансы в кино, гуляли по тенистым аллеям, вечерами подолгу «дружили» в общежитии на площадке лестницы между этажами.

А время неуклонно продвигалось вперёд к моей очередной весенней сессии и государственным экзаменам Петра. Я училась легко: не отлично, но так, чтобы получать стипендию. Мы с Петром и во время подготовки к экзаменам умудрялись встречаться. Это для обоих стало необходимым. Однако я уже начала задумываться над тем, что у нас нет впереди совместного общего будущего. У меня ещё продолжают годы учёбы. Петра после окончания ВУЗа призывают в армию. Но главное крылось не в том: я знала, что вся моя родня очень даже не одобрит такой мой выбор, как увод отца из семьи. Да и сама я была против этого.

Учёба на третьем курсе института также началась с уборочных работ на колхозном поле. Вернувшись из колхоза, мы приступили к занятиям, и жизнь продолжалась. Но для меня вечера этой осени стали невыносимо мучительными, я стала тосковать по Петру.

Днём на занятиях забывалась, а ве-

чером всё напоминало о нём. Однажды мы шумной толпой возвращались с занятий. Войдя в вестибюль общежития на первом этаже, я сразу же увидела Петра у окна и почему-то испугалась. Мигом пробежала мимо, даже не взглянув на него. Когда забежала в комнату, немного успокоилась и одумалась, побежала вниз, но его там уже не было. Позднее узнала, что перед отправкой в армию он ненадолго забежал в общежитие и хотел что-то сказать мне. А я повела себя как дикая дура. Больше я Петра Гамалеева никогда не видела.

После нескольких лет проживания в Новосибирске моя сестра серьёзно заболела, ей потребовалась операция. Родственники убедили её переехать в Новокузнецк, так как в Кузбассе на должный уровень была поставлена медицина, в Новокузнецке находился ГИДУВ (Государственный институт усовершенствования врачей), и один из профессоров этого института был их знакомым.

Я в то время пребывала в расстроенных чувствах. После расставания с объектом своей первой любви готова была убежать или уехать куда угодно, только бы мне ничто не напоминало о нём. А в Новокузнецком пединституте на инязе (факультете иностранных языков) училась моя одноклассница Лариса Бортникова. Я попросила её сходить на факультет русского языка и литературы и узнать, возможен ли перевод к ним с такого же факультета Новосибирского пединститута? Лариса ответила, что это возможно, и после зимней сессии я приступила к занятиям уже в Новокузнецке.

Студенческое лето после третьего курса я провела в пионерском лагере на берегу Томи в местечке Косой порог Горной Шории. Работать в лагерь поехала за компанию с той же Ларисой. Как и прежде, днём в лагере детей забавляли, а вечером, когда уляжется «детва», на отряде оставался один из педагогов, второй отдыхал или устраивал личный досуг сообразно интересам. Вожатые, воспитатели и другие работники лагеря выходили на берег, пели песни у костра, плавали по «лунной дорожке», катались в лодке. Между молодыми завязывались романтические отношения.

Мы в своё время были молодёжью «продвинутой»: в литературе знали толк, любили слушать хорошую музыку, посещали выставки картин. Весь день по территории лагеря из местного радиоузла разливались классические мелодии. Мне особенно нравился концерт для фортепиано с оркестром Эдварда Грига. Кроме того, проигрывали музыкальные пьесы из его же сюиты «Пер Понт».

Лариса, никогда в юности не страдавшая от недостатка воздыхателей, определилась уже в своих интересах. Ей уделял внимание директор этого пионерского лагеря Николай Иванович Качанов. Он на этой должности пребывал в присутствии собственной жены. Но при этом урывал моменты, чтобы

В Косом пороге: Пётр, Зоя, Лариса.

оказывать знаки внимания и Ларисе. Была в лагере фотолаборатория. В один из дней после очередных «фотосессий» мы, несколько человек, в том числе и директор, закрылись в темнущке, чтобы отпечатать фотокарточки. А за стеной фотолаборатории было какое-то помещение, в котором оказалась жена директора. Может, я громче всех смеялась или по другой какой причине, но находящейся за стеной супруге директора показалось, что это я «обхаживаю» её мужа, о чём она и высказала ему свои подозрения. А он, в свою очередь, сказал об этом настоящей «виновнице» всех перипетий — Ларисе. А она донесла эти подозрения до меня. Мы посмеялись, а я сказала, что вот так и служу для неё громоотводом.

В лагере на отряде я работала в паре с Галей Петуховой. Она училась в СМИ (Сибирском металлургическом институте) на каком факультете — не помню. Она была пионервожатой, а я воспитателем. На последний сезон (в августе) в лагерь приехал инструктором по ИЗО-деятельности студент последнего курса Ярославского художественного училища Пётр Решиков. Высокий, стройный, с этюдником через плечо, он привлёк моё внимание. И мы с Галкой сразу захватили его в своё поле зрения.

Он в свободное от «инструкторских обязанностей» время устанавливал в понравившемся месте свой этюдник и делал зарисовки. Совсем не случайно мы по одной, а то и вместе, вдруг появлялись в тех местах. Не мешали, но внимание художника на себя обращали. В качестве натурщиц не выступали, но фотографировали и фотографировались.

Разъезжаясь, обменялись адресами. Пётр назвал дату своего отъезда в Ярославль. А я в тот день как раз поехала из Новокузнецка в Прокопьевск и тоже совсем не случайно взяла билет в общий вагон поезда, которым уезжал Пётр. Уже не помню, ходили ли тогда электрички до Прокопьевска, но точно помню, что на недалёкое расстояние можно было проехать и поездом дальнего следования.

На перроне Новокузнецкого вокзала я увидела Петра в толпе провожавших его людей. Незамеченной вошла в вагон. А когда поезд тронулся и позади остались и перрон, и провожавшие, тут мы и встретились. Прошли в вагон-ресторан, но не для возлияний. Да у нас и средств на это не было. Купили только бутылку фруктового напитка. Сидели напротив друг друга, смотрели глаза в глаза, разговаривали. Распрощались в Белове. Я тогда и предположить не могла, что этот город станет местом моего постоянного проживания, что с ним и свяжется моя дальнейшая судьба.

А жизнь тем временем пошла своим чередом. Из Ярославля стали приходиться письма, поздравительные открытки. В один из дней, возможно, в ноябре, от переполнения чувств я написала Петру восторженно-взволнованное письмо о том, как прекрасны были горы над Томью, ошестившиеся елями, как отвечали душевному настрою мелодии Грига, плывущие над всем этим великолепием, и как он, Пётр, дополнял всё это чудо своим присутствием.

И вдруг, как раз перед Новым годом, 25 декабря 1965 года, я получаю письмо из Ярославля, посланное с того же самого адреса, но от другого человека.

Алексеев Р.В., г. Ярославль.

Незнакомец сообщал: «Я никогда не писал писем незнакомому человеку и не получал подобных. Но на улице зима, скоро Новый год. Прохожий несёт ёлочку в руках, и так светло и радостно на душе, что хочется сказать много хороших слов хорошему человеку». Заканчивалось письмо стихотворением:

*«Вот он нас настиг,
Как в прекрасном сне,
Ты меня прости,
Этот стих про снег.
Снег пришёл от зорь.
За какой-то миг
Налепил узор
На окне из игл,
Закружил дома
Ворожкой своей.
Посмотри сама:
Он ещё ничей.
И легко парит,
И светло вокруг.
Я держу пари:
Он не знает рук,
По нему ничуть*

Не прошли, скрипя.

Только я шепчу:

Береги себя...»

Это письмо взволновало меня. В голове сразу закружились мысли: что мог «такого» сказать обо мне Пётр? И сразу возникло уважение к тому незнакомому человеку, который, не видя и не зная меня, почувствовал и чистоту, и нетронутость незнакомой ему девчонки.

В воображении нарисовалась картина: «Тёмная зимняя ночь. Стоят высокие ели со снеговыми шапками на ветках. Идёт человек, на лыжах пробирается сквозь заросли. Одинокая луна глядит на него через просветы ветвей да многочисленные звёзды рассыпались по ночному небу. Вдруг он увидел вдали огонёк и пошёл на него. Подъехал, заглянул в окно... и остановился. Откроют или нет?» И я открыла. Ответила на письмо.

Кстати, как раз написала и об этом своём воображённом видении. И что тут началось?! На меня обрушился шквал писем, стихов, фотографических снимков зимних пейзажей. На присланной в первом письме новогодней открытке на фоне северного сияния летят к свету олени, не касаясь земли. В день приходило по два и три письма. Человек с богатым внутренним миром нашёл объект, перед которым можно было раскрыть этот мир.

Я написала письмо Петру с вопросом: какова причина таких перемен? Он не ответил, а Рудольф, мой новый адресат, в одном из очередных писем вскользь выразил не то огорчение, не то опасение: «...потому что ты пишешь ему, потому что ты веришь ему...» А меня закружил водоворот новых мыслей, образов, суждений. Я постепенно, кажется, стала смотреть на мир глазами моего заочного собеседника, думать его мыслями.

Мне казалось, что иду я по Новокузнецку, а все дома, деревья, прохожие смотрят на меня его глазами. И мне хотелось становиться лучше, красивее, умнее. Рудольф был старше и меня, и Петра. Пётр на полгода младше меня, а Рудольф, ровесник Владимира Высоцкого, на шесть лет меня старше. Какая я? Рудольф мог это представить, так как во время нашего совместного пребывания в «Косом пороге» — так назывался пионерский лагерь на берегу Томи — Пётр делал зарисовки, и на некоторых из них я замечала то свой профиль, то ещё какие-то черты. Кроме того, мы же фотографировались в пионерлагере... А мне новый объект моего внимания приходилось самостоятельно «рисовать» в своём воображении по впечатлениям от писем. Благодаря этому источнику, я поняла, что он любит уединение. На лыжах с фотоаппаратом уходит в зимний лес. И я впоследствии вижу, как красив его лес зимой! С наступлением весны он стал высылать мне виды пробуждающейся природы: половодье, распускающиеся вербы, а также фото погубленной «любителем варварского сбора берёзового сока» — берёзы.

Я отправила ему свой портретный снимок. Он прислал мне рисунок — портрет, выполненный в технике «гуашь» и подписал: «Как прекрасен мир этот, Зайка!» В этом портрете также угадывались мои черты. Я потом, позднее, назвала этот портрет «Неразгаданная тайна». Почему? Дальше объясню.

В следующем письме Рудольф выслал фотокарточку, где они с транспарантами на первомайской демонстрации. При этом Пётр под ручку с какой-то девичьей, а позади них, выше всех на целую голову и с очками на носу — Рудольф. Так я узнала, что объект моего внимания ростом высок и постоянно носит очки.

А время между тем приближалось к лету. Мы оба были на последних курсах своих учебных заведений. И там, и здесь прошли распределения молодых специалистов на места предстоящей трудовой деятельности. Мне дали направление в сельскую школу Беловского района на должность учителя русского языка и литературы. Рудольф из своего Ярославского художественного училища распределился в Кемеровскую область в город Тайгу учителем изобразительного искусства в школу-интернат. И вот нам предстояла встреча. Он ехал в Новокузнецк, где я жила пока у своей сестры Любы. Её почему-то в то время дома не было, в отпуске была или в командировке?

Я встретила его на вокзале. Он в письме сообщил, что его сразу можно узнать, так как он самый высокий. И это действительно так, я свободно во весь рост проходила под его рукой. Началось новое узнавание. По письмам я узнала его душу, которую любила. А теперь приходилось сопоставлять соответствие ожидаемого с реальным. Дня два мы пробыли в Новокузнецке, гуляли по городу, заходили на пляжи Томи и Кондомы, протекающих по территории города.

Рудольфу не понравился Новокуз-

Неразгаданная тайна

нецк. После Ярославля всё ему здесь показалось мрачным. В то время дымили ещё и КМК (Кузнецкий металлургический комбинат), и ЗапСиб, и ферросплавный завод, пылили шахты. Не было видно ни церквей, ни храмов. Мне-то, комсомолке и атеистке, это как-то было ни к чему, а у него, я заметила, было иное отношение к вопросам веры и религии.

В один из вечеров, ещё в Новокузнецке, мы сидели на полу в комнате и рассматривали фотоальбомы. За этим занятием я задремала и уснула прямо на полу. Потом внезапно вдруг проснулась и увидела, что он смотрит на меня. Я засмушалась, и мы разошлись по разным местам на ночлег. Из Новокузнецка мы поехали на мою родину — в Прокопьевск. Там я чувствовала себя ещё более неловко, а он, разумеется, тем более. Соседка, тётя Таня, спрашивала у мамы: «Что, Зоя-то с женихом приехала?» А мне — какое «с женихом»? Мы только присматривались друг к другу, и я смущалась лишней раз взглянуть на него.

В это время мой брат Юра тоже находился в Прокопьевске. После окончания Ленинградского горного института он женился на дочери нашего двоюродного брата Брагина Ивана Яковлевича — Светлане и работал механиком подземного участка на шахте «Красногорская». У них уже родился сын Алёша.

Юра тоже почему-то Рудольфу не понравился. Он называл его сибирским медведем. Мне это было и неприятно, и непонятно, и привело меня не только в изумление, но и в полное неприятие такого отношения. Брат всегда был и остаётся для меня авторитетом: спортивный, физически сильный, целеустремлённый, волевой, общительный, честный, не оставит человека в беде, всегда окажет помощь, замечательный организатор всех наших походов, очень любит край свой родной, родных и друзей. Сейчас живёт в Санкт-Петербурге, пенсионер, но каждый год летом на протяжении многих лет приезжает на родину. В Новокузнецке, Прокопьевске и Киселёвске у нас много родственников.

Наши родители — коренные сибиряки. Род Брагиных, из которого вышла мама, проживает в этих местах более трёх веков. Все мы дружные, встречаемся в дни скорби и на праздниках. Однажды на такой встрече родственников случилось присутствовать и нам с Рудольфом. Подобные мероприятия не обходятся без спиртного. Гостеприимные хозяева без конца пристают: «выпей да выпей!». А мой спутник не только не пил спиртного, но и вообще не любил такие мероприятия. Поэтому мы скоро ушли. Надо сказать, что в дни пребывания его у нас я постоянно рядом с ним чувствовала себя «букашкой», было стыдно за что-то и за всё.

Его отъезду я была рада, так как оказалась теперь в привычной для себя естественной обстановке. Уезжая, Рудольф сказал, что лучше было бы, если

бы я приехала к нему. Но такого не могло случиться: в наших кругах невозможно было даже вообразить, чтобы молодая девица поехала неизвестно куда к парню, которого не видела ни разу. Вскоре и я уехала к месту своего распределения — в село Горскино Беловского района, где стала работать учителем в средней школе.

Переписка наша продолжалась, но теперь уже далеко не «шквальная». Если до встречи в каждом письме — новые мысли, стихи, восторг, чувства, то теперь в них случались повторения уже сказанного ранее. В осенние каникулы Рудольф приехал ко мне в Горскино. В селе я жила с учительницей иностранных языков (немецкого и французского) в двухкомнатной квартире на втором этаже кирпичного дома. Ночи две или три он ночевал у нас, потом я проводила его до Белова. А на новогодние каникулы поехала к нему в Тайгу. У него в интернате была отдельная комната для жилья и ещё одна комната для мастерской. Он не только вёл уроки в школе, но занимался ещё и работами по оформлению классов, кабинетов. Когда я вошла в мастерскую, на столе увидела письма и поздравительные открытки от Марины. Я не любопытствовала, просто всё было на виду. И я спросила: «Кто эта Марина?»

Он засмушался и сказал, что это просто так. А я и не стала больше допытываться. Ночевали мы в его комнате, я — на кровати, он — на диване. Потом я сказала, что замёрзла и позвала его к себе. Он не сразу, но пришёл. Согревшись, я уснула. На одно или два письма его я ответила, а потом перестала отвечать.

Перед уходом на летние каникулы с учениками своего класса я пошла в однодневный поход по окрестностям села. По дороге меня догнала почтальонка и передала письмо. В нём было: «Ты перестала мне писать. Прошло твоё откровение ко мне...» И дальше там ещё было что-то...

Однако вернусь в своём повествовании немного назад, так как пропущенный эпизод тоже имел немаловажное значение в моей судьбе. После Нового года, когда я приехала из Тайги, по сёлам Беловского и Прокопьевского районов проводился рейд ЦК ВЛКСМ и Кемеровского обкома комсомола с целью посмотреть и осветить в прессе, как проводит свой досуг на местах сельская молодёжь. В бригаду рейда, кроме членов Центрального Комитета и Кемеровского ОК ВЛКСМ, входили корреспонденты газет «Комсомольская правда» и «Комсомолец Кузбасса». Члены рейда посетили и нас, молодых специалистов — учителей школы.

С Юрием Шакутиным, спецкором «Комсомольской правды», я разговорилась и сказала, что тоже хотела бы перейти работать в газету. Он посоветовал начать сотрудничать внештатно с местной прессой и добавил, что тоже окончил филологический факультет пединститута. Я вняла совету коллеги

и с началом моего первого очередного отпуска поехала в Прокопьевск. Сразу наведаясь в редакцию городской газеты «Шахтёрская правда», где попросила дать мне задание для написания материалов с последующей публикацией их в газете. Мою просьбу удовлетворили. За месяц я написала и опубликовала в «Шахтёрской правде» две зарисовки о людях и несколько информационных. Так завершился июнь. А в июле к моему дню рождения из города Гаврилов-Ям Ярославской области в Прокопьевск на адрес мамы пришла бандероль, в которой были стихи:

*«До свиданья, боль и тайна,
Неразгаданная мной.
Повстречались мы случайно,
Разминёмся стороной.
Разминёмся... Ну так что же?
Лишь бы сердце не остыло.
Если день с улыбкой прожит,
Значит в жизни что-то было...»*

В бандероли была ещё грампластинка с записью песен в исполнении Жана Татляна. Особенно красноречивой и запавшей мне в душу стала песня А. Бабаджания на стихи В. Орлова «Память». Пластинку я храню до сих пор, но проиграть не имею возможности, так как нет проигрывателя, с помощью которого можно было бы это осуществить. Но моя память хранит слова песни: «... Не ищи адресов. Всё прошло, всё прошло, и быльём поросло, и опять на душе светло... Но пройдёт день и год, и настанет час, захлестнёт как волна, как беда. Закричит, позовёт наша память нас. Не уйти от неё никуда...»

Через некоторое время я действительно затосковала, захотелось вновь и впечатлений, и чувств, и писем. Написала письмо в Гаврилов-Ям. Пришёл ответ, писала мать Рудольфа. Она сообщила, что сын её женился на Марине и просила не беспокоить больше его письмами. Теперь, когда сама я стала матерью, очень хорошо понимаю её: единственный сын уехал куда-то на край света ради девчонки, которую в глаза ни разу не видел. А ему по возрасту пора было уже жениться.

Вот так закончилась история моей ничем не запятнанной платонической любви. Но в душе всю жизнь живёт память о том достойном этой любви человеке. А присланный Рудольфом портрет именно тогда я и назвала «Неразгаданная тайна».

Часть 2. Взросление

В оставшуюся часть лета, в августе 1967 года, мы с сестрой Любой поехали по турпутёвке на озеро Иссык-Куль, в горы Тянь-Шань. Программой путёвки было предусмотрено не только пребывание на озере, но и путешествие по горам. Пешеходный маршрут наш не был сверхкатегорийным, но и простым его не назвать. Не помню, на какую высоту по сравнению с уровнем моря мы поднимались. Там росли эдельвейсы, стояли юрты киргизов — пастухов-кочев-

ников, паслись отары овец и табуны лошадей. Я сорвала себе на память один цветок эдельвейса и засушила в книге. Несколько дней мы путешествовали по горам, жили в палатках. Возглавляли нашу туристическую группу: инструктор, мастер спорта, альпинист, мужчина тридцати восьми лет Георгий Котельников и его помощник — киргиз, имени его я не помню, подвижный и весёлый человек, внешне напоминающий мячик, перекатывающийся с горки на горку, с рюкзаком за спиной. После каждого короткого привала по стоянке туристов разносилась команда помощника инструктора: «По рюкзакам!!!» Он говорил с акцентом, и его речь, и эта команда веселили всех.

Однажды на привале собрались все перекусить. У каждого был с собой сухой паёк и фляжка с чаем. Мой сухой паёк почему-то сильно засох, и я захотела разрезать его ножом. Инструктор изъясил желание оказать помощь и дал мне свой очень острый нож. Я ничего лучшего не придумала, как положить свой очень сухой паёк на колено и пробовать его (паёк) разрезать. Нож сорвался и глубоко вошёл под кожу. С того времени на всю жизнь на колене у меня остался шрам.

А инструктор, я заметила, и раньше с интересом наблюдал за мной, теперь же его внимание очевидней стало проявляться. Вечерами, когда туристы располагались вокруг костра, он приглашал меня прогуляться вокруг турстана. Показывал места когда-то сошедших с гор селей, рассказывал о своих путешествиях по Кавказу. Вместе с Георгием в этом турпоходе была его семья: сын Коля, мальчик десяти лет, и супруга Мария, белокурая симпатичная женщина лет тридцати двух — тридцати трёх. Что-то произошло между супругами, и Мария уехала, оставив в горах сына с отцом.

Мои вечерние прогулки с инструктором по турстану продолжались. Он рассказал, что супруга его тоже сибирячка, а он — ярославец и по сей день проживает с семьёй в своём родном городе. Я узнала также, что работает он на шинном или резиновом заводе в Ярославле, занимает какую-то руководящую должность. На мою душу в то время ещё бальзамом ложились разговоры о Ярославле и ярославцах. Тем укрепился и интерес к Георгию.

А сестру мою в это время развлекали два земляка — парни из Кузбасса. Они хорошо знали нашего двоюродного брата — Виктора Евгеньевича Брагина, который в то время был директором шахты «Чертинская» в Белове, и из памяти людей ещё не выветрился случай страшной трагедии на этой шахте, унёсшей жизни многих шахтёров.

Когда мы спустились с гор и вновь оказались на берегу Иссык-Куля, Георгий пригласил меня на очередную вечернюю прогулку по берегу озера. На землю уже опустилась ночь и звёзды высыпали на безоблачное небо. Мы долго шли молча, вдыхая прохладу

приближающейся осени. Вдруг спутник мой остановился, снял с себя штормовку, необходимый атрибут походной одежды, расстелил на земле и усадил меня. Потом сел рядом, обнял и стал целовать. Я не сопротивлялась. Звёзды светили мне в глаза...

И я почувствовала вдруг, как по всему телу разлилось ощущение, знакомое с детства, когда качались на высоких качелях и с высоты падали вниз. Тогда говорили о таких ощущениях, что сердце замирает и душа уходит в пятки. Со мной такое во взрослой жизни было впервые. Когда возвращались с прогулки, я почему-то плакала.

Наше пребывание на Иссык-Куле подходило к завершению. У Георгия на руках было три билета на авиарейс из Фрунзе (так при советской власти назывался сегодняшней Биш-Кек) до Москвы. Но Мария уехала раньше. А он не стал сдавать лишний билет и предложил мне лететь с ними в Москву. Я самолётом ещё ни разу в жизни не летала. А сестра почему-то не выразила своего недовольства в связи с таким предложением. Не возникло препятствий и при переоформлении билета, и Коля ни разу не задал ни одного неудобного вопроса. И я полетела.

По возвращении из отпуска пыталась устроиться на работу в газету. Обращалась в «Шахтёрскую правду», но там штат был полным. Поехала в Киселёвск в редакцию газеты «В бой за уголь». Редактор порекомендовал мне пойти редактором многотиражной газеты на вновь открывшуюся шахту «Карагайлинская». Поехала увольняться с работы в Беловский районный отдел народного образования. Но заведующий районом не отпустил, так как через несколько дней начинался учебный год, учителей в районе не хватало, а я не отработала ещё положенные три года после окончания ВУЗа. Тогда я не была ещё наглой, чтобы уйти, оставив неустраиваемой трудовую книжку. Но сказала, что в Горскино не поеду, так как далеко. На что зав. районом ответил: «В Горскино далеко, так Старопестерёво рядом, и туда тоже требуется учитель русского языка». Так оказалась я в Старых Пестерях, где продолжила работу в школе учителем русского языка и литературы.

Жили мы, молодые учительницы, возле школы в одноэтажном кирпичном доме на двух хозяев. В одной половине дома поселились пять незамужних девиц, в другой — семья директора школы. Состояла наша половина дома из двух комнат: большой, где все мы размещались — кто на кровати, кто на диване, а я — на раскладушке; и одной маленькой, рассчитанной на двух человек, с прикидом, что если какая-то из нас надумает замуж выходить, то чтобы молодые первое время могли пожить в этой комнате. Георгий дважды по пути в командировку в город Стерлитамак заезжал ко мне в Старые Пестери, хотел, чтобы я стала его любовницей. Но мне это было ни к чему, и я прекратила с

ним всякие отношения.

В Старопестерёве я познакомилась с Лидой, а затем и выдала её замуж за красивого и стройного старопестерёвского парня Павла Безручкина. На свадьбе у них была посажённой матерью, так как Лида — сирота, мать её умерла давно. А отец, женившись на другой женщине, на свадьбу не приехал по причине дальности расстояния и немалых денежных расходов. Павел же до конца своих дней называл меня тёщей.

В Старопестерёвской школе я проработала две учебные четверти. Стала публиковать материалы в районной газете. Один из них — зарисовка о директоре школы, в которой работала, Таисии Яковлевне Стержановой. В том материале я сравнила её с дирижёром, потому как она умело переключала внимание учеников с одного вида работы на другой.

После встречи Нового 1988 года, примерно в феврале, редакция газеты «Ленинское знамя» пригласила меня на работу в штат на должность заведующей отделом культуры, быта и писем трудящихся. Вопрос должен был решаться опять же через заведующего районом, который снова возражал. Но меня всё-таки перевели, так как вмешался райком партии, хотя я была тогда беспартийной.

Первая встреча с Борисом Николаевичем состоялась у меня ещё в Горскино. В один из дней, возможно, в выходной, мы с Зиной, с которой проживали в одной квартире как молодые специалисты, пошли в Дом культуры на мероприятие какое-то или просто в кино. Там увидели директора школы, и он сказал, что приехал корреспондент из газеты и хотел бы побеседовать с молодыми специалистами. При этом он чуть отвлёк в сторону Зину и представил её корреспонденту.

А почему Зину? Дело в том, что Зина родом была из Анапы, и во время зимних каникул директор дал ей возможность слетать домой. А она оттуда привезла ему бочонок вина. Вскоре на странице районной газеты появилась заметка с фотографией Зины. Вот тут я впервые увидела и отметила для себя, что фамилия того фотокорреспондента очень похожа на мою. А я была тогда Гуляева. При первой встрече в Горскино я как-то не очень обратила внимание на Бориса и не запомнила его в лицо. А когда вышла на постоянную работу в редакцию, заинтересовалась сотрудником по фамилии Б. Гулишевский. В то время Борис из редакции ушёл на завод «Кузбассрадио» в конструкторский отдел, где необходимо было проводить какие-то фотосъёмки.

В редакции же не было фотокорреспондента. По совместительству для газеты фотографировали то Володя бухгалтер, то ещё кто-нибудь. А Боря время от времени по старой памяти в редакцию заходил. Несколько позднее меня в редакцию пришла на работу ещё одна молоденькая девушка Зина Соловьёнова. И Боря, чтобы выручить газету, взялся обучать фотоделу нас с Зи-

ной. Ходили мы втроём, фотографировали и фотографировались. И как-то Зина говорит мне: «Зоя, а ведь Боря-то с нами из-за тебя ходит». Потом мы с Зиной решили поступать на факультет журналистики в Свердловский университет. Поехали в Свердловск, Боря провожал нас на вокзале. Экзамены сдали, но зачисления ещё не было. И из редакции пришла телеграмма, меня срочно вызывают на работу. Я уехала, не дождавшись зачисления. Мне потом сообщили, что меня зачислили на заочное отделение.

Боря встречал меня на вокзале, и мы стали вроде как дружить. Тут женщины редакции сообщили, что новый обожатель мой женат, и что у него растёт дочка. Отношения наши ещё не зашли далеко, и я решила не пускать их дальше. Сказала об этом Борису, а он ответил, что хочет быть со мной, несмотря ни на что. Я задумалась. Вроде никогда ни легкомысленной, ни легкодоступной не была, но как-то так складывалось в жизни, что на меня чаще обращали внимание женатые мужчины. Ведь и из Новосибирска в Новокузнецк я переехала, чтобы прекратить отношения с Петром Гамалеевым, и ярославского Георгия Котельникова «отшила», потому что мне это было ни к чему, и вот Боря теперь тоже женатый. И подумала я, что видно на роду мне написано идти замуж за женатого, то есть вводить мужчину из семьи.

Часть 3.

А время, а время идёт себе, идёт

Двадцать лет прошло, как не стало Бориса Николаевича. Он ушёл в вечность в 61 год, оставил меня вдовой в 59 лет. Ответом на это скорбное событие стало моё стихотворение:

*«Тридцать четыре зимы, тридцать четыре весны,
Тридцать четыре лета — с нами всё было это.*

*Пришла тридцать пятая осень,
И ты меня, милый мой, бросил.
Ушёл в беспросветную тьму,
Оставил меня одну.*

*Вдовой меня оставил,
За всё быть в ответе заставил.
Иду я одна, где ходили мы,
Люблю я одна, что любили мы.
Рассветы одна я встречаю,
Закаты одна провожаю.*

*На вдовью постель опускаюсь,
Тебя ощутить там пытаюсь.
Тоскливо, мучительно, холодно
Душе моей. Пусто и голодно...»*

Стихотворение это было написано осенью 2002 года. Сейчас подходит к завершению осень 2022 года. Все наши дети стали взрослыми, выросли внуки. Весной прошлого года, в год 80-летия прадеда, родилась правнучка Алиночка.

А я живу с ощущением, что не оставил меня Борис. Он по-прежнему снится мне, и сны эти светлые. Он как будто оберегает меня, но к себе не зовёт. Значит, не всё ещё я сделала, что должна

была сделать. Так что продолжу излагать «впечатления» о своей жизни.

Эпизод 1. Вхождение

Когда мы с Борей решили вместе продолжить нашу жизнь, я попросила его не оповещать мою родню о его семейном положении, так как предполагала, какой будет реакция. Потом написала домой письмо и сообщила, что приеду в Ильин день не одна, со мной будет Борис, он станет моим мужем. Ехали мы из Белова в Прокопьевск вечерней электричкой. За окном пылал красивый летний закат. Смотрела я на Бориса и думала, как воспримет его моя родня?

Мнение родни всегда имело для меня немаловажное значение. Через Усытское болото к маминому дому ходили уже затемно. Мама была не одна. На кровати в прихожей комнате спал пьяный дядя Гриша, муж её старшей сестры. А что пьяный — понятно: в престольный праздник грешно оставаться трезвым.

Постепенно Боря перезнакомился со всей моей роднёй. Младшему моему брату Толе показалось, что у него несоразмерно с головой маленькие уши. А дядя Яша, старший мамин брат, сказал: «Спасибо, Борис Николаевич, что не побрендовали (не побрезговали, значит) нашей Зоинькой». Спокойного, доброжелательного, без претензий, очень хорошо относящегося ко мне Бориса сразу приняли в мою родню. Мы ездили с ним в гости к дяде Яше, он жил в посёлке на Щёбзаводе. Гуляли там по сосновому бору, ночевали на сеновале.

В Белове через сельский райком партии, чьим органом была газета «Ленинское знамя», нам выделили одну комнату в коммунальной квартире. Пришедшая в гости в отсутствие Бориса сотрудница редакции посоветовала мне сжечь все послания Рудольфа, в числе которых было более ста писем, фотографии, стихи, рисунки... Я так и сделала, о чём потом сильно жалела. Остался мне на память только портрет «Неразгаданная тайна».

Вскоре в служебную командировку приехала в Белово ответственная сотрудница областного управления по печати. В городе тогда много было печатных изданий: городская и районная газеты, многотиражные газеты шахт, заводов и прочих предприятий. Она, узнав нашу историю, сказала, что в Таштаголе в городскую газету «Красная Шория» требуется литературный сотрудник, так как Алёшу Калинина, заведующего отделом той газеты, взяли в штат областной газеты «Кузбасс», и двухкомнатная квартира там освободилась. По её рекомендации мы поехали в Таштагол.

В редакции «Красной Шории» встретил нас редактор Борис Сергеевич Жарков, мужчина средних лет с начинающей редеть шевелюрой на

темени. Ставка литературного сотрудника в газете действительно была вакантной, и меня сразу приняли на работу, а фотокорреспондент в редакции был. Редактор посоветовал обратиться в отдел кадров Таштагольского рудоуправления по вопросу трудоустройства Бориса. И его тоже сразу приняли на работу в горный цех рудника подземным съёмщиком-замерщиком с обязанностью выполнять также фотосъёмки на поверхности шахты.

Обещанная квартира не была свободна, так как семья Калинина ещё не переехала в Кемерово, и нас поселили в гостинице. Комната наша находилась на втором этаже. Заселились мы 6 ноября, снег ещё не выпал. А когда проснулись утром 7 ноября, снежный сугроб за окном как раз достигал второго этажа, и прокопанные дорожки от подъездов представляли собой снежные коридоры.

Эпизод 2. В Горной Шории

В Таштаголе на пригорке в кирпичном двухэтажном здании разместились и типография, и редакция городской газеты «Красная Шория». А в соседнем с редакцией здании находилась кафе-столовая «Белочка», которую на шорский манер — с оглушением звонких согласных — все называли «Пурунтук». В этом заведении можно было не только поесть, но при желании «принять на грудь» и чего-нибудь «горячительного».

Город разделила на два берега протекающая прямо по центру река Кондома, через которую протянулись два моста. Один — мощный капитальный, по нему провозились большие грузы, но предусмотрены были там и дорожки для пешеходов. Второй мост — подвесной — крепился на берегах, а середина его свободно висела над рекой, и он здорово качался, когда шли по нему люди.

По правому берегу к конечной железнодорожной станции проложена железная дорога, по ней из Новокузнецка один раз в сутки — ночью — поезд привозил людей в Таштагол. А утром, тоже один раз в сутки, желающие могли тем же поездом уехать из Таштагола.

Город расположен в котловине между горами, склоны их застроены деревянными и кирпичными одно- и двухэтажными домами. Один район на левом берегу стали застраивать пятиэтажными домами и назвали тот район подобно московскому — «Черёмушки».

В том районе и получили мы свою двухкомнатную квартиру на улице Мира в доме № 11. Родне моей понравился факт нашего переезда в Горную Шорию, и повалила к нам вся родня в гости: зимой — кататься на лыжах, летом — рыбачить на горных речках, ловить тайменей и варить уху. Переехав

в Таштагол, мы не почувствовали оторванности от друзей и знакомых.

На первом же общегородском мероприятии, проходившем во Дворце культуры «Горняк», расположенном на правом берегу, встретились с братом моего одноклассника Жени Щёголева — Валерой, который на два года раньше нас окончил школу, а потом — медицинский институт и теперь возглавлял в городе коллектив детской консультации и был уважаемым главным педиатром в Таштаголе. Жена Валеры Галина тоже окончила мединститут и была провизором, работала в аптеке. С семьёй Щёголевых мы жили в одном доме, только в разных подъездах, дружили семьями с обоими братьями. У Валеры было два сына, у Жени — одна дочь. С Женей Щёголевым в Таштаголе случилась беда. Он пошёл на охоту зимой, а на голове его была лисья шапка. Другой охотник принял его передвигающуюся в кустах голову за лису и выстрелил, поразив его насмерть.

В редакции я встретила с бывшей сокурсницей по Новокузнецкому пединституту Валею Форсюк, которая теперь была женой фотокорреспондента Толи Воронкина и работала в редакции корректором. Коллектив редакции был разновозрастной: старейшими в нём были бухгалтер Смакотина Екатерина Петровна и корреспондент Алексей Савельевич Саломатников, очень приветливый мужчина лет пятидесяти, компетентный по многим, касающимся работы вопросам, но не продвигавшийся по карьерной лестнице из-за пагубного пристрастия к спиртному. Заместителем редактора был Пётр Столповский, молодой, энергичный и симпатичный мужчина, по всем параметрам соответствовавший этой должности. С женой и дочкой он жил в доме чуть выше нашего по склону горы.

Мы семьями ходили в гости друг к другу. Николай Сибилев, приземистый мужичок, чуть исподлобья смотревший на людей, занимал должность заведующего промышленным отделом. Заведующим отделом культуры, быта и писем в редакции трудился местный поэт Олег Максимов, называвший себя сыном молдаванского господаря. Ответственный секретарь газеты Валентина Фёдоровна Фролова, как и Савельич, тяготела к рюмке, но работу свою выполняла исправно.

Мы с Борисом обзавелись в Таштаголе широкими шорскими лыжами, подбитыми снизу мехом так, чтобы можно было на них легко и свободно идти вперёд, но скольжению назад препятствовал ворс, как говорится, против шерсти не попрётся. Коллеги Толя Воронкин и Олег Максимов предложили однажды нам с Борей пойти с субботы на воскресенье в поход на лыжах по зимнему лесу с ночёвкой. Ребята знали, что недалеко от Таштагола в лесу жил одинокий финн, которого сослани сюда или сам он от властей спрятался в тайге, и у него часто на ночёвку останавливались туристы вроде нас. Фами-

лия финна была Нокки, и он пояснял, чтобы запомнили его фамилию: «У вас ноги, а я — Нокки».

От финна возвращались утром следующего дня. Лёгким морозцем за ночь опушило деревья. Зачарованный, в зимнем великолепии стоял лес. Шли мы осторожно, чтобы не нарушить эту красоту. Но стоило кому-нибудь лыжной палкой коснуться хотя бы одной ветки, как сверху обрушивался поток снежного инея. Ребята прихватили с собой сухих щепок, чтобы развести костёр на снегу, но их оказалось недостаточно для костра, а хворост искать под толстым слоем снега не стали.

Творческий состав сотрудников «Красной Шории» часто менялся. Одни уезжали, другие приезжали. Всесоюзный профессиональный журнал «Журналист» публиковал на своих страницах вакансии всех печатных изданий страны. Вот газетчики и переезжали из одной территории в другую, кочевали по всей стране. Вскоре из Таштагола уехала семья Столповских. Вместо них в ту же квартиру и на должность заместителя редактора приехал Владимир Артемьев с семьёй, а затем по его приглашению с молодой женой прибыл в Горную Шорию из Прибалтики Харри Гримс.

По какой-то причине уволилась из редакции Валентина Фролова. Ответственным секретарём в «Красной Шории» стал посланец юга армянин Слава Алтунянц. В Ростовскую область переехали супруги Воронкины, и Борис решил на постоянную работу в редакцию на должность фотокорреспондента. Позднее откуда-то с юга же приехала в Шорию выпускница факультета журналистики МГУ Светлана Ткач. Вот так и работали в таёжном горном Таштаголе представители разных уголков большой страны.

В Горную Шорию из Новокузнецка проложены две железнодорожные ветки. Одна — вдоль реки Томь — на Междуреченск и далее — на Абакан. Вторая — вдоль реки Кондомы — на Осинники, Мундыбаш, посёлки Темир-Тау, Каз и — на Таштагол. Начальником этого участка железной дороги в то время был будущий губернатор Кузбасса Аман Гумирович Тулеев. Во всех посёлках действовали горнорудные шахты, откуда железная руда поставлялась на Кузнецкий металлургический комбинат. А в Мундыбаше на аглофабрике руду обогащали. Все горнорудные предприятия территории были цеховыми подразделениями КМК, и материальное обеспечение посёлков и города Таштагола тоже шло через Новокузнецк и КМК.

«Красная Шория» на своих страницах освещала не только производственные вопросы, но также жизнь, быт, интересы местного населения. Шерегеш в то время был одним из рядовых посёлков Таштагольского района, не было и намёка на статус его как горнолыжного курорта федерального значения. До Чугунаша ходили электрички выходного дня из Новокузнецка, Ке-

мерово, Новосибирска.

В Шалыме открылась турбаза «Медвежонок». Привлекательным для туристов местом всегда были «Спасские столбы». Раньше здесь на речке стояли драги, старатели мыли золото. А так вообще любой уголок Горной Шории и сейчас является прекрасным для отдыха местом. Но связь с отдалёнными горными посёлками в 60-е годы прошлого века осуществлялась только по железной дороге и по воздуху, так как через горы не были ещё проложены автомобильные дороги. И журналистам местной прессы только вертолёт и можно было долететь до отдалённых посёлков.

В Таштаголе у нас родились старшие дети. Дима появился на второй год нашего пребывания там. Лето 1969 года было жарким, хотелось в реке купаться, загорать. Так в чём проблема? Река-то рядом. Но с большим животом нагишом на люди не выйдешь. Я нашла выход: во второй половине дня по висячему мосту переходила на правый берег, забиралась на высокую гору, что хребтом тянулась по всему правобережью, и загорала, никем не видимая, а мне сверху всё было видно.

Эпизод 3. Рождение сына

В последнее воскресенье июня народ отмечал День молодёжи. Мы с мужем, совсем ещё не старые, танцевали на площади возле Дворца культуры «Горняк». А на следующий день, в понедельник, решили сходить на вечерний сеанс в кино на только что вышедший в прокат фильм по Достоевскому «Братья Карамазовы», который в Таштаголе сразу переименовали на шорский манер в «Братьев Камзариковых». Но осуществить эту задумку нам не удалось: у меня начались схватки. По капитальному мосту перешли на другой берег, поднялись в гору к родильному дому. Меня там сразу приняли. Всю ночь продолжались схватки. Сын родился утром 2 июля в 6 часов 05 минут, вес — 3 кг. 200 гр., рост — 50 сантиметров. После родов я сильно заболела. Меня лихорадило: трижды за сутки до 40 градусов поднималась температура, а потом опускалась до 38-ми. Причём при подъёме температуры меня знобило, при снижении — пот лил градом. А потом наступало облегчение.

Роддом стоял на склоне горы, его окна с одной стороны выходили на подъём, а вид изнутри здания упирался в гору. Поэтому в минуты облегчения я, не вставая с кровати, видела своего мужа сидящим на пригорке на уровне моего окна. А в окна с другой стороны здания обозревалась местность, уходящая под уклон. Оттуда хорошо был виден наш дом за Кондомой и балкон квартиры на четвёртом этаже. Вечерами в сумерки я с тоской смотрела на свет в окне своей квартиры. Выписали нас с сыночком только 16 июля. Свой 25-й день рождения я провела в роддоме.

Эпизод 4.**Традиции и наши странности**

У нас в народе бытует традиция: вышедшие из употребления детские вещи передавать родным, друзьям, знакомым, кому они в данный момент нужны. Вот и нам с рождением Димы от Щёголевых «перешла» детская кроватка, от Юры со Светой — коляска летнего и зимнего вариантов. Новые таштагольские приятели Гольцовы принесли «на зубок» тёплое детское одеяло, Социгашевы — пуховую подушку. Сын наш, слава Богу, рос здоровым и спокойным, не беспокоил по ночам, до года находился на грудном вскармливании, в год и месяц пошёл ножками.

Как-то раз, гуляя по городу с ребёнком в коляске, я увидела на афише возле кинотеатра, что там идёт фильм по одноимённой повести Льва Толстого «Живой труп». Мне страсть как захотелось посмотреть этот фильм, а ребёнка оставить не с кем, муж на работе. Два дня я наблюдала, как сын мой спал днём, а на третий день решилась. Накормила ребёнка, уложила в кроватку с зарешёченными боковинами, дождалась, когда он уснёт, и «рванула» в кинотеатр. Весь сеанс сидела, как на иголках, но фильм досмотрела. Как пуля вылетела из кинотеатра, прилетела домой, а сын мой, на какой бочок я его положила, на том боку и продолжал спать. Вот такие странности происходили со мной в те поры.

С мужем моим случалось тогда нечто подобное: время от времени он впадал в состояние бесшабашности и совершенно не задумывался, как это отразится на близких. Однажды в выходной день мы находились дома. Моя мама приехала к нам погостить. Я приготовила обед, садиться бы за стол, хватились, а хлеба дома нет. Боря быстро собрался и бегом устремился в соседний дом, где был хлебный магазин. Но прошёл час, а Бори с хлебом нет. Вот уже второй час на исходе, а мужа нет как нет. Теперь бы можно было и из Шалыма, и из Белькова вернуться пешком, а его всё нет... Уж не случилось ли чего?

Собралась и пошла мужа искать. Зашла в хлебный магазин, там нет его. Пошла дальше по улице, дошла до «Бурундука», зашла в кафе-столовую, а там супруг мой сидит за столом с фотографом из местного комбината бытового обслуживания, на столе перед ними распечатанная бутылка водки, два стакана с налитой очередной порцией веселящего зелья и какая-то закуска в тарелочке.

Недолго думая, я подошла, села на свободный возле Бориса стул, взяла стакан с приготовленной для него порцией, выпила и протянула руку за бутылкой, чтобы налить себе ещё. Тут муж мой встал, взял меня под руку и сказал: «Пойдём домой». А я и не возражала.

Эпизод 5.**Мария Петровна**

Вместе с детской кроваткой от Щёголевых к нам перешла и Мария Петровна — няня, которая присматривала за их сыновьями, когда они подрастали. А теперь мне подошла пора выходить на работу, и няня потребовалась нам. Обсудили условия оплаты услуг няни: договорились за 25 рублей в месяц (в то время это была вполне приемлемая цена) с питанием и проживанием у нас. Мария Петровна сама предложила включить в ту же сумму и приготовление обеда для семьи, она раньше была поваром и любила эту работу.

Родом Петровна (так, по отчеству, звали её в прежней семье, так же стали обращаться к ней и мы) была из Полтавы, вспоминала молодость, пела украинские песни, когда за столом в кругу наших гостей выпивала рюмочку — другую. А про войну никогда не вспоминала, хотя жила на оккупированной территории. Мы не расспрашивали её об этом и о причине переезда в Сибирь, тоже ничего не знали.

Ко мне и Борису Петровна обращалась по имени — отчеству. Ей нравилось жить у нас, может, ещё и потому, что Борис украинец, родители его по-прежнему жили в Винницкой области. Я ещё не встречалась со свёкром и свекровью, и Петровна говорила, что я им понравлюсь. Кто-то из её родственников жил в Таштаголе. Я видела только двух девочек, которые приходили к ней в гости, она называла их внучками. И когда Борис делал портреты горняков для Доски почёта Таштагольского рудоуправления, сделал такой же портрет и Петровне. Она осталась довольна его работой и передала тот портрет родственникам.

Эпизод 6.**Наши соседи**

Удивительные у нас были соседи. На одной лестничной площадке с нами, в квартире через стенку, жила семья художника Александра Сергеевича Тюрпекова, который основал в городе краеведческий музей Горной Шории. На стенах музея он разместил свои картины, показывающие жизнь, быт и культуру местных аборигенов — таёжных шорцев. Соседи были благодарны своему художнику ещё и за то, что при помощи изготовленного им приспособления они наносили на стены своих квартир красивый колер из разноцветных шаров. Нигде больше такой орнамент для украшения жилья не использовался. А обои тогда в наших таёжных местах были редкостью. Видимо, в малых количествах их выпускала промышленность, и они не доходили до нас.

Супруга Тюрпекова, Мария Владимировна, женщина крупных размеров и очень подвижная, сопровождала мужа во всех его походах на охоту, рыбалку и по другим надобностям. Однажды на

охоте Борис сфотографировал её руку с зажатым в пальцах трофеем — рябчиком.

Невозможно было отвести от неё глаз, когда она на огромной скорости на коньках «рассекала» по застывшей Кондоме, и только полы её шубы развевались в разные стороны. Дочка соседней Галя училась в школе, а в выходные и каникулы уходила к дедушке с бабушкой в пригород Таштагола — в деревню Кочура.

Мария Владимировна не упускала случая, когда речь заходила о дочери, рассказать, что в детстве она называла эту деревню Сикура. На первом этаже в подъезде по нашему стояку жила семья стоматолога Валентины Андреевны Мироновой. Это была стоматолог от Бога. Не зря в народе ходила молва о старушках, умеющих «заговаривать» зубную боль. Валентина Андреевна в процессе лечения проговаривала каждое своё действие и тем отвлекала внимание пациента от боли. Не зря таштагольцы с зубной болью старались попасть на приём к Мироновой.

Эпизод 7.**Шорский фольклор**

До сих пор в Горной Шории известно имя гинеколога Полины Егоровны. Много анекдотов рассказывает народ о ней и пришедшей к ней на приём шорке. Так вот, та самая шорка с зубной болью пошла на приём к стоматологу, а попала по ошибке к гинекологу. Полина Егоровна вела записи в своих документах и, не оборачиваясь лицом к вошедшей пациентке, велела ей пройти за ширму, раздеться и занять место в кресле. Та, первый раз в жизни оказавшись в таком кабинете, забралась в кресло ногами вперёд, перевернулась на живот, свесила руки с предназначенных для ног полуколец и открыла рот... У неё же зубы болели.

А ещё в этих местах популярным героем анекдотов является геолог, который в щекотливых ситуациях всегда появляется там. К примеру, прилетел на вертолёте корреспондент в Усть-Кабырзу, а там на улице бегают орава черноголовых ребятишек и один среди них рыжий. «А этот-то откуда здесь взялся?» — спросил он у стоявшей неподалёку шорки. «А его нам геолог подарил», — с достоинством ответила она.

Приведу пример нескольких частушек. Я не вполне уверена, что эти частушки вышли из уст шорского народа, скорее, «пришлые» сочинили их на шорский манер, но они занятные. Подражая шорцам, надо оглушать в них звонкие согласные.

*Мы, таёжная народа,
делом заняты своём:
Кедра лазим, шишка бьём,
бурундук сельпа сдаём.
Красной армии не служим,
шахта видели гроба,
Атом бомба не боимся,
как война — мы шур тайга.
У нас есть такие люди —*

*глаза нет, одна лица.
По Томи на лодка плавал
от Улус до Чеболса.
Сидит ворон на берёза,
его клюва чакает,
У меня милёнка есть
Толик Арбачакова.
Через речка, через мост
липовый берёза рос.
Меня милка разлюбил,
а я не буду зареветь.
Я на морда некрасивый,
от мужиков нет отбой,
Их не морда привлекает,
привлекает зада мой.
Всё кругом заморочало,
мокра дожидчика пошла,
Моя милка не приходит,
хоть бы брат его пришла.
Синьтипирь — гора большой
я мальчишкой перешла
И хороший мой товарища
я тама и нашла.*

Эпизод 8.**Накануне перемен**

Борис чаще других сотрудников редакции выезжал и вылетал в командировки. Это он объяснял тем, что каждый пишущий мог взять информацию для материала и по телефону, а он фотографировал только при непосредственном общении. Таким образом, фотокорреспондентом он побывал во многих местах Горно-Шорского района. Из Темир-Тау привёз фоторепортаж о жизни и деятельности известного астронома и метеоролога Дьякова Анатолия Витальевича, из Мундыбаша — о детском оркестре народных инструментов и его руководителе Николае Алексеевиче Капишникове. Публиковались его иллюстрированные снимками материалы из Апхуна, Учулена, Амзаса, Тенеша, Тельбеса и других посёлков.

А мне в это время пришлось поработать в редакции корректором, так как командировки были противопоказаны: я готовилась в очередной декретный отпуск.

Вспоминая, как болела после первых родов, для осуществления этого важного события во второй раз решила поехать рожать в Прокопьевск. А у мамы в доме в те дни развернулась работа по изготовлению домотканых половиков из нарезанных ленточками матерчатых остатков от шитья и вышедших из употребления предметов одежды.

В комнате стоял ткацкий станок, съехались помощницы: тётка Саня (Александра Игнатьевна, старшая мама сестра), тётка Зоя (Зоя Вячеславовна, жена мамино младшего брата Макара Игнатьевича) и Маня (наша самая старшая двоюродная сестра, дочь покойной маминой сестры Татьяны Игнатьевны).

Каждая из них по очереди сидела за ткацким станком, другие резали ножницами тряпье и сматывали в клубки. При этом они пели старинные песни.

Особенно искусной певуньей была Зоя Вячеславовна, в её исполнении я впервые услышала популярную в наши дни песню «У церкви стояла карета». Она рано стала сиротой, отец погиб на фронте в Первую мировую войну, а потом и мать умерла, оставив сиротами двоих детей — Зою и младшего Андрея. В те дни за работой тётка Зоя пела грустную песню:

*Зачем сидишь ты до полночи
у растворённого окна,
И вдаль глядят печально очи,
туманом даль заслонена?
Кого ты ждёшь, по ком, тоскуя,
заветных песен не поёшь?
И ноет грудь без поцелуя,
и ты так горько слёзы льёшь?
Зачем ты поздно порою
одна выходишь на крыльцо,
Зачем горячую слезою
ты моешь тусклое кольцо?
Не жди его, в стране далёкой
в кровавой сече он сражён.
Там он чужими одинокий
в чужую землю схоронён.*

Не менее печальной была судьба другой ткачихи — нашей двоюродной сестры Мани — Марии Ивановны Шабалиной-Ждановой. Она была дочерью самой старшей маминой сестры Татьяны Игнатьевны, которая очень рано овдовела. Муж её, отец Мани, тоже погиб в Первую мировую войну, когда Маня только родилась. Татьяна вышла замуж второй раз, но ребёнок от первого брака не был нужен в той семье, и оказалась девочка отовсюду гонимая. Она была младше моей мамы на два года, с детства была её подругой, и росли они вместе в семье наших деда и бабы.

Третьей в дружной компании ткачих была Александра Игнатьевна, вторая мамина сестра.

После того, как старшая Татьяна вышла замуж, а Дуняша (моя мама), младшая сестра, была ещё совсем ребёнком, все работы по дому легли на плечи Санюшки (так в семье звали Александру).

Она позднее рассказывала, что убежала замуж за Григория Бычкова от тяжёлой работы в родительском доме. В 30-е годы прошлого века их семья попала под раскулачиванье, и её с мужем и младенцем сыном Евгением сослали в Нарым с лишением имущества.

Однако вернёмся в наше время, где приближался мой срок родин. Ткачихи завершили свою работу и разъехались по домам.

Остались мы с мамой вдвоём. Конец марта, на улице ещё лежит снег, по ночам подмораживает. А днём вновь бывает снегопад, и метели случаются. Но весна вступает в свои права: оседают к земле сугробы, из-под них побежали ручьи.

В Усятах (окраина Прокопьевска), где я оказалась в данный момент, на дорогах уже появились лужи, и грязь начинается непролазная.

К вечеру мне что-то вдруг занедужилось. Надо бы вызывать «Скорую по-

мощь», но до ближайшего телефона с полкилометра пешком, послать позвонить некого.

Собрались мы с мамой и пошли в ночь к ближайшему телефону. Машина «Скорой помощи» подъехала к проходной находившегося в Усятах дорожно-строительного управления и повезла меня в роддом горбольницы на Тырган.

Эпизод 9.

Бог даёт нам с мужем дочь

Ирочка родилась 1 апреля 1971 года тоже утром в 7 часов 05 минут, вес 3 кг. 500 гр., рост 50 сантиметров. Хороший, весёлый день для появления нового человека. В это же число более 100 лет назад родился грустный весельчак Николай Васильевич Гоголь, настоящая фамилия которого Яновский, и сам он украинско-польско-русских кровей. А доченька наша, Ирина Борисовна Гулишевская, украинско-польско-татарских кровей, но тоже русская.

Роды у меня прошли нормально, и ребёнок доношенным и вполне здоровым родился.

Приехал Борис Николаевич на такси и увёз нас с дочкой снова в Усяты под надзор бабы Дуни. Сам же поехал на работу в Таштагол.

А здесь, в частном доме с печным отоплением, под утро помещение остывает. Воду надо носить из колодца, проблема с купанием ребёнка. Есть баня во дворе, но она находится на некотором расстоянии от дома, туалет тоже на улице.

Меня, видимо, хватануло где-то сквозняком, и температура тела вновь поползла вверх. Оставаться здесь становилось уже опасно.

Приехал наш отец, вызвал такси, и мы поехали до Новокузнецка, из которого в Таштагол ещё надо было целую ночь ехать поездом. А у меня температура уже почти запредельная.

Вызвали «Скорую помощь», и нас с дочкой отвезли в роддом уже в Новокузнецке. Здесь сделали всё возможное, чтобы не допустить у меня мастита — воспаления груди от переполнения её постоянно прибывающим молоком. Пролежали мы в новокузнецком роддоме не менее недели и наконец поехали домой.

Эпизод 10.

Быт определяет сознание

От услуг няни Марии Петровны мы отказались, когда я пришла в норму после родов.

Во-первых, потому отказались, что в семье теперь был только один работник, его заработной платы не хватало, чтобы содержать семью с двумя детьми и оплачивать услуги няни.

Другого дохода у нас ещё не было: не обзавелись ни дачей, ни огородом. Петровна с нежеланием уходила от нас. Мне даже сейчас становится не по себе, когда вспоминаю, как мы ей от-

казывали.

Диму устроили в детский сад, который находился на правом берегу, рядом с подвесным мостом, за бетонной статуей солдата — защитника Родины. Ребёнок наш недолго ходил в дошкольное учреждение и, как это часто случается с детьми, впервые попадающими в коллектив, стал прихварывать.

Вначале он оставался со мной дома, потом, ближе к лету, Борис отвёз меня с двумя детьми в Прокопьевск.

А там у соседа Лёни Уфимцева была ручная ворона, которая садилась к хозяину на плечо и голову, когда он ходил по двору. Однажды эта ворона уселась на голову Димы, когда он гулял на улице. Ребёнок сильно испугался. У него по ночам стали случаться приступы церебрастении: он во сне с открытыми глазами начинал сильно кричать, плакать, и никак невозможно было остановить этот плач, пока он окончательно не просыпался.

Потом нам подсказали, что когда сонный ребёнок начинает плакать, ему надо помочить ручки, и он проснётся. Так мы и стали поступать, и постепенно ночные истерики сына прекратились.

Стали подумывать, как дальше нам устраивать свою жизнь, и пришли к выводу, что лучшим вариантом в данный момент будет переезд на постоянное жительство в Прокопьевск. Мама к тому времени осталась в доме одна.

Мой младший брат Толя поступил и уже учился в лётном военном училище в городе Ачинске.

А в частном доме надо было и воду из колодца носить, и печку топить, и дрова рубить, и уголь на зиму запасать.

Мама была уже в старческом возрасте, кроме того, сказывались ещё и последствия перенесённой ею ранее болезни (опухоль спинного мозга с полным поражением нижних конечностей).

В пятидесятые годы прошлого века ей сделали операцию на позвоночнике, она стала ходить, но не была здоровой окончательно.

Стали мы готовиться к переезду. Продали мебель, сдали всё, что находилось у нас в пользовании. Редактор «Красной Шории» очень опасался, как бы мы не умыкнули квартиру, поменяв её на Прокопьевск, но мы по-прежнему не были наглыми и сдали её честь по чести, как и получили. Уволились с работы и переехали.

Часть 4.

В родных Усятах

В документальной повести «Брагины», опубликованной в альманахе «Усятская россось», я предложила свой вариант объяснения происхождения названия селения «УСЯТЫ» как «У — ся-СЕБЯ — ТЫ». Альманах этот с 2007 года выпускает мой брат, Анатолий Николаевич Гуляев, авиатор, полковник в отставке, военный пенсионер, в настоящее время — писатель, краевед, редак-

тор и издатель альманаха.

Мы все, дети наших родителей, крепко связаны со своими корнями и чтим места, где родились.

А теперь я со своей семьёй вновь приехала в Усяты. Меня здесь сразу приняли на работу в школу №43 учителем русского языка и литературы. И Борис без проблем устроился на шахту «Зиминка» горнорабочим очистного забоя. Я сама с первого по третий класс училась в этой школе. Моя первая учительница Нина Сергеевна Сизинцева по-прежнему работала здесь, и теперь мы с ней были коллегами. Меня в школе все приняли хорошо. И соседи, с детства знавшие меня, зауважали вдруг и меня, и мужа, называли только по имени-отчеству. Борис сразу пришёлся здесь ко двору, не чурался никакой домашней работы: сделал углярку из горбыля возле ворот, подремонтировал деревянный тротуар, носил воду в вёдрах на коромысле из колодца за речкой по мостику, по весне вскапывал огород, осенью помогал убирать урожай. Я тоже, разумеется, принимала участие в этих и других работах по дому. Мама варила к обеду суп, в воскресенье пекла пироги, и самое главное — дети наши были всегда под присмотром.

Эпизод 1.

Гостеприимный дом наших родителей

С раннего детства помню, что у нас всегда кто-нибудь гостил. Во время школьных каникул к нам приезжали дети и маминых, и папиных сестёр и братьев. Кроме того, с нами жила бабушка Капитолина — мама нашей мамы. За стол садились тесным кругом, ели жареную на свином сале картошку из общей сковороды или суп из общей чашки.

Семья дяди Макара, младшего маминого брата, раньше жила на Маганаке (так назывался городской посёлок, сформировавшийся вокруг шахты с тем же названием). Жили они там в длинном бараке с общим коридором и квартирами, расположенными по обе стороны его. Потом дядю перевели на новую шахту, а жильё для рабочих ещё не было готово. И наши родители приняли на временное жительство семью Макара Игнатьевича, в которой было пятеро детей, а шестой (сын Вячеслав Макарович) родился в доме наших родителей, у которых было своих шестеро детей, и только один из них (старший сын Виктор) учился в то время в Сибирском металлургическом институте в городе Сталинске (ныне Новокузнецк).

Родительский дом — это была изба, перестроенная из бывшего амбара, к которому пристроили ещё комнату с функцией прихожей и кухни. А к этой пристройке приделали ещё сени с кладовкой. Дверь на улицу выводила на небольшое крыльцо в две ступеньки без перил.

Продолжение следует.

Людмила ИВАНОВА

Родилась в 1961 году в семье учителей в Республике Тува, куда родители были распределены на педагогическую работу после окончания вузов. Родители скоро уехали из Тувы в Кузбасс, сначала работали в посёлке Верх-Егос Прокопьевского района, затем семья переехала в Каменный Ключ. Закончила школу на «отлично», затем — исторический факультет Кемеровского университета и стала работать в родной школе учителем истории. Проработала 33 года, сейчас на пенсии. Воспитала двух сыновей. Людмила к стихотворству долго не приступала. Публиковала по возможности в прессе статьи и очерки на литературные и исторические темы. Но в 2010 году начала писать стихи, которые были высоко оценены в родном посёлке и в районе. В 2015 году вышел её поэтический сборник «Хронология мысли». В этом же году она ездила в Москву как финалист проекта «Поэт года-2014» по приглашению портала «Стихи. Ру».

В 2021 году вышли в свет её сборники «Женская логика» и «Ручной дракон». Стихи Людмилы Ивановой публикуются в районной прессе и поэтических сборниках, в ЛХГА «Усятская россыпь». Она состоит в поэтическом клубе «Чистые родники», не раз становилась лауреатом районных и областных поэтических конкурсов.

Награды: медаль от губернатора Кемеровской области «За веру и добро», медали от главы Прокопьевского муниципального района «Благодарение матери» и «За заслуги перед Прокопьевским районом».

В 2016 году ей было присвоено звание «Человек года».

Мне не дан судьбою шаманий лад

Одна восьмая

Зелёные глаза, русый волос мой —
от русских рек;
от крови шорской, одной восьмой —
лишь скул разбег...

И там, где окутал моих праотцов
веков туман,
среди охотников и кузнецов
был шаман.

Он был смугл, молчалив и строг,
грива, как смоль,
он заговаривать раны мог
и снимал боль.

Он заколдовывал зверя в тайге,
облака разводил рукой,
травы сушил и на очаге
варил целебный настой.

А когда племя собиралось на зов
осенний — он надевал
пёстрый наряд из лоскутков
и бубен заветный брал;
заячьей лапой он в бубен бил,
духами любим,
и плясал у костра, и пел, и пил,
а духи плясали с ним.

Камлал, и счастье просил он
младенцам и старикам,
людям всех стойбищ и всех племён,
охотникам и рыбакам.
Сытые дни он в чумы звал,
здоровье, мир и покой.

И духи предков, ручьёв и скал
витами над толпой.
И металась тень, и с ними на «ты»
он у жаркого был огня,
и тихо сидела, раскрыв рты,
скуластая ребяшня...

Мне не дан судьбою шаманий лад,
мне другое дано:

я рифмую слова и их в ряд
выстраиваю заодно.

Я пишу и прошу хороших снов
младенцам и старикам,
людям всех стойбищ и всех краёв,
пахарям и кузнецам.

Всем, кто живёт на планете моей
и трудится без затей —
здоровья и мира, и сытых дней,
спокойных ночей...

А шаманская кровь стучит в виски
и волнуется, горяча...

И мой предок глядит в черновики
из-за моего плеча...

Сбылось

А ты посмотри, подивись, постой:
и впрямь — сумасшедшей, милой,
сквозной, шепотной, буйной весной
наливаются реки силой.

Не все ведь дожидили до этой поры,
а мы — дождались ненароком...

Смешные, крохотные миры,
наливаются почки соком.

И брызжет зелень в шальной рассвет
прозрачным, душистым флером,
и лунный диск в парчу одет —
сиятельным кавалером.

И птиц затейливый разговор,
и ласковой сини крепкий разговор,
и юной травы шелкОвый ковёр,
и вешиных цветов узор...

Вот это — силища! Пьянит без вина
раздолье тепла и света!

Она для людей — Божья весна,
для пахаря и поэта...

Как долгой зимою к ней сердце рвалось!
Все это мечталось
и это сбылось...

Холодная весна

Все исчезнем, растворимся, сгинем,
все... но — жизни ветреной живей —
там, на синем, нестерпимо синем —
кружево берёзовых ветвей.

Вязью паутиною, сквозною
эти ветви чувствуют весну,
светятся бесценною казною
в сонном, сонном мартовском плену...

Солнце боязливо вдоль тропинки
вечной — порывается гулять,
тонкие взвешенные льдинки
в старом санном следе оплавлять,
пухлые осаживать сугробы,
втихомолку набирая прыть,
белый подол зимней бальной робы
дырами проталин коротить.
Пусть... и ветер зол, и лёд несносен...
Освящает здешние края
злая красота холодных вёсен,
хрупкая причинность бытия.

Мощь Творца...

Вернее, чище,

кротче,

краше и суровей — нет её.

Да святится имя Твоё, Отче,
да придет царствие Твоё.

Бородино

Нам, русским ли, не знать,
что есть такое
победа, и важна ль её цена...

Уж двести лет нам не даёт покоя
кровавая заря Бородина.

«О поле, поле...» — меж твоих просторов,
Россия, меж печальных сёл и роц...

Да! Здесь явил упрямый русский норев
свою, почти что сказочную, мощь...

Да! Весело топчя твои просёлки,
или галлы, горяча коней своих,
за человеком в серой треуголке,
что был в плену иллюзий роковых —

при войске сём, доселе не побитом,
притянутом — о, Славы вечный зов! —

как будто бы чудовищным магнитом
на щедрый блеск московских куполов.

О, Муза, о, судья страды батальной!
Поведай, как на утренней заре

с веселием, с отвагою нахальной
неслись они на русские каре.

Как ядрами шипя, рвались минуты,
как глух был топот тысяч лошадей;

как на Багратионовы редуты
вели солдат Даву, Мюрат и Ней.

Как разбивались, до поры бессильны,
славянский пыл кляня на все лады,
и кирасир тяжёлые лавины,
и пехотинцев грозные ряды!

Полк за полком рвались, изнемогая,
на левый фланг. Их вышибали вон.

И попросил прощенья у Барклая
разорванный ядром Багратион.

О, есть предел — «его же не преjdeши»!
Французский фарт прославлен был не зря.

Но — вновь на развороченные флешы,
примкнув штыки, ломались егеря.

И в русский центр рвались враги, зверяя.
Вздыхались груди взорванной земли.

Курганныя пылала батарея,
и генералы рядовых вели

в штыки, крепя в отчаяньи суровом
той рукопашной бешеный напор...

И подгонял себя ядрёным словом
в жестокой схватке русский гренадёр!

И ржали кони, ужасом объята,
и рушились, сражённые свинцом,
и падали российские солдаты —
упрямо, молча, к Западу лицом.

И падали французские солдаты,
ведомые на гибель гордецом!

Широты Аустерлица... Едва ли
он их нашёл в безбрежье русских карт!

В тылу казацки шашки засверкали,
и пленных не дождался Бонапарт!

Сей факт — он мог ли вызвать перемену
в великом, но взбесившемся уме:

о русских, как о каменную стену,
расшиблась в этот день le Grande Armee...

...Седые космы наклонил Кутузов
над павшими, безвинно виноват,

и страшен был за ставкою французов
горячей кровью залитый закат.

Прошли года, и поутихли толки.

Он пил изгнанья горькое вино —
он, человек в потёртой треуголке,

угрюмо вспоминал Бородино.

«Да, гвардия, резерв... Тогда б, не споря,
их бросить в бой —

и вырвать торжество...»
И таяла в рассветном шуме моря
последняя иллюзия его...

Петербург

Души и духа хирург,
стой, господин Петербург!

Пой, золотая цевница —
сердце в конце мизинца...

Тяжкие сфинксы и львы,
тяжкой романтики вес.

Сизое небо Невы,
синие волны небес...

Город роскошный, острожный,
похожий на сон...

Город, вполне невозможный,
город-трон!

Тыщами, тыщами жизнью оплачен
в воде и огне...

Тенью Петра обозначен —
фантом вдвойне.

Город, приравненный к хлебу
навсегда.

Город, пришипленный к небу,
как звезда.

Цепи совести
тяжелее золота.

Город гордости.

Город голода.

Город, который знает
веру и честь.

Город, которого не бывает,
который есть!

Владимир САХАРОВ

Родился в городе Волгограде в 1955 году. Жил в Волгоградской области, где окончил среднюю школу и СПТУ-18. Работал в сельском хозяйстве и на стройках. В настоящее время на пенсии. Проживает в г. Суrowикино Волгоградской области. Стихи начал писать в 2015 году. Мощные, до надрыва произведения автора проникают в душу и трогают самые потаённые струны. Член литературного клуба «Живой родник» г. Суrowикино. Публикуется в районной газете «Заря», в альманахах «Казачья сторона» (г. Суrowикино), «Сентября» (г. Новоаннинский), «Верхний Дон» (станция Вешенская Ростовской области).

Как бывает на войне...

Гражданская война

Мчит УАЗ, асфальт в воронках, каска, мокрая спина,
Песня Игоря Талькова «Идёт гражданская война».
Смотрят слева, смотрят справа через танковый прицел,
Волонтёры, волонтёры, жми на газ, покуда цел!

Хуторок стоит в низинке, будто больше негде встать,
И всего одна старушка не желает уезжать.
Ей за восемьдесят точно, но шустрит не по годам,
За дорогой на погосте муж её лежит, Степан.
— Здравствуй, баба Пелагея, не пора ль тебе съезжать?
Надоело на нейтралке нам здоровьем рисковать.
— Вы раз взялись волонтерить, волонтерьте до конца,
Вот помру, тогда свезёте от родимого крыльца.
Объясните, мне от Стёпы уезжать что за нужда?
С той большой войны мы с мужем друг от друга никуда.
Он пришел, геройский парень — бабы мимо не пройдут:
Две медали «За отвагу» просто так ведь не дадут!
Возле города Торгау, хоть сапёр, а повезло,
Слава Богу, жив остался, руки лишь оторвало.
Я была совсем девчушка, из родни — мой дом да я,
Гимнастёрку дал заштопать, вот и стали мы семья.
Языков чужих не слушал и зазря не обижал.
Знать, любил, а как иначе? Только деток Бог не дал...
В огороде мне весной помогал по мере сил:
Он картошку по бороздкам сам зубами разносил.
Задыхался, правда, быстро; жалко было, хоть кричи.
Из его нутра осколок не смогли достать врачи.
Семь годов мы с ним прожили, правда, год он не вставал.
Замуж? Нет, его любила, только деток Бог не дал.
Как же я его оставляю? Кто к нему ещё придёт?
А помру я в том Донецке, кто меня к нему вернёт?
Вам спасибо и за свечи, и за сахар, и за чай,
А меня кладите к мужу, коль помру я незначай.

Ну а вскоре в хуторочке, как бывает на войне,
Две разведки повстречались в предрассветной тишине.
Под окошками у бабки, хоть крестись, хоть не крестись,
Два задания секретных врукопашную сошлись.
Брату брат штык-нож меж ребёр, помяная его мать,
И прикладом с разворота — вот теперь ему не встать.
В темноте да в суматохе не поймёшь, кто ты такой,
Был один из них «укропом», «колорадом» был другой.
И второй недолго прожил, и над ним ударил гром —
На сапёрную лопатку он наткнулся кадыком.
Та лопатка в лунном свете, вспыхнув яркою звездой,
Разрушила нитку жизни между телом и душой.
Как-то всхлинул, что-то булькнул, кровью брызнул — всё, хана,
Рядом с братом завалился — их война завершена.
А вокруг идёт «потеха»: выстрел, стон, мать-перемать,
Этой ночью многим мамкам трудно будет засыпать.
Вот и наша Пелагея, нет бы тихонько сидеть,
На свою беду решила из оконца посмотреть.
Пуля-дура сквозь окошко укусила бабку в грудь,
Тихо охнула старушка — что ж, пора в последний путь.
Все бумаги за божницей волонтеры соберут,
Без поминок, прямо к мужу, как просила, отвезут.

В переулке всё стихает, и рассвет уже брезжит,
Кто живой — к своим хромает, кто не очень, здесь лежит.
Светлым днём парламентары и от тех, и от других
Соберутся, всех поделая на своих и на чужих.
Как положено, оформят, «грузом двести» назовут
И домой ребят отправят, где их любят, где их ждут.
Братьев тоже по прописке, прямо к дому привезут,
На погосте речи скажут, поклянутся, салютнут.
Новых два креста вкопают рядом с дедом и отцом,
На одном — «Героям слава!», «Слава павшим!» — на другом.

А в ближайшем городишке в тесной «двушке» у окна
Постарела, поседела, сгорбившись, сидит она —
Мать, ей выпало на долю пережить своих детей,
Но остались ей два внука от обоих сыновей.
И теперь в гостях внучата, чтоб бабулю веселить,
Что-то сильно расшумелись, вроде, нечего делить...
«Ты москаль, раз ты не скачешь!» — старший младшему кричит, —
Коммуняку на гиляку!». Младший дуется, молчит.
Наконец не удержался, разревелся, подбежал,
Бабушке в подол уткнулся, что-то там забормотал.
Не поймёшь, что он бормочет, только слышно: «Тю да тю»,
Наконец-то разобрала: «Не забуду, не просто»...
Зарыдала, застонала: «Что ж вы сделали, сынки,
Майданутые укропы, колорадские жуки?».

Материнская память

Весенним днём у сельского колодца
Не рано, аккуратно как рассвело,
Без шума, без оповещения
Собралось, почитай, что всё село.
О чём-то шепчутся сельчанки,
Сельчане хмуро папиросы жгут,
Не праздник, вроде, не поминки,
А все чего-то напряжённо ждут.

Из переулка показалась тётка Фрося,
Поспешным шагом подошла,
Сказала: «Здравствуйте!», глазами поискала,
Увидела и громко позвала:
— Веруня, деточка, пошли со мною,
Мне от Ванюши весточка пришла.
Я ж в грамоте совсем не разумею,
Ты письмецо бы это мне прочла.

К глазам косынки приложили бабы,
Смущённо закричали мужики,
По Гитлеру прошёлся матом
Солдат с медалью на груди.

А тётка семенила рядом с Верой,
Как будто опасаясь не успеть,
И сокрушалась: «Муж читать был мастер,
Да под Москвою встретил свою смерть».
Зашли. В хатёнке чисто и опрятно.
Дает Веруне со стола листок:
— Садись и прочитай погромче,
Чего там сообщает мне сынок.
— Тётъ Фрося, это не от Вани.
Тут командир вам написал,
Что рядовой Ивац Иванович Егоров
Под Ленинградом без вести пропал.

— Пропал... — как эхо, повторила. —
И как же это я должна понять?
Они там, видно, белены объелись,
Такое матери писать.
«Пропал» — что значит? Потерялся?
Так, стало быть, должны искать.
Чай, не иголка в стоге сена —
Ванюшку издала видать.
Ты ж помнишь, как по всей округе
Его дразнили каланчой?
Он как подсолнух в чистом поле
С его-то рыжей головой.
Возьми-ка, Вера, карандашик
И вон тетрадочку мою.
Сейчас я им по-матерински
Всё без стеснения отпою.

В том месяце майор гвардейский
Подробное письмо прислал,
Про Петю мне, про старшего сыночка,
Всё чин по чину описал.
Что был неизмеримо храбрый
И смерть геройскую принял,
Что похоронен в братском погребеньи,
И адрес точный указал.
Он так сумел на поле боя
Свое героическое проявить,
Что генерал велел своим приказом
Медалью смертной Петю наградить.
А у Ванюши командир, видать, беспутный,
Такого надо б сразу заменить.
Своих детишек, видно, не имеет,
Вот и не может за чужими уследить.
— Кто там подписан? Прочитай-ка, Вера!
— И. о. комбата старшина Линёк.
— Ты погляди, и звание большое,
А позаботиться как следует не смог.
Ты, раз старшой, так соответствуй,
Ты для солдатов должен быть отцом.
Когда у нас мальчонка заблудился,
Так мы искать его ходили всем селом.
Они там думают, у нас бездонно?
Бери, сколь хочешь, молодых парней?
И так плуги вон на себе таскаем
И мужиков поотдавали, и коней.
Ещё скажи, что я, когда сердита,
Не пожалею чистого листа
И отпишу всё даже генералу,
Уж он тогда накрутит им хвоста!
Солдат пропал, а им и горя нету.
Ох, чуёт моё сердце, не найдут.
Но ты их пропесочь построже,
Глядишь, кого другого сберегут.
Чего-то мне в виски заколотило,
Давай-ка уберем всё в сундучок.
Ты, как пойдёшь, то с улицы от солнца
Мне ставенку защёлкни на крючок.
Шажок, другой, шагнула и застыла,
Как будто что-то стало невдомёк,
Рукой слегка висок потёрла,
Опять шагнула, оглянулась на порог.
— Веруня, а ты зачем же приходила? —
В её глазах застыл вопрос.
— Тебя проведать, тётъ Ефросинья.
— Ах ты, забота! Ну спаси тебя Христос.
Сорокалетняя Веруня,
Глотая слёзы, шла домой,
А сердобольные сельчане
Понятливо качали головой.
Такая вот болезнь у Ефросиньи —
Она не помнит, почему живёт одна,
Но в день последней весточки о сыне
К ней возвращается война.
Врач объяснил, что амнезию
Ещё не научились мы лечить
И что, наверно, это даже лучше,
Ведь не любое горе можно пережить.
Для матери в болезни той спасенье,
Иначе и её убьёт война.
Двадцатилетие Победы
В тот год отметила страна.

Источник:
Всероссийский литературный конкурс «ГЕРОИ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»
Сборник работ полуфиналистов и финалистов
Часть 1
2017 год.

Вячеслав ЕЛАТОВ

Елатов Вячеслав Иванович родился 6 мая 1939 года в городе Баку. После окончания средней школы обучался в техническом училище, работал электромонтёром, рабочим... Образование – высшее, окончил Ленинградский государственный университет и Иркутский институт иностранных языков. С 1966-го по 1991 годы работал учителем русского и английского языков и литературы в средних общеобразовательных школах, в том числе, продолжительное время, в средней общеобразовательной школе № 25 в городе Прокопьевске. Литературным творчеством – прозой, поэзией и публицистикой начал заниматься после выхода на пенсию, с 1993 года. Свои литературные наработки и материалы публиковал в Кемеровском областном литературном журнале «ОГНИ КУЗБАССА», Кемеровской областной газете «ЗЕМЛЯКИ», прокопьевских городских газетах «Шахтёрская правда», «Народовластие» и Литературно-художественной газете Альманах «Усытская россыпь».

В 2014 году в Новокузнецком книжном издательстве «Союз писателей» увидела свет первая книга Вячеслава Ивановича Елатова «ОСТАЮСЬ УЧИТЕЛЕМ», объём которой немногим более 220 страниц, на которых разместились 18 литературных разработок и статей автора.

Усытский самородок

У прокопьевского журналиста, краеведа, прозаика и стихотворца Анатолия Гуляева вышла третья книга – «Из истории Сибири и Кузнецкого края». Новинка вышла в трёх томах. Первые два тома я оставляю на рассмотрение краеведам и историкам. В качестве заинтересованного читателя отмечу лишь два очень важных, с моей точки зрения, момента: обилие справочного материала и ссылок на литературу, а также тщательную работу с архивными источниками.

Что касается третьего тома, то в нём Анатолий Гуляев представлен как автор литературных произведений, и мой отзыв будет естественным продолжением разговора, начатого в статье о второй его книге «Как рождалась корабельная авиация России»: «В результате успешного "вертикального взлёта", – писал я тогда, – Гуляев продемонстрировал способность работать как с документальной прозой (главным образом в её лирической ипостаси), так и – пока ещё с заметной робостью – с типизированными ситуациями и персонажами. В пятой части ему удалось – таки в определённой степени оторваться от мышления фактами и только фактами. Не берусь предсказывать, в какой области он предпочтёт совершенствовать своё мастерство в будущем. Но сделано такое крутое начало, про которое говорят – половину откачало»¹.

Половину откачало, когда не только был пройден рубикон, отделяющий журналистское расследование от художественной литературы, но и стала осязательной грань между документальной прозой и беллетристикой, то есть станковым искусством слова, между отдельными положительными или отрицательными примерами и типическими характерами, между «вот, мол, как оно было» и «вот, дескать, как оно обычно бывает», между неопровержимостью единичного факта и чудотворной силой художественного обобщения.

Что осложняло моё чтение на этот раз? Опечаток практически нет, стилистические погрешности тоже большого беспокойства не доставляли; рассказчик Гуляев довольно опытный, и с этой стороны трудностей в восприятии текста не

возникало... Однако надо же для пушей важности к чему-нибудь придраться...

Эврика! К досадным оплошностям, например, я отношу отсутствие дат создания того или иного литературного произведения. Литературоведы в процессе своей рутинной исследовательской работы с разной степенью точности потом устанавливают эти даты, но художественная литература пишется ведь не для них, а для читателей. У Гуляева, как правило, мы встречаем указания на то, когда и где происходили описываемые события – но когда он об этом написал? Например, кто-то изгаляется, щеголяя своим литературным мастерством, над советским прошлым; но когда это было написано: при советской власти (пусть даже в стол) или после её свержения?

Что бы ещё пристегнуть в качестве непростительной погрешности?.. Нашёл! К таким же досадным «мелочам» я отношу и ту жанровую неразбериху, которую Гуляев продолжает поддерживать в читателе. Например, «Распутица» – это не повесть, а замечательная – не оторвёшься! – документальная повесть. Разница продиктована отличием документальной литературы от станкового словесного искусства. Зачем тащить за шиворот прекрасно написанный текст на не свойственное ему место?!

Во втором томе «Из истории Сибири» Анатолий Гуляев вспоминает, как на первых порах ему помогала учитель русского языка и литературы прокопьевской школы № 25 Анна Никифоровна Котлярова, как она была строга в предъявляемых к нему требованиях: «Вы – писатель, хранитель и носитель русского языка, поэтому будьте любезны... Русский язык – точная наука, такая же, как и математика с физикой. Он заслуживает уважения к себе. Учитесь, учиться никогда не поздно»². Похоже, что этот урок пошёл – таки ему впрок... Но...

Однако такой же аккуратности требует по отношению к себе и литературоведческий инструментарий: следует разбираться в литературных жанрах, чтоб не плестись на поводу у подброшенной нам из-за бутра пресловутой «нон фикшн», где нишу традиционных

представлений о документальной прозе заняла свалка всего, что противопоставлено художественной литературе, да ещё с претензией на превосходство перед нею: «Литературовед из Рязани Елена Сафронова в статье «Без вымысла, но с фантазией» ссылается на обозревателя Константина Мильчина, который ещё в 2010 году заметил, что литературный жанр "нон фикшн" уже тогда находился на волне популярности. Но вот прошло уже добрых шесть лет, и пыль, поднятая до небес этой очередной шумихой, стала понемногу укладываться»³. Так я писал в 2016 году. Как видим, прошло ещё пять лет до третьей книги Гуляева, а воз с жанровой путаницей и ныне там. А если и сдвинулся чуток, то опять встал: автор, например, безошибочно отделил от беллетристики указанием на жанр эссе «Из "волчат" вырастают "волки"». А вот с жанром «Распутицы», например, произошёл сбой...

Утолив критический зуд, когда придраться, по большому счёту, уже и не к чему, задержу внимание читателя на общем впечатлении, которое оставляет по себе чтение литературных произведений Анатолия Гуляева. Чтение это, во-первых, очень увлекательное, когда трудно остановиться и не последовать за автором не только вслед за развивающимися событиями, но и в ногу за рассказчиком, который не преминет поделиться с читателем и своим отношением к происходящему. В одних случаях это будет захватывающая интрига, в других – проникновенные авторские отступления, где сочинитель либо рассчитывает на читательскую поддержку в решении возникающих проблем, либо доверительно сообщает нам о своих сомнениях и разочарованиях.

Увлекают порой сами названия рассказов. Я, например, так и читал их: загляну в содержание, зацеплюсь за какое-нибудь название и спешу открыть и прочесть, как это мы, например, Черчилля победили. И что интересно: при всей невероятности фабулы, которая заинтриговала самого Верховного Главнокомандующего Сталина, рассказ производит впечатление такой достоверности, будто если это и не я,

читатель, то автор уж наверняка присутствовал при встрече героя рассказа и с премьер-министром Великобритании Черчиллем в Лондоне, и со Сталиным в Кремле... Сидел где-нибудь в сторонке, помалкивал, слушал, о чём говорят собеседники да мотал себе на ус...

Та же магия присутствия глубоко под землёй в шахте вместе с героем рассказа «Дядя Саня и молоток». Попробуйте представить, ещё не читая, а только по названию, о чём там пойдёт речь? И то же удовлетворение после прочтения: рассказчик и тут оказался на высоте, мы на одном дыхании проглотили рассказ, переживая за шахтёра и не забывая при этом о втором действующем лице. Не менее интригующим представился и рассказ об усытском мужике, но, в отличие от предыдущего, во время чтения я не переживал за героя, а ждал с улыбкой от него чего-то такого-этакого... Рассказчик и тут не обманул моих ожиданий: Да!.. уж... Это же надо!..

Трудно остановиться в подборе примеров увлекательного чтения, но ещё об одном мне не терпится упомянуть. Называется он «Туннель Тарубарова». Думаете, о каком-нибудь знаменитом строителе? Ничего подобного! Олётчике. Думаете, он, как Чкалов под мостом, пролетел на своём самолёте в туннеле? Ошибаетесь! Так за какие заслуги и кто назвал в его честь туннель? И как он на это отреагировал? И что по этому поводу думает автор? И какие чувства вызвал у нас и на какие мысли навёл этот незатейливый, но с подтекстом рассказ?

Чтение гуляевских рассказов и повестей – отнюдь не развлекательное занятие. Напротив, оно исполнено всепроникающей назидательностью, которой мы с некоторых пор под тлетворным влиянием наших забугорных наставников стали чураться. Актуальной, например, для нас сегодня стала тема чеховского Ионыча, тема деградации «человеческого фактора», как нам нередко теперь сообщают. Этой теме посвящён роман Сенчина «Ёлтышевы». Не обошёл эту тему и Гуляев. В рассказе «Кирюша» мы читаем о грус-

твой истории расчеловечивания молодого, как Старцев у Чехова, способного, подающего надежды человека. Очевидно, в нём изначально была какая-то червоточина, которая и дала о себе знать, когда обстоятельства, казалось бы, изменились к лучшему. Материально, да, преуспел; но духовно, увы, измельчал дальше некуда. И никто из окружающих не способствовал его падению; наоборот, пытались удержать, но тщетно. Очевидно, не был он, как пишут в характеристиках, морально устойчив.

Галерея морально не состоявшихся антигероев проходит перед читателем в рассказах «Нюркина любовь», «Цена жизни» и «Полный расчёт, до копейки» (последний своим сюжетом напомнил о фильме, где герой, воршиловский стрелок, самочинно расправляется с насильниками). Рассказы «Позднее прозрение» и «Запоздалое извинение» на этот раз напомнили о че-

ховской же «Попрыгунье». О теме запоздалого прозрения, когда уже ничего нельзя изменить, можно говорить и в связи с образом Иудушки Головлёва в романе Салтыкова-Щедрина. В таком классическом контексте рассказы прокопьевского прозаика набирают силу воспитательного воздействия на читателя.

Отбирая примеры, где воспитывающая роль художественной литературы выходит на первый план, не могу не задержать внимания читателя ещё на двух рассказах Гуляева. В одном из них («Мир не без добрых людей!») ущербному в нравственном отношении персонажу противопоставлены наконец люди деятельного добра. Такими характеристиками полнилась литература социалистического реализма, в сторону которого наша современная литература медленно, но неуклонно разворачивается сегодня. Похоже, что каким-то боком этот процесс коснулся и нашего проза-

ика. Другой пример («Может, так и должно быть?») подкупает искренностью и доверительным отношением к читателю. Речь идёт о школьном воспитании. У автора нет ответа на поставленный вопрос, его терзают сомнения... Вероятно, и в читательской аудитории не будет единодушного ответа... Но не спросить об этом он не мог: на то он и писатель!

Кроме увлекательности и назидательности, у прозы Гуляева есть ещё одно положительное свойство: чтение это, к тому же, в высшей степени познавательное.

Богатый жизненный опыт автора, прошедшего путь по восходящей от сельского пацана до кадрового офицера ВВС, подкрепляется глубокими познаниями в истории родного края и активной жизненной позицией.

Ему есть о чём рассказать читателю, и он умеет это делать, чему примером могут служить документальные

повести «Распутица» и «Месть», написанные на основе краеведческих материалов.

Что ещё я мог бы сказать о писателе-самородке вдогонку отклику на вторую книгу Анатолия Гуляева? Полку наших земляков-писателей прибавлю! И пополнение вполне приличное. А мой вам в заключение совет: не плетитесь за мной на поводу; не заглядывайте в содержание, пока не прочтёте эти две документальные повести, о которых я вам, уважаемые читатели, так ничего и не рассказывал... Приятного чтения!

10 марта 2022 г.

1 Вячеслав Елатов. «Вертикальный взлёт» — Прокопьевск, альманах «Усятская россыпь», 2019, № 16.

2 Гуляев А.Н. «Из истории Сибири и Кузнецкого края». Том II. — Прокопьевск — Новокузнецк, 2021.

3 Вячеслав Елатов. «Читать нельзя выбрасывать». 2016. — Прокопьевск, альманах «Усятская россыпь», 2019.

Прощальный венок

1

Богиня парка прясть оборвала!..
Какое-то неловкое движенье,
Последнее души твоей волненье —
И вдруг из-под колёс ушла земля...

Не заалеет поутру заря,
Не упорхнёт ночное сновиденье,
Не воскресит святое песнопенье
И не спасёт мольба у алтаря.

Ведунья парка прясть разъединила...
Ты здесь ещё, ты с нами, ты живой —
И в тот же миг она тебя сгубила...

И свет погас. И вечным стал покой.
Но горьких слёз она по нём не лила,
Откинув нить небрежной рукой.

2

Откинув нить небрежной рукой,
Красавица над прялкой замирает:
Удивлена, как скоро увядает
Сражённый роком стебель молодой.

Кокетливо склонившись над водой,
Своё лишь отраженье различает;
А он уже в пучине исчезает,
Влекомый быстротечною струёй.

А может быть, ночное покрывало
Раскинув у себя над головой,
Шалунья за работой задремала...

Полжизни парка унесла с водой,
Живую плоть, где сердце трепетало,
Оставила за гранью роковой.

3

Оставила за гранью роковой,
Тебя зачислив в сонм навек уснувших.
Но не всеильна парка: дней минувших
Не вычеркнуть из памяти людской.

Твой саван шит безвестною рекой
Из быстрых вод, пучину распахнувших,
С узором скал, стремнину
вновь сомкнувших,
Манящих взор суровою красой.

Река Вуокса, став тебе могилой,

Водой, как пряхей, бешено вертя,
Разнообразит наш обряд унылый.

С водой Вуоксы пряха унесла,
С дарованной ей свыше страшной силой,
Грядущей жизни полверетена.

4

Грядущей жизни полверетена —
Полжизни слёз, полжизни наслаждений,
Полжизни грёз и полсплошных мучений —
Вдруг пряха-мастерица забрала.

Полжизни нашей, словно с молотка,
Приватизировал проворный гений:
От полной чаши он без долгих прений
Оставил нам лишь горьких поллотка.

Сидит за прялкой вещая девица,
Вращеньем день за днём утомлена,
По-своему решила порезвиться.

На старте подвернётся ли нога,
Иль вдруг в наш дом несчастье
постучится —
Ужели всё за нас вершит судьба?

5

Ужели всё за нас вершит судьба?
Ужель нам годы впрок сулит кукушка,
Знакомая со школьных лет болтушка,
Что у Крылова хвалит петуха?

Ужель опять, как прежде, соловья
Охает недалёкая простушка?
Ужели просто хрупкая игрушка
В руках у молодницы жизнь твоя?

Жестокая, она не пожалеет;
Душа её не изойдёт тоской,
Когда весь мир для нас осиротеет.

Играя судьбоносной бечевою,
Контрольной парка акцией владеет;
А мы лишь тянем жалкий жребий свой.

6

А мы лишь тянем жалкий жребий свой,
Не повзрослев и не прозрев с годами,
И, мелкими снедаемы страстями,
Несёмся вскачь тусовкою лихой.

То визг, то вой, то барабанный бой —
Его не заглушить колоколами!

В подъезде, над рекой, под облаками
Грохочет музыкальный наш разбой.

Спугнув минувших дней очарованье,
Стрекохот речи тусклой чередой,
Вновь обрекая нас на прозябанье...

Наскучив беспросветной суетой,
Спешим мы в наше новое изгнание,
Стремясь неисповеданной стезёй.

7

Стремясь неисповеданной стезёй
В тот райский сад,
где не растёт крапива,
Где вокруг озёр не плачет горько ива,
Решаюсь на прогулку в мир иной...

Уж не видать дороги столбовой,
Не шествует вокруг толпа спесиво;
Как путник запоздалый, боязливо
Бреду туда нетореной тропой.

Куда спешим? Иль всю мы песню спели?
Иль жизнь-копейка нам не дорога?
Или в нас чувства вовсе охладели?

Ну что за жизнь в предвиденье конца?
Что за мечта, едва из колыбели —
Скорее вознестись на небеса?

8

Скорее вознестись на небеса,
Навек порвать с греховностью земною?
Иль, может быть, возвыситься душою,
Не прибегая к помощи Творца?

Любовью наши полнятся сердца!..
Пренебрегая траурной тафтою,
Блеснув сквозь горе светлую слезою,
Мы жизнь восславим,
смерть твою кляня...

Смогу ль в стихах излить свою тоску я?
Кровоточит, чем дальше, тем сильнее
На сердце след от смерти поцелуя.

Что может быть ужасней и больней?
Стихом своим тебя не оживлю я...
Что ж, случай слеп.

Как мир в плену страстей.

9

Что ж, случай слеп.

Как мир в плену страстей,
Как воин слеп, победой упоённый,
Как слеп фанат, толпой воспламенённый,
Как путник слеп во власти миражей.

Отбросим груз затверженных речей,
Возьмём на веру разум просвещённый,
Как смеет ради истины учёный,
Как это смог великий Галилей.

Не радуясь обещанному раю,
Пока лампы наши зажжены,
Грядущих дней я свет благословляю.

Жалеть людей, слагать для них стихи
На грешной здесь земле предпочитаю,
Безжалостному року вопреки.

10

Безжалостному року вопреки
И той наперекор судьбе лукавой,
Что вкривь и вкось

вершит свой суд неправый,
Ты чашу жизни вдруг не расплещи!

Не все, конечно, средства хороши:
Вот прозябает лжеец с недоброй славой,
А вон торгует льстец своей отравой —
Нам не в пример их тяжкие грехи.

Пройти весь путь — не самое простое,
Что мог поэт придумать поновей?
Мы не в гостях здесь и не на постое.

Да, сделать жизнь значительно трудней,
Чтоб парка не смогла уменьшить вдвое,
До горькой капли чашу всю испей!

11

До горькой капли чашу всю испей!..
Нас греет кровь,

нам не страшны морозы;
Не слышим мы крутой судьбы угрозы
До дней своих последних и ночей.

Не видим мы заплаканных очей;
А там, где упадут на землю слёзы,
Нам не в укор благоухают розы
И ласково журчит для нас ручей.

Но, говорят, что не было б печали...
Как скряга набивает сундуки,
Мы сами нашу чашу наполняли.

Не ведая, что ждёт нас впереди,
С богиней паркой в прятки мы играли
В воде, на скалах, в небе иль в пыли.
12
В воде, на скалах, в небе иль в пыли
Под бременем страстей изнемогая,
В лохмотьях иль доспехами бряцая,
На помощь парку лучше не зови.

Знакомиться ты с ней повремени,
Пусть тянет нить красота молодая,
Не то проснётся в ней вдруг баба злая —
И сладить с ней тут чёрту не с руки.

Не стоит обивать её пороги,
Не суешься, не бегай перед ней
И не выказывай своей тревоги.

Она богиня, сверху ей видней.
А ты свои лишь покалечишь ноги,
Запнувшись об уступ судьбы своей.
13

Запнувшись об уступ судьбы своей,
Как слеп он был, тот случай окаянный!
Уходишь прочь от нас за брег туманный,
Откуда нет и не было вестей.

Не будет там ни дома, ни друзей,
Лишь в невесомости покой нежданый,
Да мёртвой тишины звон непрестанный,
Да космос нашей сажки почерней.

Сегодня на Вуоксе день ненастный,
Но это лучше вечной пустоты...
Прерви на время свой полёт ужасный!

Ты снова с нами. Рядом ни души.
Пусть продлится этот миг прекрасный...
Покинуть мир наш дольний не спеши.
14

Покинуть мир наш дольний не спеши,
В пучину вод уйдя от нас навеки,
Где в глубь озёр так горько плачут реки,
Смывая эхо гулкой тишины.

Восторг в глазах от буйной красоты
У самого несчастного калеки;
А ты лежишь, не поднимая веки,
Упрятанный под толщею воды.

Соль наших слёз несёт река Вуокса...
Покуда не оступится нога,
Она нежней и безмятежней флокса.

Но лишь накрыла берег ночи мгла,
С пугающим азартом ортодокса
Богиня парка прядь оборвала!..
15

Богиня парка прядь оборвала!..
Откинув нить небрежною рукой,
Оставила за гранью роковой
Грядущей жизни полверетена.

Ужели всё за нас вершит судьба?
А мы лишь тянем жалкий жребий свой,
Стремясь неисповеданной стезей
Скорее вознестись на небеса?

Что ж, случай слеп. Как мир в плену
страстей.
Безжалостному року вопреки,
До горькой капли чашу всю испей!

В воде, на скалах, в небе иль в пыли,
Запнувшись об уступ судьбы своей,
Покинуть мир наш дольний не спеши.
2001г.

Ещё вчера

Ещё вчера так чудно птицы пели,
Самозабвенно вторя нашим голосам;
Но заглушил божественные трели
Уже вчера наш электронный тарарам.

Ещё вчера, обласканный толпою,
Ты к лучшей доле лицемерно призывал;
Девятый вал, что поднят был тобою,
Уже вчера оставил нам лесоповал.

Ещё вчера ты в сладостном волненье
Мечтал, к высокому стремясь, что было сил;
Но, не сумев остановить мгновенье,
Уже вчера свою мечту ты схоронил...
2004г.

Большие дети

Цивилизованной становится Россия —
На иномарках мчим картошку воровать;
И триллеры ужасней Вия —
Зачем же нам сегодня Гоголя читать?

На кой нам чёрт сегодня
Шолохова знать?
Как в горле кость в бутинке гвоздь,
тот век двадцатый!

Уж лучше вовсе не читать
Про девятнадцатый
и иже с ним, проклятый!

Век приснопамятный...
И иже с ним, треклятый!
Цивилизованной становится страна —
Дорогу строим не лопатой,
И мысль о Боярке сегодня нам смешна.

Мечта о подвиге сегодня нам смешна,
Как в зрелом возрасте
былых страстей порывы,
И жизнь ведь вовсе не страшна,
Пока, расквасив нос,
не вышли из игры вы.

Большие дети,
не выходим из игры мы,
Вертясь, как белка в пресловутом колесе,
Совсем не так, как пилигримы
Стремилась вдаль увидеть
мир во всей красе.
2004г.

Вопрос

В «Московской саге» Чурикова с нами...
Какой талант!
Как неподдельной чистоты слезами
Играет этот бриллиант,
Хоть вставлен он в дешёвый фолиант.

Так что: актёр ролей не выбирает?
Как мёртвый камень, лишь блестит
И мастерски лишь роль свою играет?
А с зрителем заказчик фильма говорит,
Используя актёра как свой щит?

To be or not to be? That is the question...
Вопроса нет трудней.
Что, если сами на себя клеветаем?
Что, если автор сам злодей?
Что, если он искусный лицедей?

Что, если сам достоин он позора?
Как тут не выбирать?
Как можно так за ролью роль играть?
Многострадальная профессия актёра —
Не скрывать за железный ставень
И не свалить с души тяжёлый камень...
2006г.

Скорбное

Нет, не станем утешать вас
в вашем горе:
Смерть — не сваха,
утешенья просто нет...
Если сможет хоть на миг отвлечь сонет,
Пусть звучит он в голосов прощальном хоре.

Красный свет зажжёт
злой рок на светофоре —
Стоп, машина!
Мрак крошечный застит свет;
Ни услышать, ни послать теперь привет,
Вход открыт, а выход вечно на запоре...

Оттого вокруг все звуки замирают,
Оттого твоя поникла голова
И глаза от горьких слёз не просыхают...

Только счастья, что кровиночка жива,
Только радости, что внуки подрастают,
Зеленеет в поле новая трава...
2007г.

Триолет

В Стране Советской жили мы,
Единственной на целом свете!
Великого народа дети,
В Стране Советской жили мы...
Теперь вернулось царство тьмы.
Кто ж, кроме нас, за всё в ответе?
В Стране Советской жили мы,
Единственной на целом свете...
2008г.

Такие люди

Сегодня как музейный экспонат
Такие люди.
Их много было двадцать лет назад,
Застрельщиков великих буден;
У тех, кто впереди, в медалях груди.

Такими нам уж никогда не быть,
Как ни увешайся крестами!
Мы знаем, как бы
только день прожить...
Святое дело ж их, отвергнутое нами,
Становится легендой с годами.

Как быть и как не быть? Wow!
Нет проблем!
Работай лишь мозгами:
Свой интерес не путай ты ни с чем,
Не хлопай ты зазря ушами,
Да не водись ты в бизнесе с друзьями!

А тех людей в музее лишь сыскать —
Свищи по свету белу! —
Чтоб кто свою рубашку, ближе к телу,
Не норовил сегодня с ближнего содрать...
Смирись мы с такой судьбой —
Но ведь ничто не вечно под луной...
2009г.

Чур нас!

Когда вдруг
из какой-нибудь Прибалтики,
Как будто из враждебной
нам Галактики,
Вдогонку поутихшим “голосам”
Приходят сообщенья, нам не лестные:
Как призраки войны той бестелесные,
Явились реваншисты —
чур нас! — местные
С угрозами отеческим гробам.

Когда и на российском телевиденье
Вдогонку реваншистам —
чур нас! — видим мы,

Как пачкают нам образ Ильича;
Как вырядившись старенькими дурами,
Порочат наше прошлое халтурами,
Дешёвыми на нас карикатурами,
Бездумно, по подсказке хохоча,

К Фонвизину тогда мы обращаемся,
Урок его припомнить вновь пытаемся:
Невежество — вот корень той беды!
Как сын — чур нас! — родимую
отталкивал,
Так Балтику с Россией кто-то
сталкивал
И смехом нас к предательству
подталкивал, —
Злонравия достойные плоды...
2009г.

Моя строфа

Я не слугитель муз:
Мой твёрдый, чёткий стих
— мой подвиг ежедневный.
Демьян Бедный. Мой стих. 1917г.
Откуда вдруг возникла, как из пены,
Моя строфа?
Быть может, в этом виноваты гены —
Ведь есть в генетике графа,
Как в музыкальной гамме нота “фа”?

Возможно и другое объяснение:
Средь нерифмованных речей
Нас привлекло сегодня чьё-то рвенье —
Формат “real’ty,” приспособив для затей,
Дурачил нас искусный грамотей.

Тут — экстрасенс, а там —
реинкарнации,
Сплошные колдуны!
Ни вдохновения, ни лёгкой грации —
Зловещий образ сатаны
Мы в “ящике” узреть обречены...

Наперекор мистическому бреду
Своей строфой для вас,
Утративших духовных сил запас,
Как с ложкой дорогой спешу успеть к
обеду:
Явившись раз на белый свет,
Мы навсегда оставим здесь свой след...
2009г.

Всем хорошим в себе

На миру мы встречаем
кристально прекрасных людей,
К сожалению, редко;
Это плод чаще наших
стерильно отмытых идей:
Там, где стол лишь
стоит да одна табуретка,
Нам мерещится импортный бар
или чудо-кушетка.

Но когда вдруг в семье
попадает страшный урод,
Поминаем таких аж
сдьёмом мы коленом:
Кто бандит, а кто мот,
кто предатель, а кто живоглот...
Если случай помиловал нас,
не сподобило к олигофренам —
Всем хорошим в себе мы,
конечно, обязаны генам.

На миру, говорят, даже смерть
нам бывала красна —
Не смирились с фашистским мы игом...
Если помним сегодня,
как завтра была та война,

Если верим своим
краснозвёздным комбригам —
Всем хорошим в себе мы,
конечно, обязаны книгам.

Говорят, что свобода
пришла к нам сегодня в страну —
Ставь на окна решётки из стали,
Потому что теперь

воровать мы свободнее стали...
Снова злой ветерок забугорную
мутную гонит волну —
Вопреки вдохновению модных поэтов,
Всем хорошим в себе мы обязаны
власти Советов!

2009г.

Ряженные

Сегодня коммунисты не в чести,
Как те миряне,
Что не смирились, господи прости...
Последние, как могикиане.
Как первые когда-то христиане.

Ещё вчера у них Егор Гайдар
Учёным слыл авторитетом.
Ужель прельстил иудин гонорар?
Ужли вчера всё это было марафетом,
А он всегда был недругов клеветом?

Уже вчера нас ловко обвели
Два квазикоммуниста;
Страну Советов в жертву принесли,
Устроив “шову”, два артиста,
Известные два — супер! класс! — солиста.

Что ж, ряженными нас не удивить,
Уж столько всяких было!
В калачный ряд вчера свиное рыло,
Но с партбилетом — ба! — повадилось ходить.
Чу! — в “коммунистов” рядят снова —
Тех, кто не ждёт пришествия второго...
2009г.

Лампочка Ильича

Двадцатый год. Война в разгаре.
Насилие, как мир, старо.
За Врангелем — Махно в угаре.
А Ленин — с планом ГОЭЛРО.
И был там свет! Тогда Кашира
Совсем ведь не была транжира,
Как старосветская свеча...
Поведал нам Андрей Платонов,
Как до мобильных телефонов
Гасили лампу Ильича...

Твоё могущество, Россия,
Сибирью стало прирастать...
На двадцать чёрных лет усни я —
Тебя б сегодня не узнать,
Дремучей матушки-Расеи:
На Ангаре и Енисее,
Как вековечная свеча,
Как высшего благословенья
Знак нашего преображенья —
Зажглась здесь лампа Ильича!

Кто помнит лампу Аладдина,
Кто свято верит в чудеса,
Кто знает, как горит лучина,
Как лучезарны небеса,
Кто в век наш технологий нано,
Когда ещё среди тумана
Горит церковная свеча,
На ветер слов зря не бросает —
Тот и сегодня понимает:
Нам светит лампа Ильича!..
2009г.

Праздник Октября

Октябрь был славен делами —
За тот котлован под нами
Спасибо тебе, землекоп!
Хоть не было небо ясным,
Но время было прекрасным!..
И ты был вчера ещё красным,
Прокопьевский углекоп...
2009г.

Не ходите за мной

Ещё вчера жил-был в стране поэт
Иосиф Бродский —
Какой-то чуждый нам менталитет:
Ни аскетический, ни плотский,
Ни питерский, увы, ни вологодский!..

Ещё вчера лишь пьяный разгильдяй —
Сегодня Веничка в фаворе:
Добро б какой залётный попугай —
Свои же знатоки и день, и ночь в дозоре,
Несут благу вест о том позоре.

Уже вчера, вломившись в бурелом,
Погиб Егорка Летов...
Он думал, что удастся напролом,
Сквозь частокол авторитетов
Продраться в круг известнейших поэтов.

Примеров тьма, сбивался кто с пути,
Но те вовеки святы,
Кто, сами в муках будучи распяты,
Всё ж заклинали нас за ними не идти...
Блажен, кто не терял дороги,
Кто видеть мог, куда ступали ноги!
2010г.

То-то был поэт

Нам нет нужды творить себе кумира,
Пока для нас
Звучит его божественная лира!
Пусть щиплет травку наш Пегас,
Пока на карте мира есть Парнас.

Из пепла мы, как в сказке Феникс-птица,
Не требуя за то венца,
Спешим к свободной жизни возродиться!
Презрев златого ненасытного тельца,
Не станем мы оспаривать глупца.

Недаром помнит Пушкина Россия
И не забудет век!
Нет, он не чародей и не мессия —
Средь нищих духом и калек,
То просто был прекрасный человек.

Вот Лев Толстой.

Отменный был сапожник.
И мы вослед за ним
Судить повыше сапога хотим
И с детской резвостью колеблем
твой треножник!..
Но кто-то шепчет уж в ответ
Благоговейно: “То-то был поэт!”
2011г.

Меловой круг

Ребёнка делят папа с мамой,
Кружат, не различая рук,
Вступив с неразрешимой драмой
В кавказский меловой тот круг.

Подростка тянут по предметам,
Коллегам просто недосуг —
Педагогическим советом
Стал меловой кавказский круг.

У деда с бабой страсть-забота:

Кого всех больше любит внук?
Неволи пуще, знать, охота —
Им стал судьёй кавказский круг.

Идёт вовсю процесс деленья!
От адвокатских закорюк
Спешим мы в поисках спасенья
В жестокий меловой тот круг...
2011г.

Бесконечность

Испить до дна спешим
мы бесконечность —
Нам дан лишь миг, а мы берём разбег,
Где каждый шаг —
немыслимый парсек,
Где с нами заодно — седая вечность.

Непостижима жизни скоротечность,
Непостижим лихой Вселенной бег,
Но знать того не хочет человек —
Непостижима мудрая беспечность!

Ну, кто ж здесь жажду жизни утолит?
Как в этот миг успеть нам надышаться?
Пусть вечность синим
пламенем горит! —

Не можем мы с любимыми расстаться,
Их взгляда бесконечность нас манит —
С ней никакой Вселенной не сравняться...
2011г.

Дети войны

Дети, опаленные войной,
Сыплет время соль на наши раны;
Не щадят нас жизни ураганы,
Дети, опалённые войной.

Эстафету памяти живой
Нам уже вручают ветераны.
Дети, опалённые войной,
Сыплет время соль на наши раны...
2011г.

Серебряный век

Ну, что там за мираж —
“серебряный” ваш век?
Стихи “другие” и совсем “иная” проза —
И вот ещё вчера нормальный человек
Стал обнаруживать
все признаки психоза:
То скачет, то лежит, не поднимая век,
В душе наркотика губительная доза;
То мутит дольника
разболтанный калибр,
То пытка — якобы
стихами “под верлибр”.

Вот так и к нам словесность
та пришла, “другая”:
Не всё то яство, что нам дилер продаёт,
Не всё то песня, что гремит, не умолкая,
Не всё то серебро, что чернью отдаёт,
Не всё уроки, что нам, вечер коротая,
Владимир Познер до сих пор преподаёт...
Другие овцы и другие пастухи —
Под новой маской те же старые грехи.

А век Серебряный сегодня мы забыли,
Приняв за классику оптический обман;
Век восемнадцатый —
вот где слагались стили!
Вот где классический
рождался наш роман!
Вот где поэзию у нас благословили!
Вот где немеркнувшая слава россиян!..
Вот где явился нам один из тех пророков,
Поэт Серебряного века Сумароков.

“Нельзя, чтоб тот себя письмом
своим прославил,
Кто грамматических не знает
свойств, ни правил.
И, правильно письма
не смысла сочинить,
Захочет вдруг творцом
и стихотворцем быть.
Он только лишь слова
на рифму прибирает,
Но соплетённый вздор
стихами называет.
И что он соплетёт нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда”.
2011г.

Пушкин есть

Дар чудесный, дар случайный,
Жизнь явилась на Земле,
Среди стужи лет бескрайной
Мир забрезжил в мгле.

Дар волшебный, дар случайный,
Мир проснулся и в тебе;
Не спеши прощаться с тайной,
Благодарен будь судьбе.

Сколько было! Сколько будет...
Как тут всех нас перечесть?
Но такой, как он, — пребудет!
Пушкин — с нами. Пушкин есть!
2011г.

Дата

Красным был день в ноябре,
Теперь на том месте заплата;
Новое в календаре —
Старое вновь на дворе.
Спрятано в буднях число,
Исчезла великая дата;
Вон как нас вспять понесло —
Крепче держите весло!
2012г.

Недоразумение

Соблюдая установки поэтические,
Попадаю в ситуации комические:
Окончания супер-гипердактилические —
Только где ж они, стихи мои лирические?
2012г.

Откроем вновь

Откроем вновь наш старый календарь,
Найдём седьмое в ноябре число...
Откроем вновь советский наш букварь,
Откроем вновь поэму «Хорошо!».
Тогда мы были на порядок ближе
К коммунистическому далеко.
Теперь опять мы на порядок ниже...
Бесстрастно электронный пересчёт
Сверяет цифры — числа, даты — мы же
Пытаемся исправить недочёт.
Наш календарь сегодня необычен:
В нём даты праздничной недостаёт.
День Октября теперь стал неприличен.
Быков чтоб красным
цветом не дразнить,
Он чёрной краской нами обезличен.
И Блок в «Двенадцати»
не стал душой кривить...
И на Есенина мы не в обиде...
А нас потомки смогут ли простить?
У них потом всё будет в лучшем виде,
Но всё-таки...
Чем вспомнят внуки нас?
В Москве ли, в Киеве,
в Сибири иль в Тавриде —
Что скажут, если без прикрас?..
2013г.

г. Прокопьевск.

Владимир Неунывахин

Владимир Максимович Неунывахин – член Союза писателей России, заслуженный сотрудник уголовно-исполнительной системы РФ, новокузнецкий писатель и журналист. Родился 20 августа 1938 года в городе Иркутске в крестьянской семье. В 1939 году семья переехала в город Сталинск, в посёлок Абагур-Лесной.

В. М. Неунывахин – автор 3 сборников.

«Желание объединить, собрать в одну книгу все юмористические рассказы, зарисовки и эпизодики из жизни, разбросанные по ранее изданным сборникам, а также наброски в черновиках, ждущие своего часа, возникло давно. Но всё как-то не доходило руки, а желание росло, пока не переросло в творческий зуд. Всё отложил и принялся за реализацию задумки.

Так родилась эта книжка с названием «Смеяться, право, не грешно». Ещё в далёкой туманной юности это крылатое выражение я впервые прочитал у Николая Михайловича Карамзина, и оно мне так запало в душу, что стало постоянным моим спутником в жизни, а когда возник вопрос о выборе названия нового сборника, я тут же вспомнил крылатый афоризм Карамзина. А соответствует ли содержание книги её названию – судить тебе, мой дорогой читатель».

Владимир Неунывахин.

Кожозеро

Из книги «Смеяться, право, не грешно».

Звоню Шухову, интересуюсь:
– Ты куда загасился? Ни слуху, ни духу!
– В командировке был. Сдавал тепловоз в капремонт. А сейчас отпуск оформляю. Собираюсь на Кожозеро сходить. Давненько там не был. Кстати, нет желания прогуляться со мной?

– С удовольствием. Но у меня ещё отпуск не оформлен. Когда планируешь отправиться и на сколько дней?

– Выхожу через неделю. Так что успеешь с оформлением. А посещение озера, думаю, займёт дней десять. Три года назад такой поход длился почти две недели, но я плохо знал дорогу. На этот раз, надеюсь, путь по времени займёт меньше.

– Заметано. Иду оформлять отпуск. А о поездке подробно поговорим завтра.

И вот сидим с Виктором над списком, что брать с собой и каким маршрутом пойдём. Сразу же убедился: Шухов – не дядя Витя Авилов (мой постоянный напарник по таёжным тропам), который большое внимание уделяет питанию, и основное место в наших рюкзаках занимают консервные банки, концентраты, пакеты с крупами и вермишелью, овощи и т. д. Шухов на подобном перечне сразу поставил жирный крест.

– На кой чёрт тащить на горбу то, что дают озёра, тайга и любая речушка? И так, что берём? Соль – килограммчик берём, сухари – ну, этак кило два надо взять, чай – одной пачки хватит, сахар – согласен на пачку рафинада, крупы – перловка, пшено, гречка – килограмма полтора в комплексе, лук, чеснок – по три-четыре головки не более, спиртное – только фляжку, картошка – десятка два клубней хватит. Всё, на этом ставим точку. Извини, Максимыч, но я лучше возьму пару носков, трико и рубашку, чтобы переодеться в сухое после дождя, чем полдесятка банок тушёнки или сгущёнки, которые и тяжелее и, не знаю, как тебе, а мне это только расслабуха. Ну не смотри ты на меня такими грустными глазами, сам потом убедись, что я прав.

– С чего ты взял, что у меня грусть в глазах? Ничуть. Я одного боюсь – не мало ли берём картошки, лука и других приправ? Только на две ухи и хватит...

– А ты что, собрался варить уху ежедневно?

Крыть мне было нечем.

– Не обижайся. Я согласен, давай возьмём побольше, но в пределах разумного, чтобы глаза не вылезали из орбит от перенапряга. – Виктор отодвинул на край

стола список с перечнем продуктов и вещей, давая понять, что эта тема закрыта и развернул карту района. – Теперь давай определимся с маршрутом, смотри сюда. Едем на тепловозе до Вононгского озера, на берегу которого когда-то была староверская деревушка, останки домов хорошо видны с железнодорожного полотна. Но, высадившись, бывшее селение посещать не будем. Свернём вправо и горбышами по визиру, частично по брошенной конной дороге, а больше охотничьей тропой двинем к Кожозеру, до которого почти полста верст. Не спеша за два дня дойдём. Лёгкой прогулки не обещаю – всё будет: и буреломы, и топкие заболоченные места, и чащоба. – Шухов помолчал, будто что-то вспоминая, и с некоторым сожалением продолжил. – Многие рыбаки и охотники сегодня до дальних таёжных озер, таких, к примеру, как Кожозеро, Шардозеро, Сывтозеро, Турбозеро и других добираются быстро и без особых проблем. Напридумывали всяких «Бенцев» на надувных и широких колесах, используя «БЕЛАЗовские» камеры, и им пофигу любое болото, прут напрополую. Но я, если честно, предпочитаю пешком-ралом и от этого получаю настоящий кайф. Деньк пройдёшься, вечером упадёшь на подстилку из лапника у костра, и такое блаженство...

Ведомственная железная дорога, принадлежащая Онежскому ИТУ (исправительно-трудовое учреждение), протяжённостью больше ста километров, соединяет самые крупные лаготделения, занимающиеся не только заготовкой леса, но и его частичной переработкой на своих нижних складах. По железной дороге осуществляется вывозка древесины и обеспечение лагпунктов техническими и продовольственными грузами.

Вононгское озеро находится почти на полпути между Ундозерским лаготделением и Янгорами. Это от узловой станции Икса примерно в семидесяти километрах, но остановка тепловоза там не предусмотрена.

Машинисты тормозят только по просьбе друзей и начальства. Мы с Шуховым относились к той и другой категориям, и ребята охотно откликнулись на нашу просьбу, тормознули буквально у тропы, где нам предстояло сворачивать от железнодорожного полотна в таёжную глухомань, и когда мы выгрузились, гуднули нам на прощание, пожелав доброго пути.

Всходило солнце. Вершины елей и со-

сен окрасились в бледно-оранжевый цвет. Лучи выползающего из-за дальних увалов светила ещё не жарки и не очень слепят, а под насыпью среди столпившихся деревьев ещё синеватый полусумрак. Виктор присаживается на рельс, предлагает:

– Давай на пяток минут присядем перед дальней дорогой по старинному обычаю, помолчим и пошагаем, благословясь.

Вскидываем рюкзаки. Несмотря на минимум груза из того, что планировалось взять, и тем, что на самом деле оказалось в рюкзаках, вес последних получился не таким уж безобидным – этак килограммов десять с гаком. Мне всё-таки удалось уговорить Шухова взять хотя бы толику из того, что он безжалостно вычеркнул в первые минуты обсуждения. И за это я заплатил через некоторое время пути, убедившись в мудрости старинной поговорки: в дороге и иголка тяжела.

Тропа оказалась малохоженой, то и дело терялась среди зарослей можжевельника, буреломов и молодого подростка. Как Шухов ориентировался, находя её, я до сих пор удивляюсь. Он шёл впереди и ни разу не приостановился, не поозирался по сторонам, шагал уверенно, будто видел через густую зелень лапника продолжение убежавшей тропки. Пospешая за ним, я быстро упрел и начал отставать. Наконец, Виктор оглянулся, увидел моё покрасневшее, потное лицо и резко притормозил.

– Прости, Максимыч, расшагался по привычке, а тебе мой темп, вижу, тяжело. Давай передохнем чуть-чуть. А ты, если что, окликай, не стесняйся.

Утренняя чащобная синева наконец-то рассеялась, но остатки ночной прохлады ещё приятно освежали разгорячённое лицо и шею. Августовский день, укоротившийся к концу лета, разгулялся. Разбежались, очистив небосклон, редкие облачка, меж разлапистых вершин мачтовых сосен проглянуло голубое, будто хорошо постиранное и крепко подсиненное полотно неба. Но любоваться его бездонностью было некогда, покачивающийся рюкзак и ружье за спиной Шухова, шагавшего впереди, не позволяли расслабиться.

Через два часа пути всё чаще и чаще начали цепляться за рюкзак и рукава куртки ветки кустов и лапы елей, а под ногами вдруг загустели заросли черничника, которые, обнаглев, принялись заплетать отяжелевшие сапоги. Но особенно с трудом приходилось преодолевать рухнувшие деревья, обходить которые было одинаково тяжело, как и перелезть через повер-

женные стволы с ошетилившимися сучьями, похожими на колючие иглы рассерженного дикобраза.

К обеду вышли к ручью, и Виктор, отыскав на берегу сухую прогалину, сбросил рюкзак на землю.

– Отдохнём. Перекусим. Я, Максимыч, займусь костёрком, а ты зачерпни в котелок водички. Чайку вскипятим.

Я спустился к воде и первым делом, встав на колени и черпая ледяную воду пригоршнями, утолил жажду, затем умылся, охладив разгорячённое лицо и шею, и только после этого принялся драить закопчённый и запылённый котелок пучком травы с песочком, то и дело ополаскивая в ледяных струях. Вернулся на прогалинку, под сень кряжистой сосны, когда Шухов уже подкармливал крохотные язычки пламени костерка сухими веточками, он помячил мне, чтобы я вырубил пару роготулин и перекладину для подвешивания котелка над огнём.

Пообедали тем, что в последний момент засунула в рюкзак моя супруга. В свёртке оказались: отварная курица, яйца вкрутую, бутерброды с сыром и колбасой, свежие помидоры и огурчики, а к ним спичечный коробок с солью.

Пока уплетали снедь моей заботливой Петровны, поспел чай в котелке, источавший аромат смородиновых листьев.

Кстати, Виктор на момент нашего похода был холост: месяц назад, когда он в командировке сдавал тепловоз в капремонт, его жена Раиса сбежала с очередным любовником, бывшим зэком, куда-то в Среднюю Азию. Раиса работала бухгалтером в колонии и регулярно влюблялась в осужденных, изголодавшихся по женской юбке и прочим прелестям. Она не выдерживала страстных взглядов, ухаживаний и любовных записок особо настырных дон-жуанов, отвечала взаимностью и при освобождении очередного воздыхателя, собрав кое-какие вещички и воспользовавшись отсутствием мужа, сбежала из дома, очертя голову. Но любовь заканчивалась одинаково. Воздыхатель, в лучшем случае, привезя соблазненную женщину домой, вскоре выставлял за дверь, в худшем – сбежал ещё по пути на родину. Обливаясь слезами, Раиса возвращалась в посёлок к Шухову, падала на колени, просила прощения, но тот непреклонно, покидав в спортивную сумку свои ношобные вещички, уходил к кому-нибудь из друзей, договариваясь о временном приюте. Помотавшись с ме-

сяц по чужим квартирам и не выдержав ежедневных слёз жены, приходившей и умолявшей простить, Шухов возвращался домой.

Но я увлекся.

Смакуя обалденно духовитый чай, Виктор поведал, где мы находимся и каким маршрутом пойдём дальше:

— Пятнадцать, а может и чуть больше вёрст позади. Между прочим, этот ручей впадает в речку Калья, которая берёт начало из Светлого озера, а до него по прямой версты две. Калья является притоком Вононги, впадающей в одноименное озеро. За Светлым озером начинается обширное болото Светлый мох. Нам предстоит пройти по его краю километра полтора. Так что настраивайся, Максимыч, на сложный марш-бросок...

— Виктор, — интересуюсь я, — а почему озеро и болото называется Светлыми? Там что, вода как слеза?

— Трудно сказать. Я, например, никаких различий в цвете воды не обнаружил — тот же слабо заваренный чай. В старину, когда появились в этих краях первопроходцы, цвет озёрной воды и мха, возможно, и соответствовали своему названию. Но ты меня отвлек.

За болотом какое-то время пойдём по заброшенной и весьма заросшей дороге, по которой когда-то ездили старожилы из Вононги на Турбу. Затем охотничьей тропой выйдем к реке Тура, вытекающей из Турбозера. Кстати, своенравная река, каменная и порожистая, долго петляет среди увалов и болот, пока, не напившись вдосталь воды из ручьев и многочисленных притоков, не вливается в Кожозеро. Место впадения — самый южный конец знаменитого озера. Местные аборигены и геологи называют его почему-то летним.

По Туре спускаются в Кожозеро все туристы-байдарочники, начинающие движение из Ундозера. Добираясь до Турбозера, а затем по Туре до Кожозера, они большую часть пути свои плавсредства тащат волоком, потому как мелководье русла и острые подводные камни вмиг изорвут лёгкое полотно байдарок в ломоть.

Ночевать сегодня будем на берегу Туры и завтра продолжим путь вниз по течению, выйдя к устью и передохнув, начнём огигать озеро по западному берегу. Рвать гужи в дороге не будем. Останавливаясь на отдых, отведём душу, предаваясь рыбалке и охоте. Думаю, за два дня доберёмся до речки Подломки, впадающей в северный конец озера, тоже имеющий странное местное название — «зимний». Переправимся, немного поднимемся вверх по течению притока Подломки к речке Никодимке, она названа в честь отшельника Никодима. Затем пройдемся по старой монастырской дороге, посетим водопад Падун на реке Кожа, которая берёт начало из озера, название озера, кстати, и произошло от названия реки. — Шухов вдруг умолк и задумался, потом встрепенулся. — Знаешь, почему меня тянет на Кожозеро?

Я вопросительно глянул на Виктора.

— Здесь вплотную соприкасаешься с историей северного края, с историей религии и даже страны в целом, особенно когда стоишь у стен древнего полуразрушенного монастыря, к которому мы с тобой в конце концов и придём... и постоим... Но всё это ты увидишь скоро своими глазами. — Шухов резко хлопнул себя ладонями по коленям и встал. — Ну, всё! Пообедали, отдохнули, пора двигаться даль-

ше. Перейдём болото и километра через четыре остановимся на ночлег. Пораньше разобьём лагерь. Надо что-то раздобыть на ужин. Ты надёргаешь рыбёшки на уху, а я рябков погоняю, авось, на жарёшку добуду. Выводки сейчас разлетелись, молодёжь начинает самостоятельную жизнь и охотно идёт на манок. Прихватил с собой такую свистульчку.

Переход через болото, действительно, оказался нелёгким, в отдельных местах болотные сапоги проваливались в зыбун выше колен и было страшновато, что там, в утробно всхлипывающей и пузырящейся глубине, вдруг не окажется дна, и ты ухнешь в бучило по горло, а то и по самую маковку. Но Бог миловал, такой беды не случилось, и через час мы с трудом выкарабкались на твёрдую почву. Не лучше оказался отрезок пути до заброшенной дороги — широкая и холмистая старая гарь, рухнувшие обгоревшие деревья были так на костры, что перелазить через стволы, ошестившиеся обломками сучьев, стоило огромных усилий. Острые сучья цеплялись за одежду и рвали её. И беда ещё была в том, что эти завалы густо заросли кустами и высоченной травой. Лезть приходилось практически наощупь.

И вот, наконец-то, мы выбрались на заброшенную дорогу, о её запущенности свидетельствовал обильный подрост молодого осинника и березняка по всему полотну. Её трасса угадывалась по вековым соснам и елям, стеной стоящим по обочинам. В сравнении с болотом и горельником идти по бывшей дороге одно удовольствие — нога не тонет и продираться через буреломы не надо.

Через три километра Виктор подаёт сигнал о своротке с дороги вправо. Буквально через несколько метров послышался плеск воды, и сквозь зелень прибрежных кустов засеребрилась рябь речного потока. Вскоре находим старую стоянку не то рыбаков, не то туристов-байдарочников. В середине полянки — чёрное пятно бывшего кострища, под сенью лапника прибрежных елей — примитивный столик, представляющий собой четыре кола и настил из грубо отёсанных основных плах, вокруг скамеек — чурбаки. По краям кострища — рогатулины с переключной, чему я несказанно рад: не надо искать и вырубать их самому, опять же не придётся губить молодой подрост. Рядом с кострищем — небольшой запас сушняка.

Виктор, скинув рюкзак на примитивный столик, проверяет на поясе патронташ, переключивает из внутреннего кармана в боковой манок на рябчиков и, бросив: — Попробуй надёргать на уху, а я покучусь поближе, погоняю рябушек, авось, к ужину чего-нибудь добуду, — исчезает среди деревьев.

Я достаю рыболовные снасти, мастерю на скорую руку удочку и под удилеище приспособляю ивовый прут, вырубленный тут же, у кромки воды. Тура в этом месте неширока, быстрое течение кипит бурными, особенно пляшет вода в местах столкновения потока с валунами, многие из которых торчат наружу и поближе кивают черной влажностью под лучами клонящегося к закату солнца. Чуть пройдя по берегу, нахожу более спокойную заводушку и забрасываю снасть, наживив червячка, которыми запаслись, собираясь в поход.

Не успел поплавок коснуться воды, как тут же нырнул в глубину. Подсекаю — оушок, граммов на сто. И началось... Я не успеваю снимать пойманных рыбёшек и подновлять наживку. Иногда попадались и хорошие экземпляры. Через полчаса

полуведёрный котелок был полон. С сожалением прекращаю ужение и принимаюсь за разведение костра и чистку рыбы. Издалека доносится глухой выстрел. «Во, и у Шухова что-то есть», — радуюсь я возможной удаче напарника.

К приходу Виктора у меня жарко горит костёр, кипит уха и заготовлен лапник для лежанок.

— Глянь, Максимыч, каких петушков я добыл, — Шухов, держа за лапки четырёх рябчиков, поднял их над головой, демонстративно похваляясь своей добычей. — Сейчас такую жарёху сварганим.

— Сейчас поставлю воду, чтобы ошпарить и помогу шипать, — откликаюсь я.

— Не надо. Я буду готовить другим способом.

— Расскажи. Интересно.

— Выпотрошу. Нашпигую изнутри всякими специями, посолю и обмажу глиной, которую замешу и доведу до состояния густой сметаны. И на время, пока хлебаем уху, закопаем неглубоко, раздвинув угли, обмазанные тушки и вернём на место костёр, подкинув сушняка.

Так и сделали. Насладившись ароматной ухой с двойной добавкой и немного отдышавшись, разгребаем костёр и выкапываем обжигающие глиняные колобашки. Дав им немного остыть, разбиваем своеобразную керамическую скорлупу. Все перышки и пушинки остались в этой спекшейся скорлупе, а тушки рябчиков, источая сказочный аромат своей поджаристой корочкой, несмотря на почти стопроцентную сытость, вызывают прилив голодной слюны во рту. Такой обалденной вкуснятины до этого вечера пробовать мне не приходилось. И мы так увлеклись, что не заметили, как от жаркого из двух рябчиков на столике осталась только горка обглоданных косточек.

— Фу-у-у, — с трудом перевожу я дух, — вот это объедаловка! Теперь я понимаю буржуев, о которых писал Маяковский, обжирившихся ананасами и рябчиками. Надо запомнить твой рецепт приготовления дичи, а то Виктор неоднократно грозился угостить запечённой в глине утятинкой или глухоротинкой, но так и не угостил. Шухов самодовольно улыбается:

— Так и крупную рыбу готовят. Пальчики оближешь. А глухаря я тебе обязательно зажарю, надеюсь, добудем таёжного отшельника. Они здесь водятся.

— Надеюсь. А насчёт пальчиков не сомневаюсь, я их и сейчас вылизал — мыть не надо.

Догорала заря. Убрал со столика и помыв посуду, подгаскиваем поближе к костру лапник, устраиваем лежанки. Лежим, любуемся подмигивающими звёздами, ищем глазами знакомые созвездия. Спать не хочется, и я прошу Шухова:

— Расскажи чего-нибудь.

— А что тебя интересует?

— Да всё. Ты столько историй знаешь.

Шухов какое-то время молчит и начинает рассказывать:

— В нашей деревне это было. Я ещё молодой был. Только-только школу закончил. Конец лета был. Пошла пацанва по ягоду. Ребятишек двадцать собралось: старшему четырнадцать, самому младшему — около семи. Черника как раз поспела. Ушли в лес, что рядом с деревней, считай, начало тайги. Набрали кое-чего. Через пару часов возвращаются и недосчитываются одного — семилетнего Мишки, младшего сына нашей соседки тётки Марии, овдовевшей всего год назад и оставшейся с тремя детьми на руках. Муж работал вальщиком леса в лесозаготовительной

бригаде, простыл, напившись разгорячённым родниковой воды, перенёс пневмонию на ногах. Хватились, когда при кашле в мокроте появилась кровь. Так и загнулся от элементарной простуды, перешедшей в чахотку.

Собрались десятка два баб, мужики, пацаны постарше и двинулись в лес, где ребяташки чернику собирали, прочесали всю округу, кричали, даже из ружей стреляли — безрезультатно. Мишка как в воду канул. До глубокой темноты искали — не нашли. С утра всей деревней собрались и соседей из близлежащих деревень оповестили. Круг поиска расширили до нескольких десятков километров, и опять никаких следов. Четверо суток шли поиски. Мать пацанёнка все глаза выплакала, в церковь ходила, на коленях перед иконой Матери Божьей несколько часов простояла, молясь.

На пятый день нашёлся мальчишка. За двадцать вёрст от нашей деревни, но самое главное — на той стороне Онеги, которую нигде вброд не перейдёшь, река на этом участке и широка, и глубока. Нашли на брошенной лесовозной дороге совсем случайно. Тоже ягодники возвращались домой, а он навстречу идёт. И совсем не измождённый и не грязный, будто и не бродил несколько суток по тайге.

Начали его расспрашивать, где был, что видел, а главное, как оказался на той стороне реки, там поиски вообще не велись. И мальчонка рассказал, что никакой реки не видел, воды боится и плавать никогда не пробовал. А по тайге не бродил, гулял с дедушкой, у которого большая белая борода и ласковые глаза. Они гуляли по каким-то полям, перелескам и дорожкам, ночевали на сеновале на мягком пахучем сене и ели по утрам белые лепёшки с теплым молоком. Потом снова гуляли, а устав, отдыхали на сеновале. Дедушка рассказывал много интересных сказок, которые Мишка не запомнил. Через какое-то время он сказал мальчику:

— Надо тебе, Миша, возвращаться к матери. Переживает она и очень просит отпустить тебя домой. Иди по этой дороге, встретишь людей, и они отведут тебя к матери, — и дал в дорогу несколько вкусных белых лепёшек.

Мальш полез в карман курточки и достал пучок белого мха...

Шухов умолк, пылливо взглянул на меня, словно хотел убедиться — верю ли я ему? Ошарашенный, я молчал. Наконец, придя в себя, высказываю мысли вслух:

— Вот и не верь после этого в потусторонний мир и нечистую силу. Лично я не сталкивался с подобными явлениями, но масса достоверных фактов, подобных тем, что ты рассказал, убедительно свидетельствуют об их существовании.

— И я в этом убедился. При случае расскажу ещё несколько историй, свидетелем и даже участником некоторых был сам. А сейчас, если хочешь, расскажу одну историю, не столь грустную, которую слышал, когда служил в армии.

— Давай, — охотно откликаюсь я.

— Служил я на Севере. Не буду раскрывать, что мы там охраняли. Лесотундра кругом и множество озёр — огромных и небольших, а дичи в тех краях, особенно на озёрах, несметное количество. Километрах в пятидесяти от нашей части на одном из огромных озёр был большой остров, где местный животноводческий совхоз организовал стан для выпаса молодняка. Травостой отменный, места много, волки и медведи не докучают — добратся им до острова нет возможности. Загоняли

молодняк на остров весной перед самым таянием льда и забирали по первому льду, когда он окрепнет. Подкармливали молодёжь до появления травки и до начала ледостава — заранее заготовленным сеном и комбикормом. На острове были оборудованы загоны с утепленными стойлами на случай непогоды, имелся небольшой домишко для обслуживающего персонала и склад для комбикорма. Обслуживающий персонал состоял всего из одного человека — молодой пастушки из местных аборигенов — нанайки, имя которой было переименовано на русский манер Мария. И жила эта девка на острове, считай, круглый год: летом пасла и холила телят, зимой, когда забирали последних, сторожила совхозное добро на стане, чтобы не нашкодничали пришлые люди из числа охотников, которые в тех местах бывали, но не часто. Нанайка, которой было уже далеко за двадцать, с обязанностями справлялась хорошо, падежа молодняка практически не было, и совхозное начальство ею было довольно.

И был у нас в части прапорщик Семён Буданов, мы звали его за усы Семёном Будённым. Охотник заядлый — всю тамошнюю лесотундру облазил, охотясь на всякую дичь. Случалось, и меня брал с собой. Вот уж у кого можно было поучиться и стрельбе, и выслеживанию зверя, и ориентировке на местности.

Однажды поздней осенью Семён Будённый отправился на то озеро охотиться на пролётных уток и гусей. Поохотился и решил отдохнуть, приплыл на остров. А нанайка Мария болела, живот у неё скрутило. Семён решил полечить её. Налил в кружку из фляжки немного спирта, развёл водой, всыпал ложку соли и размешал. Дал выпить девке и принялся готовить суп из утятин. И полегчало Марье, попросила супу и ещё спирту.

Ночь настала. Марья постелила Семёну на полу, сама на кровать легла. Что-то не спится прапорщику, и говорит он девке:

— А знаешь, Мария, у меня ещё один рецепт есть, чтобы у тебя живот не болел.

— Какой? — спрашивает та.

— Прижаться моим здоровым животом к твоему больному животу, и моё здоровье перейдёт к тебе. Давай попробуем?..

Подумала-подумала нанайка и согласилась.

Ещё на одну ночь остался Семён Будённый на острове. А вернулся в часть и забыл о приключении на озере.

Весна пришла. Пригоняют молодняка на остров, а у нанайки живот на нос лезет, на сносях ходит. Как? Откуда? Сообщили совхозному начальству. То в задрог — начало выпаса молодняка, а пастушки, считай, нет, надо менять. Вызвали виновницу к председателю на ковёр. Пришлось ей признаться: в конце сентября на остров приезжал охотник-военный и лечил её от болезни живота. Долго ругался председатель, проклинал охотника из воинской части и потребовал написать Марье заявление, что охотник Семён с усами взял её обманом и пусть его за это накажут. Она написала.

— Я это заявление передам в милицию, пусть найдут этого насильника и привлекут к ответственности, а воинская часть заплатит совхозу убытки, которые он понёс, лишившись пастуха в самый ответственный момент.

Выслушала нанайка угрозы председателя и, схватив со стола своё заявление, порвала.

— Ага, щас! Привлекут... Небось, ни

один дохтур и никто из вас на остров носа не кажут, хоть сдохни. А он вылечил меня, думала, помру... И за это его в тюрьму?.. Нет уж... Может, он опять придет утей стрелять.

Так закончилась история с нашим прапорщиком Семёном Будённым и пастушкой-нанайкой.

Родив сыночка, она вернулась к своим обязанностям на острове, стала растить себе помощника и частенько вспоминала Семёну-охотника, лечившего её от болезни живота, надеялась, что когда-нибудь он снова придет поохотиться на остров.

Я грустно улыбаюсь, смотрю на пляшущие языки пламени костра. Молчу. Шухов вздыхает.

— Вижу, не понравилась моя история, — с некоторым разочарованием говорит он.

— Нет, почему же? Понравилась. Только подозреваю, что героем истории не Семёнка Будённый был, а ты сам.

— Ну ты даёшь, — возмущается он, приподнимаясь на локте. — С чего ты взял?

— Просто показалось.

— Когда кажется, крестись, — беззлобно советует Шухов.

— Извини, — тороплюсь с оправданиями. — Я не хотел тебя обидеть. История с юмором, но жизненная. Вот поэтому и задумался.

— Ну ладно, не извиняйся. Давай укладываться. Поздно уже. Завтра переход хотя и не такой тяжёлый, но отдохнуть всё равно надо. Думаю, после обеда выйдем к озеру. Попьём чайку и двинемся по берегу на север.

Я проснулся на рассвете от какого-то движения. Открываю глаза: в зыбком свете полусумраке Шухов стоит на коленях у потухшего кострища и пытается раздуть огонь, сунув пучок сухой травы и мха в едва тлеющие угольки под слоем золы. Наконец, это удаётся ему. Выпыхивает бледное пламя, которое начинает робко лизать тоненькие сучья, подкладываемые сверху.

Костёр разгорается. Виктор подбрасывает изрядную порцию сушняка. Увидев, что я проснулся, поёживаясь, здороваются:

— Привет. Дуборно на рассвете. А костёр прогорел. Ты полежи, ещё рано.

Но через двадцать минут мы уже на ногах. Разогреваем остатки ужины, завариваем свежий чай, упаковываем рюкзаки. И едва солнце выползает из-за далёкого частокола елей, трогаемся в путь.

Через пару километров брошенная дорога уходит вправо к Турбозеру, а мы сворачиваем на тропу, петляющую по берегу Туры, уже хорошо набитую туристами-байдарочниками, пробирающимися на Кожозеро. Меж стволов то и дело расплавленным свинцом поблескивает водная рябь реки и доносится шум перекаатов. Свежий утренний воздух, настоящий на сосновой хвое, щекочет ноздри и переполняет грудь, идти одно удовольствие. На одном из поворотов реки, где тропа наиболее близко подступает к береговому обрывчику, Виктор приостанавливается и спрашивает:

— Может, отдохнем?

— Я не устал. Да и не рано ли?

— Так уже полтора часа шагаем.

— Неужели? А я и не заметил. Тогда давай присядем на несколько минут.

На подходе к устью Туры выбираемся на небольшую прогалину, на противоположной кромке которой густая полоса малинника. Едва успеваем сделать к кустам несколько шагов, как раздаётся треск и что-то мелькает в зарослях ягодника. Я срываю ружьё с плеча. И вижу: на сухосто-

ину за малинником быстро карабкается медвежонок, а следом — взрослый медведь.

— Виктор, — севшим голосом сиплю я, — медведи.

— Вижу, — тихо отвечает Шухов, — это пестун с медвежонком. Давай улелётывать. Где-то поблизости мамаша, и если она появится, нам не сдобровать.

Мы боком-боком обходим прогалину и выходим на тропу далеко за опасным местом. И только удалившись на приличное расстояние от медвежьего малинника, Шухов поясняет создавшуюся ситуацию:

— Однажды я уже попадал в подобную историю. Увидел пестуна с малышом. Пестун — это медведь-подросток, помогает матери в течение года пестовать малыша. И вот стою, значит, наблюдаю. Интересно. А тут нарисовалась мамаша, увидела меня, рыкнула угрожающе и поплёрла в мою сторону. Я всё побросал (ружьё и рюкзак) — и ходу. Не помню, как отбежав на несколько десятков метров, начал карабкаться на здоровенную сосну. Залез довольно высоко, сижу на толстом суку, в ствол вцепился: ни жив ни мёртв. Походила, походила медведица под сосной, посмотрела на меня злобно, порычала и через полчаса ушла.

— Странно, — сочувственно произношу я, — почему она не захотела снять тебя с дерева, она ведь превосходно лазает?

— Сам удивляюсь. Запросто могла залезть и сшибить лапой на землю. Видимо, не захотела связываться с любопытным дураком.

— Повезло нам, — поддакиваю я, — медведица где-то загасилась и не учуяла нас, а то бы того...

— Да-а, видимо, где-то муравейником увлеклась или выкапыванием сладких коreshков и все заботы о малыше переложила на пестуна.

И вот оно — долгожданное озеро. Бывает любовь с первого взгляда. Теперь я знаю — бывает. Я влюбился в озеро именно с первого взгляда. Оно покорило меня своей мощью, необъятной ширью, которую трудно было охватить одним взором. Оно лежало слепящим зеркалом. День был погожий, и озеро под лучами солнца переливалось всеми цветами радуги, искрилось легкой рябью. Озеро сильно вытянуто с юга на север, и если смотреть в этом направлении, сверкающая ртутная полоска водной глади сливается с горизонтом и бескрайняя даль завораживает, колдовски манит за собой. Между восточным и западным берегами расстояние тоже — дай Боже, в иных местах они сужаются, и тогда видны подступающие к воде стены вековых деревьев, а разбегаясь, берега превращаются в еле различимые полосы.

Передохнув и перекусив, идём по западному берегу ещё пару часов. Устраиваемся на ночлег задолго до заката. Разбиваем бивуак и разбегаемся в разные стороны: он со спиннингом, я — с удочкой и жерлицами. Наловить живцов была не проблема, и буквально через полчаса я наживляю пять жерлиц. Пока суть да дело, решаю пробежаться с ружьём по прибрежному сосняку и ельнику, авось, что подстрелю. Но, увы, не повезло. Вернулся к жерлицам. Здесь дела получше: щучка примерно на полкило и пара окушков граммов по триста.

На стоянке жарко горит костёр. Виктор хлопчет у воды, чистит рыбу, пристроившись на старой коряге. У него улов побогаче. Подцепил на спиннинг приличную щуку, а на донку язя и подлещика. Я присоединяюсь к нему, и вскоре сервиру-

ем наш походный стол. И вновь я убедился в его таланте запекать в глине не только дичь, но и только что пойманную рыбу. Щуки и язь в глиняной скорлупе получились изумительно вкусными, и мы долго смаковали, обсасывая каждый плавничок. Особенно балдел я — любитель рыбьих голов.

Ночью заморосил дождь, и пришлось спешно натягивать тент над лежанками. Шухов ворчал:

— Вот к чему приводит безалаберность. Нужно было подстраховаться, ведь видели, как с вечера загуляли облака.

Но утром небосклон был чист и бездонен. Вышли пораньше и к вечеру были у Подломки, впадающей в северо-западный конец Кожозера, чуть пройдя вверх по течению, нашли удобный каменистый перекаат, где, благополучно перепрыгивая по камням, переправились на противоположную сторону. Вскоре пришлось вновь перебираться через приток Подломки Никодимку. Когда-то приток назывался Хазьёга и был переименован в память старца — затворника Никодима, тридцать лет прожившего здесь в уединении.

За Никодимкой, наконец-то, выбрались на «монастырку». Эта дорога особенная, её ещё задолго до революции строил монастырь. Прямая, как стрела. Поднимаешься на увал, глянесь из-под руки — просека среди тайги будто по линейке прорублена, никаких загогулин и вихляний. У нас же сегодня железные дороги, как пьяный мужик по...л, а тут монахи двуручкой и топорами изладили безо всяких нивелиров, по-хозяйски, справно. В большом порядке и содержалась тогда дорога. Рассказывали, сам игумен дорогу проверял: едет в коляске, поставит между колен посох, где он подскочит, там останавливается и велит сравнять ухаб. Если бы трактора и ГТСки (гусеничные вездеходы) не разворотили гати, и сейчас бы по этой «монастырке» на любой легковушке можно было бы ехать, как по асфальту. Умели же строить мужики...

Шухов сбрасывает рюкзак у хорошо приметного кострища на обочине. Когда-то возле него обедали или коротали ночь туристы или охотники.

— Максимум, — поворачивается он ко мне, — есть предложение: заночевать в этом месте, а назавтра не идти по берегу озера до монастыря, а подняться вверх по течению реки Кожа до знаменитого Падуна. Это всем известный порог. Красивейшие места. И затем, пройдясь вдоль порогов, вернуться на озеро. Как ты смотришь на это?

— Как скажешь. Я с удовольствием познакомлюсь с порогами.

Ещё собираясь в поход, я проштудировал кое-какие источники о Кожозере и его окрестностях, и элементарные сведения о данной местности уже имел.

Оставив далеко позади и в стороне русло реки Кожа, берущей начало из северного конца озера, мы направились к небольшому таёжному озеру, названному почему-то Добрым. Река, бурная и порожистая в самом начале своего пути, удалившись от «матери», давшей ей жизнь, успокаивается и представляет собой широкое русло со спокойным течением, мирно несущее свои струи в таёжной тиши. Столпившись на берегу, деревья задумчиво смотрят в водный поток, который вливается в лесное озеро. Но покидая озеро, река не напиталась из него доброты, начинаются каменистые

перепады. Первый — Мельничный пере-
кат, за ним порог того же названия, где
когда-то в старину стояла мельница. А
далее — порог на пороге.

Гул главного порога, вначале слабый,
похожий на ветер, гуляющий среди вер-
шин деревьев, ты начинаешь слышать
ещё километра за два — за три. Он усили-
вается с каждым метром и превращается
в рёв, когда до него остается какая-то сот-
ня метров.

Падун — каскадный водопад. На про-
тяжении немногим более ста метров по-
ток воды скатывается более чем десять
метров. Река срывается с четырёх уступов.
Скалы практически перекрыли дорогу
речному потоку, который сжало камня-
ми шириной до десяти метров. В этом
месте поток, беснуясь, клокочет и несёт-
ся с безумной скоростью. По правому
берегу открывается захватывающая кар-
тина: река, наткнувшись на скалы, сер-
дито плещется и, набирая скорость, уже
с грохотом падает с первого уступа, раз-
бивается на несколько потоков, клокочет
между выступающих громадных валунов.
Вода кипит и, покрывшись белой пеной,
летит с уступа на уступ и, грохнувшись с
последнего уступа, долго бурлит на ниж-
нем скальном перекате.

Тропку вдоль Падун натоптали тури-
сты-байдарочники, перетаскивающие
плавсредства на своих плечах. На скале,
выше тропы — пирамидка из нержавеющей
с табличкой: «г. Кривой Рог. А. В. Цыка-
лов 1.11.1949-19.09.1978 гг. Трагически по-
гиб». Говорят, хотел покорить Падун. Ря-
дом с пирамидкой — место для привала.
Располагаемся на отдых и мы, разводим
костёр.

Сажу я на обломше скалы, смотрю
на Падун и с горечью думаю: где же этот
смельчак допустил роковую ошибку? Мо-
жет, при попытке покорить водопад на
байдарке или сорвался в беснующийся
поток, поскользнувшись на осклизлых
камнях? Не знаю, и спросить не у кого.
Но попытаюсь представить, что рискнул
он покорить каскадный поток.

Первый каскад хотя и страшен, но если
правильно выбрать струю, взять правее от
основного потока, его можно проскочить.
Второй уступ невысок, вода сама внесёт
в горловину. Грохот здесь оглушительный,
но как раз в этой горловине наименее
опасно. Стремнина несётся прямо, она
перенесёт через третий уступ. Весь путь
займёт считанные секунды, а в горлови-
не и того меньше — доли. За третьим ус-
тупом — крошечный плёс, который втя-
гивается в четвёртый уступ — самый опас-
ный и, считай, непроходимый.

Клокоча и беснуясь, поток обтекает
подводные скалы, которые едва видны
сквозь толщу воды, а обогнув, сливают-
ся, скручиваясь в клокочущую адскую во-
ронку. Воронка поглощает всё, затягива-
ет в бездну и не отпускает. Видимо, в этот
кипящий котёл — водоворот и попал тот
смельчак. Говорят, и тела не нашли...

Смотрел я со скалы на водопад — не-
удержимый, жестокий, и вспоминал, что
читал о нём перед походом. И всплыло в
памяти имя человека, жившего здесь, не-
далеко от Падун... Это Никон, впослед-
ствии ставший русским патриархом. Сюда,
на Кожозеро, пришёл он с Анзер-
ского острова, самовольно покинув свое-
го строгого учителя Елеазара, и здесь уда-
лился в пустынь. Думается, не случайно
избрал Никон для своего жилища место
в устье речки Виленги, что впадает чуть
выше Падун. Вид грозной, своенравной
стихии был под стать его неукротимому

духу. Не раз, наверное, ходил он по сотря-
саемым Падун скалам и смотрел, как
клокочет водная бездна, не умолкая и ни-
когда не сдаваясь даже силе северных мо-
розов. Возможно, сидел, задумавшись, и
на этой скале, на которой примостился
сегодня я...

Отдохнув день на берегу лесного тихого
озера Доброе, мы возвращаемся на Кожозе-
ро. Не могу уже в который раз не выска-
зать несколько эпитетов красотам этого
чудного природного водоёма. Оно поко-
ряет и завораживает своей грандиозной
неохватностью. С какого берега ни взгля-
ни — открывается что-то новое, ранее не
замеченное, и этим вызывает восторжен-
ное изумление. Но есть особенное место,
как бы сосредоточие всех красот. Это Лоп-
ский полуостров, к которому выводит мо-
настырская дорога. Вернее, это не полу-
остров, а остров, который соединён с бе-
регом насыпным перешейком. С пере-
шейка открывается вид на возвышенное
островное плато и на белые монастыр-
ские постройки. С этим местом связана
история заселения Кожозера, которая,
если верить литературным источникам,
насчитывает четыре века, на самом же деле
оно началось значительно раньше.

Почти полтыщи лет назад, до прихода
сюда русских поселенцев, населяла здеш-
ние земли «чужь белоглазая» и «лопъ ди-
кая». Стояло на озере лопское (саамское)
поселение, память о котором сохранилась
в названии полуострова. Но в середине
шестнадцатого века озеро обезлюдело,
никто не селился здесь из-за отдалённо-
сти и труднопроходимости здешних мест.
Глухие места севера привлекали жаждущих
одиночества подвижников пустынночес-
кой жизни. Монах Нифон звериными тро-
пами вдоль реки Кожы достиг озера и по-
селился здесь. Вскоре к нему приходит
мирянин Сергей, которого Нифонт постри-
г в монахи и нарёк Серапионом.

Новый монах был необычной судьбы.
Он был татарским царевичем Турсасом
Ксангаровичем, пленённым при взятии
Казани Иваном Грозным. Его окрестили
в Сергия, и жил он некоторое время в
Москве у боярина Плещеева, жена кото-
рого, татарка, приходилась родственницей
Турсасу-Сергию. Почему он ушёл из Мос-
квы и стал искать убежища не в благоу-
строенном монастыре, а в далёкой северной
пустыне? Скорее всего, из-за преследова-
ний из царского окружения.

Постепенно монашеская братия вокруг
Нифонта разрасталась. Приходили и осе-
дали всё новые и новые скитальцы. Ни-
фонт отправился в Москву хлопотать о со-
здании на Кожозере монастырского сооб-
щества и пропал без вести. Его место за-
нял Серапион. Бывший татарский царе-
вич и стал первым строителем Кожозер-
ской Богоявленской пустыни. Во времена
Бориса Годунова монастырь пользовался
поддержкой московского правительства и
служил местом ссылки. Ссылали на Ко-
жозеро и при Михаиле Федоровиче, и при
Алексее Михайловиче.

Каков был первоначальный облик мо-
настыря, трудно сказать. Скорее всего,
здесь стояло несколько рубленых келий
вокруг деревянной Богоявленской церк-
ви на мысу напротив Лопского острова.
Место это угадывается по фундаменту сто-
ревшей церкви. Песчаный мысок отделял
от острова узкий, но глубокий пролив.
Очевидно, когда-то существовал мост, со-
единявший остров с берегом, возводили
такие на срубках, забутованных крупными
камнями. Но со временем (возможно, в
течение не одного десятка лет) монахами

пролив был засыпан камнем и песком. Их
работу дополнили волны, принесшие к
искусственной дамбе озёрный песок, пе-
решеек постепенно расширился и достиг
такой ширины, что на нём построили дву-
хэтажный постоянный двор и трапезную
для приезжих. И таким образом остров
превратился в полуостров.

Почему монастырь начали строить на
острове, а не на берегу? Основная причи-
на — рельеф местности и почва. Заболоч-
енность, а где повыше — пливун-песок,
к тому же не было подходящей земли, при-
годной для выращивания зерновых, и
крайне незначительные покосные угодья.
Монахи выжгли и раскорчевали лес в юж-
ной части островного плато, распахали
поля, к тому же на острове было удобно
разводить скот, который не разбредался
по окрестностям и отсутствовал урон от
дикого зверя.

Так и стоял небольшой монастырь в
стороне от дорог. Один был путь сюда —
шестидесятикилометровая тропа от села
Прилуки на Онеге, да и та была проезжей
лишь в зимнее время.

В семнадцатом веке монастырь дости-
гает наивысшего расцвета. Это стало воз-
можным благодаря покровительству мос-
ковских царей. В это время в нём прожи-
вало около ста монахов, он имел свои вот-
чины в Поморье, рыболовецкие тони и
солеварни. Немалый доход приносил сё-
мужный лов в реке Коже, которая от устья
до истока была пожалована монастырю
царской грамотой. За счёт своих денег
Кожозерский монастырь ведёт строитель-
ство ряда храмов в своих вотчинах.

Сосланные в монастырь — в большин-
стве люди образованные — способствова-
ли развитию книжно-переписного дела.
Сохранилось имя ссыльного князя Бори-
са Львова, в иночестве Боголепа, оставив-
шего заметный след в летописях своими
трудами по описанию жизни монастыря.

В период расцвета Кожозерский мо-
настырь в Поморье уступал только Соловец-
кому и Сийскому. Но удалённость мо-
настыря всё-таки сказывалась на благоде-
нствии его, не спасали и вотчины на побе-
режье Белого моря. Он жил изолирован-
ной хозяйственной жизнью, что вело к
медленному угасанию. Хозяйство прихо-
дило в упадок, монастырь хирел, особен-
но в послепетровские годы, монахи раз-
бредались. В 1764 году указом Екатерины
Второй монастырь был упразднён, как и
многие другие оскудевшие северные оби-
тели. Был восстановлен только в середине
девятнадцатого века. В конце этого столе-
тия игуменом монастыря был назначен
бывший Соловецкий иеромонах Питирим
— умный и властный человек. Он занялся
восстановлением пришедшего в упадок
хозяйства, развернул строительство камен-
ных зданий. Понимая, что решение всех
проблем упирается в бездорожье, Пити-
рим взялся за строительство знаменитой
монастырской дороги. Средства на её стро-
ительство он нашёл, продавая лес при
прорубке трассы. Питирим прославился
ещё тем, что жёстко следил за качеством
строительства дороги, регулярно проезжая
по ней с посохом между колен. Говорят,
этот посох хранится в Архангельском кра-
еведческом музее.

Каменный монастырь, построенный
вместо деревянного из плиточника и из-
вестняка, возвышается сегодня на краю
островного плато, и в тихий ясный день
отражается в водной глади озера как в ог-
ромном природном зеркале. Если пре-
жде, при строительстве монастыря в дере-
вянном исполнении, главное внимание

уделяли удобству и практичности, то, воз-
двигая здания из камня, уже учитывали
наглядность и престижность. Строители
очень хотели, чтобы паломников поража-
ла грандиозность и прочность строений,
их суровая и дикая красота, и они преус-
пели в своём желании: монастырский ан-
самбль производил на паломников неизг-
ладимое впечатление; каменные здания,
выросшие в лесной глуши, поражали, та-
ких не сыщешь ни в одном уездном горо-
де и даже в самом губернском городе Ар-
хангельске подобного нет.

Но вблизи здания, которые давно по-
кинули люди, выглядят уныло, стоя ря-
дом с ними, ощущаешь какое-то тягост-
ное чувство потери, утраты чего-то доро-
гого и родного. Все строения, в том числе
и два храма, соединённые крытым пере-
ходом, были не высоки, не рвались ввысь
куполами и, тем не менее, удачно вписы-
вались в окружающий пейзаж. Особняком
стоят каменные монастырские ворота с
надвратной церковкой, настежь распахну-
ты проёмы двух арок (Добро пожаловать!).
Нет к ним дороги, всё вокруг густо заросло
травой-муравой. Определённый интерес
вызывает амбар, единственное сохранив-
шееся деревянное здание из монастыр-
ских построек, этот огромный сруб под вы-
сокой крышей напоминает типичную
«мангазею» (лабаз) восемнадцатого века.

Мы медленно обходим здания мо-
настыря, заглядываем во все закоулки. Пра-
ктически на всех стенах видны шерстинки
и сколы от пуль и снарядных осколков. Я
вопросительно смотрю на Шухова.

— Это отметины гражданской войны, —
тихо роняет он.

Да, я вспомнил, здесь шли кровопро-
литные бои. Я читал краткую информа-
цию о тех событиях. Нижнее течение Оне-
ги и прилегающие к реке селения были
заняты белыми. В Кожозерском монасты-
ре стоял их отряд. Зимой 1919-20 года крас-
ные перешли в наступление на всех участ-
ках Северного фронта. На Онежском уча-
стке был осуществлен их дальний рейд в
тыл противника. Мобилизовав местных
проводников, красный отряд двигался
лесной дорогой на деревню Кривой Пояс,
от которой шла тропа на Кожозеро. В от-
ряде практически все бойцы были северя-
не, к таёжным переходам привычные. Они
сумели через снег и болота протащить
пушку и пулемёты. Белые были застигнуты
врастлох, но сопротивление оказали
яростное. От этого боя на стенах остались
следы от пуль и осколков, да братская мо-
гила красноармейцев на холме у дороги...

Наша последняя ночь на Лопском по-
луострове, под стенами древнего мо-
настыря. Поужинав, не сговариваясь, идём
на каменный мыс на западном побережье
полуострова, садимся на валуны у самого
уреза воды. Догорают вечерняя заря. Тихо
плещут набегающие волны. Их шелест
похож на вздохи, будто озеро, проведив
светило на покой, само, расслабляясь, го-
товится ко сну, его дыхание уравнивает-
ся, становится умиротворённым, как
у засыпающего ребёнка. На потемневшем
небе загораются мириады звёзд. Чернеют
строения и развалины монастыря. Бес-
шумной тенью скользит над монастыр-
ским двором сова. Но древние нежилые
здания обладают какой-то необъяснимой
силой воздействия на человеческую душу,
в них есть что-то таинственное.

Теперь я понимаю Виктора Шухова,
почему его неудержимо тянет сюда, к сте-
нам Кожозерского монастыря

Александр МАКАТРЕВИЧ

Я прошу вас, друзья!

Я прошу вас, друзья, преклоните колени
Перед тем, кто из боя уже не вернётся.
Станем вместе стеной,
наберёмся терпения,
Перед нашим врагом
русский дух не прогнётся.
Нет, не будет прощенья
бандеровской своре,
Для Иуды оставим одни лишь проклятья.
Как бомбил он Донбасс, позабудем нескоро.
Мы по вере и крови с рождения братья!
Для врага у нас хватит
свинца и патронов,
И горячих сердец, и гвардейской отваги.
Станет чистой вода в русле Тихого Дона.
Будем мирно мы жить и трудиться на благо!
Честь и Славу своим воздаём мы героям,
Что отдали себя за свободу Отчизны.
Мы на месте развалин
Донбасса построим
Для детей наших новую, светлую жизнь!

Спецназ

Ещё есть время до рассвета,
Как дома сладко спят бойцы.
Взорвалась в городе ракета.
Пора за дело, храбрецы!

Спецназ, нет для него преграды.
Давай, командуй, командир!
Победа — лучшая награда,
Не опорочим свой мундир.

Плечом к плечу... Виват, Отчизна!
Мы — твои верные сыны!
Не пожалею своей жизни
За честь, спокойствие страны.

В беде мы не оставим брата,
Мы станем за него стеной.
Нет лучшей славы для солдата
За правду жертвовать собой.
24.03.22г.

Зачем и кто...

Зачем и кто нам жаждет доказать,
Что нет родства по вере и по крови.
Не первый раз, и нам не привыкать,
Мы эту правду отстаивать готовы.

Грозит фигляр безликий кулаком.
Слону лай моськи — вовсе не помеха.
Советуем, пусть помнит об одном,
Что на войне он не пойдёт успеха.

Пришла пора расплаты по счетам.
Кредит доверия правителя исчерпан.
Что скажешь детям ты и старикам?
На улице сейчас не сорок первый.

Ты предал память деда! Не простить,
Не замолишь грехи в Иерусалиме.
И мы пришли за всё с тебя спросить
За русский Мир, Единый неделимый!
22.03.22г.

Война — войной...

Война — войной, весна — весной,
Пора пахать, не воевать,
Не время камни собирать!

Подумать надо головой:
Цыплят по осени считают.
И стар, и млад об этом знают.
Зерно имея в закромах,
Ты будешь сыт не на словах.
Словами сыт, увя, не будешь.
С мечом в руках себя погубишь.
Подумай сам, как дальше жить?
Пора о распрах позабыть,
Но кто-то жаждет нас стравить
Как диких псов,
Забыв, что в мире есть Любовь,
Что узы братства неподкупны...
И как бы ни было нам трудно
Преодолею эту грань,
Забудем зло, залечим раны,
На плуг заменим автомат,
Что нам делить с тобою, брат?
26.03.2022г.

В гостиной старенький рояль

К 210-летию Бородинской битвы
В гостиной старенький рояль
Грустит в углу, над ним картина:
На синем море бригантина
За горизонт спешила вдаль.
На плечики накинув шаль,
Читая, девушка сидела.
Ей было явно не до сна,
На улице шумит весна,
Сирень, взмахнув косынкой белой,
В беседку во дворе звала,
И две руки, как два крыла,
Взлетели перьями шифона.
Шагнула девушка с балкона
В мечтах вдаль птицей поплыла.
Так краток был волшебный миг,
Кто не мечтал, тот не постиг
Души прекрасного полёта.
Но на балкон вдруг входит кто-то —
С поспешной поступью отец,
И вот мечтаниям — конец.
Дверь на балкон на ключ закрыли,
Её за книги усадили
Науки постигать, а он
Забрался на её балкон,
Корзину роз ей преподнёс
С лихой гусарскою бравадой
И удивил её до слез.
Так вот,
Всё это длилось целый год.
Война, и где-то под Москвой,
Своей рискуя головой,
Он, не жалея, бил французов.
Его за храбрость сам Кутузов
Крестом за храбрость наградил.
Перо гусиное в руке,
Сирень цветёт невдалеке,
Пишу, как было, без обмана.
На лист прелюдия романа
Строка ложится за строкой.
Дом двухэтажный над рекой
И дверь стеклянная с балконом,
Рояль в углу, гусар с поклоном
Ей так же розу подаёт,
Как в первый раз, уж третий год.
Младенец рядом в колыбели,
Темно, но свечи не горели,
Луна вошла на небосвод,
Конь бьёт копытом у ворот.
Прощанья час, пора в поход,
На подвиг Родина зовёт!

Нам войны не надо

Альвина СИМОНОВА

Российский воин победит

Россия, Родина, страна,
Ты чистою душой лучистой
Вновь раззадорила нечистых.
И, как в былые времена,
Опять зверьё осатанело,
Оскалившись, кусает нас.
И поднялась когорта смелых,
Чтоб заслонить собой Донбасс.
И наши лучшие мальчишки,
Став мужиками в тот же час,
Из-за компьютера и книжки
Поднявшись, защищают нас.
А мы растерянно вникаем
В нахлынувший информохлам,
Благословляя, отпускаем
Своих ребят, хоть страшно нам.
Уж дьявол выступил без маски,
И западное вороньё
Цинично, нагло, без опаски
Враньё цепляет за враньё.
И платит, и вооружает
Нацистов, укропалачей.
И эта наглость поражает
Крысиной подлостью своей.
России воины, солдаты,
Необратим войны итог.
Мы ждём с победой вас, ребята,
За вами правда, с вами Бог!

Римма ХРАМЦОВА

Молитва матери

На коленях стоит, теребя нервно плат,
Пред иконой молитву свою шепчет мать,
На лице нету слёз,
только каменный взгляд,
Сердце плачет навзрыд
за ушедших ребят.

«Боже, дай силы мне отпустить
сына в ад
И любовью своей защитить всех солдат.
Излечить раны их, стать
сильней во сто крат,
Чтоб живыми они возвратились назад!».

Сизым голубем в небе молитва летит,
Собирается в стаи у мраморных плит,
Где сердца поднимает погибших ребят,
И щитом пред врагом
эти души стоят.

Соткан огненный щит
из молитв матерей,
Для врага нет преграды
страшней и прочней,
Дед, отец, брат и сын у родных рубежей...
Дух един и могуч у всех русских людей!

Нина ТВЕРСКОВА

Земля Донбасса

Её опять терзали ночью бесы,
Ломали крылья, заставляли пресмыкаться,
А у неё другие интересы —
Она ведь просто хочет Ангелом остаться.
И ранним утром умывается росой,
Лицо и мысли обращая к небу,
Любуется летящею звездой,
Питаясь солнцем,
словно сладким хлебом!
Идёт на поле брани — там сраженьё,
Смерть властвует и забирает души!
Она встаёт пред ней без сожаленья,
Законы Ада чистотой нарушив,
И помогает воинам подняться,
Их напоив волшебною росой,
Желает сильными, как прежде, оставаться,
Вновь закрывая Родину собою.

О войне

Что можно рассказать вам о войне?
О ней так много фильмов снято!
Трудились до неё мы в тишине,
Построить коммунизм мечтали свято.

А утром было перечёркнуто вчера
Громкоголосым гулом самолётов!
Война, как чёрная дыра,
Границы рушила и кровь мешала с потом.

Стояли насмерть юные бойцы!
Собою закрывали дом и землю!
Сражались рядом сыновья, отцы —
Советское стальное поколение.

Союз сплотился, как одна семья,
Собой друг друга закрывали.
Израненная, плакала земля,
А в небе самолёты завывали.

Железо плавилось в отчаянных боях,
Как саранча фашисты лезли напролом.
Но помогли Боги в тех краях
Солдатам нашим отстоять страну и дом!

Всем было холодно и голодно,
В тылу трудились все: и стар, и млад!
Врага долбили словно молотом,
Приблизиться к Победе каждый рад.

Победа! Ликовала вся страна!
А над Рейхстагом флаг алел!
В истории остались имена
Людей советских, их бессмертных дел!
Мы жили, поднимали целину,
Отстроили заводы, города!
Почти забыли ту проклятую войну...
Фашизм воскрес из Ада — вот беда!

Донбасс бомбят — опять в огне,
Взрываются то мины, то снаряды,
А мы привыкли к тишине,
Хотим мы мира — нам войны не надо.

И вот идут мальчишки воевать...
За мир, любовь и за Победу,
Чтобы страна могла спокойно спать
Сотрут они с лица земли войны той беды!

Сергей ГРИНБЕРГ

Родился в 1951 году в селе Кузедеево Кемеровской области в семье геологов. В детстве с родителями жил в разных деревнях Кузбасса. Окончил среднюю школу в Новокузнецке, затем Томский политехнический институт. Служил офицером в Советской Армии. Тридцать лет проработал на Новокузнецком алюминиевом заводе. В 2015 году переехал в Калининград. В Новокузнецке был участником клуба любителей поэзии «Дилижанс» при библиотеке им. Н.В. Гоголя, где познакомился, а потом и подружился с поэтом Русланом Сидоровым и другими городскими поэтами. К поэзии имеет отношение только как читатель. Стихов не писал. Несколько раз писал небольшие заметки для друзей, в основном о новокузнецком поэте Руслане Сидорове.

Увлечения: поэзия, генеалогия, коллекционирование, музеи. Любимые поэты – Пушкин, Пастернак, Высоцкий, поэты Серебряного века и русской эмиграции.

Предлагаем заметки Сергея Гринберга о Руслане Сидорове.

Затерян в памяти сюжет

Летом 2022 года Клара Романовна, мама Руслана Сидорова, прислала мне очередную бандероль с его черновиками. Разбирая написанное Русланом, я прочитал стихи, посвящённые лагерю «Разлив». Покопавшись в памяти, я вспомнил видеозапись поэтического вечера в клубе «Дилижанс» в феврале 2002 года. Тогда Руслан рассказал о молодёжном лагере «Разлив», куда он ездил уже несколько лет.

Вот его рассказ с сокращениями:

«Разлив»

*Я люблю стопроцентных.
Беспримесных.
Неразбавленных разливчан.
Руслан Сидоров*

— Одно из первых моих стихотворений, может быть, и самое первое, которое было прочитано публично, — оно в своём роде беспрецедентно. Вот уже несколько лет, по-моему, одиннадцать, в нашем городе есть такой молодёжный летний лагерь «Разлив». Я был с самого момента основания там каждый год, за исключением вот этого лета — не получилось. Я побывал на первом «Разливе», а на второй «Разлив» меня ребята попросили — напиши песенку или стишок. Я написал, вот там прочитал, и с тех пор каждый «Разлив», официальное его открытие начиналось с того, что я выходил на поляну, брал микрофон и читал вот этот самый стих, который я сейчас вам читаю. Почему он беспрецедентен? Да вот почему. Буквально через года два это моё чтение — оно превращалось вот во что. Я выходил, начинал читать, и вся поляна хором, за исключением, может, новичков, которые только приехали, хором орала этот самый стих. Хоровое чтение стихов — оно, я не знаю, оно как бы не подразумевается вообще. Я думаю, что я просто попал в тематику. Что такое «Разлив»? Это четыре дня на природе. Это всё молодёжь. И атмосфера такая, что четыре дня — это последние четыре дня в твоей жизни. И успевай радоваться. И все успевают радоваться. Это стихотворение я помню наизусть.

*Плохо человеку быть одному.
Кто ж одиночеству будет доволен?
Минимум трое, чтоб пить по уму,
А чтобы спать — это минимум двое.
Так что следите за тем, чтоб никто
Не пил бы вдвоём и не спал в одиночку.*

Я сам покажу пример вам в том.

Могу сейчас. Но лучше ночью.

Я думаю, всё у нас будет красиво.

Я рад, что мы снова все здесь собрались.

Я хотел бы жить и умереть в России,

Если б не было такой земли — «Разлив».

Мы ничего не знали про этот лагерь, кроме того, что рассказал Руслан. В «Дилижансе» Руслан читал стихи, рассуждал о поэзии, рассказывал о поэтах — жизнь в клубе была насыщенной и интересной, история с «Разливом» немного забылась.

После того, как были найдены другие стихи, посвящённые «Разливу», захотелось узнать больше об этом лагере. В этом помогли два человека, хорошо знавших Руслана в те 1990 годы.

Евгения Кабанова в середине 1990 годов была студенткой педагогического института и жила в общежитии. Руслан часто приходил в общежитие к друзьям, там Евгения и познакомилась с ним:

— Его тогда все звали Яков. Часто вечерами мы слушали его стихи и песни. Я играю на гитаре, и столько раз пробовала с ним тогда подпевать его песни, но это абсолютно невозможно... Махнула рукой и не стала, привыкли слушать его соло...

Дмитрий Кустов в 1997 году снимал квартиру у Руслана. Руслан с мамой сдавали свою квартиру в Заводском районе, а сами жили в Калачёво. Дмитрий и Руслан были большими друзьями, вместе сочиняли стихи:

— Ох, сколько я оттуда книг перечитал, когда снимал у него эту квартиру... Много воспоминаний. Много стихов там написано... В общем, продуктивное было время.

В качестве поэтических тренировок мы брали книги классиков, листали их, а потом тыкали пальцем в случайную строчку. Затем, отталкиваясь от этой строчки, мы каждый, сам по себе, писали по стихотворению, а потом читали друг другу, спорили, смеялись... В общем, творческое и весёлое было время. Много я из этих творческих посиделок почерпнул. Спасибо тебе, Руслан, и вечная тебе память!

Про второе имя Руслана — Яков — мы знали от него самого. Друг пригласил его быть крёстным у дочери. Для этого Руслану надо было креститься, но в святцах не было имени «Руслан», поэтому было выбрано другое имя. —

«Яков». В конце XX века друзья так и звали Руслана.

Евгения и Дмитрий хорошо знают тот лагерь «Разлив», о котором говорил Руслан, потому что сами бывали в нём. А Дмитрий, кроме того, принимал участие в его организации. По их рассказам, это был летний молодёжный лагерь, организованный городским комитетом по делам молодёжи. Основателем «Разлива» была семья Пригородовых — отец Вениамин Семёнович и два его сына — Сергей и Павел. Идею создания молодёжного лагеря они предложили, побывав на фестивале «Диснай» в Литве. Международный фестиваль молодых работников атомной энергетики «Диснай» проводился ежегодно с 1988 года. На него собираются молодые атомщики из России и стран Европы.

«Разлив» располагался на поляне под селом Боровково на берегу Томи. Этот палаточный лагерь вмещал около сотни человек, смена продолжалась четыре дня. Каждый день была своя программа: посвящение новичков, КВН, творческие конкурсы и т.п. «В общем, было крайне весело».

Руслан (Яков) в «Разливе» «был фигурой мегапопулярной». Его стихотворение «Плохо человеку быть одному...» читалось хором на открытии лагеря. Кроме того, популярностью пользовалась его стройотрядовская песня «Я не слесарь, не сантехник». (Может быть, у кого-то обнаружится текст этой песни).

Команда Руслана называлась «Уроды». Большинство в ней составляли его друзья, бывшие стройотрядовцы с геофака пединститута. Он работал с ними в фирме ТППС (в «Разливе» они расшифровывали себя как «Трудовое общество подростков и студентов»), которая занималась продажей бытовой техники.

Руслан писал стихи и песни специально для «Разлива», куда он ездил много раз. Одно из таких стихотворений, напечатанное вначале, он «показал», как он говорил, на поэтическом вечере в библиотеке. Три других нашлись в его тетради. Эти полные юмора и жизнелюбия стихи написаны летом 2000 года.

Проснулся, как обычно, в полдень

И, как обычно, с бодуна.

И помню — должен что-то помнить,

А что — не помню ни хрена.

Я помню, с кем я спать ложился.

Я помню, как идти домой.

*Но что-то важное по жизни
Никак не вспомнить, боже ж мой!
Я кипяточком чайник полною.
Я кипяточком помогу
Своей башке чего-то вспомнить,
О чём забыть я не могу.
Не про долги — это понятно.
И не про то, что денег нет.
Гораздо более занятный
Затерян в памяти сюжет.
И вдруг — о, чудо! — всё, что было
(Чай похмелил, не охмелив),
Я вспомнил — Рехтина звонила,
Сказала — едем на «Разлив».
И вот число двадцать восьмое
В календаре обвёл кружком.
Теперь могу идти домой я,
Ну, а точнее, за пивком.
И над листком бумаги сидя,
Я предвкушаю этот час —
«Разлив». И на поляну выйду,
Мы прочитаем стих про нас:
Плохо человеку быть одному...
Кто ж одиночеству будет доволен?*

Дорогие мои, хорошие!

На «Разливе» июль, не сентябрь.

Пусть летят слова, в небо брошены,

Над рекой, словно стая утят.

Вот всё выше и выше на? небо

Растянулась строка стиха.

Перепишем историю на?ново —

Помесь подвига и греха.

Ничего не отринем. Примем всё.

Здесь для счастья нам каждый час.

Я люблю стопроцентных. Беспримесных.

Неразбавленных разливчан.

К «Разливу»

В июле тёплая вода течёт в реке Томи.

Летом неважно в городах, город нас утомит.

И мы собрались сюда за ради праздника,

Нужна для сердца иногда в радости практика.

Поляна, музыка, в костре угля красные.

Каждому брату по сестре, и это правильно.

Каждой сестре потребен брат,

чтобы по-прежнему

Знать, что и к нам ещё добра,

хоть мы и грешные.

Вот снова «Осень» запоют

под струны дождика.

Значит, кончается июль, значит, мы дожили.

Значит, доехали, дошли все, кто хотел дойти,

Все, кто хотел тебя,

«Разлив», за безальтернатив.

Пускай мы грешные с тобой, ответим на?небе.

А на поляне бог — любовь, поляна набожна.

Если вино — христова кровь,

все мы тут кровники.

Угол палатки если хром, все уголовники.

Сердечное спасибо

Евгении Кабановой и

Дмитрию Кустову за рассказы о

Руслане!

Сентябрь 2022г.

Мой ароматный, крепкий и бодрящий друг...

Выпьем чашечку чая, авось, полегчает...
Руслан Сидоров

Друзья Руслана знают, что он был любителем, ценителем и знатоком чая. Предпочитал зелёный, но пил и чёрный, и травяной. На наших чаепитиях в «Дилижансе» заваривал в чашке крупнолистовой зелёный. Подносил чашку к лицу, вдыхал аромат, пил маленькими глотками — всё, как полагается знатоку. Выпив, «женил», то есть доливал кипятка, наставлял, закрыв чашку салфеткой. Как истинный ценитель, к чайным пакетикам относился с пренебрежением, но если не было листового чая, заваривал сразу два-три пакетика зелёного.

Как-то на поэтическом вечере Руслан рассказал, что однажды нашёл запись в старой школьной тетрадке: «Три вещи я никогда не разлюблю: чай, баню и рыбалку». (Забегая вперёд, отметим, что эти привязанности школьных лет, действительно, сопровождали Руслана на протяжении всей его короткой жизни).

На вечерах в «Дилижансе» руководительница Н.Г. Кротова обычно вручала ведущему небольшой презент — книжку, шоколадку, коробочку конфет. Зная пристрастие Руслана, мы не удивлялись, когда после авторского вечера ему частенько презентовалась пачка хорошего зелёного чая.

В литературном наследии Руслана есть две общие тетради, в которых записан его юношеский дневник 1985–86 гг. В первой тетради описана туристическая поездка по Енисею после окончания школы. Во второй — поступление в Кемеровский университет и учёба на первом курсе. Много уважительных и восхищённых строк дневника посвящено чаёвничанию, завариванию чая, рассуждениям о чае.

Уже в первой тетради читаем упоминание о радующей душу покупке:

«13 июля 1985. Сегодня мы ездили в Дундинку. О ней я опять промолчу. Но там я купил чайничек, такой маленький чайничек вместимостью с кружку. Я такой давно искал. К этому неплохо добавить, что в Норильске мы разжились тремя пачками индийского чая».

Совершенно понятна нескрываемая радость, исходящая от этих строк. Ведь это так приятно — приобрести хорошую и нужную вещь, о которой давно мечтал! Я имею в виду чайничек. А уж три пачки дефицитнейшего индийского чая — в то время это было почти несбыточной мечтой, осуществить которую можно было, как мы видим, разве что на Крайнем Севере.

Во второй тетради среди описаний студенческого быта, размышлений о жизни и о себе много записей посвящено чаю, из чего можно сделать вывод: уже в шестнадцать лет Руслан был знатоком и любителем этого напитка.

«16.08.85. (Кемерово). Сейчас чаёк, наверное, заварился уже. Для справки: чай, в/с, Тб., чаеразв. ф-ка. Хороший чай!»

А заварился бату(ской) ф-ки. Попил. Дрянной чашишко.

18.08.85. (Кемерово). Чифиру напился. Потребление чая я здесь никак не могу регулировать. Не нормируется. Дома хорошо было — заварил чашечку и кроме неё больше в этот день ничего не пьёшь. А здесь: ты заварил банку. Выпил. Другие заварили. Ты с ними пьёшь. И в день приблизительно че-

тыре нормы прежних незаметно выпивается. Надо избавляться от этого. Здоровье мне дорого.

20.08.85. (Калачёво). ... Я так в баньке напарился! Душа с телом до сих пор оду «К радости» поют... А сейчас чайком из чабреца со зверобоем балуюсь. И Шукшиным заодно упиваюсь.

2 октября 1985. (Кемерово). Приеду домой. Пойду в лес, на бережок Поварки. Сяду. Возьму тетрадь с собой. Стану писать лес. А ещё я дома чай буду пить в своём кресле. Сначала буду вдыхать его аромат, потом подую, а потом выпью.

Наверное, днём — индийский, а вечером — цейлонский. А на следующий день буду пить «Экстру». Я ведь теперь в чаях богатый. А потом пойду по друзьям.

Конец октября 1985. (Кемерово). Сейчас пойду заварю чайку и приду размышлять на тему завтрашнего диспута...

В дневнике встречаются подобные записи — «заварю чай и начну...», «попью чайку и пойду...». Человек, ведущий дневник, не станет записывать в него повседневные, привычные дела вроде «надел рубашку», «уходя, закрыл дверь на ключ». Ясно, что для шестнадцатилетнего Руслана чай — не просто утоление жажды или обычное завершение завтрака. Это и удовольствие, и серьёзное, значительное, даже сакральное действие. Чаепитие может сопровождать какое-то занятие, например, чтение Шукшина. Может предшествовать серьёзному делу, скажем, подготовке к диспуту. А может стимулировать размышления или просто быть частью блаженного состояния. И заметим, что любимый напиток Руслана часто называет ласково-уменьшительно — «чаёк».

«1 декабря 1985. (Калачёво). И вот я снова за круглым столом. Топится печь в кухне, и слышно, как свистит на ней чайник.

10 декабря 1985. (Кемерово). Сейчас допью чаёк и поговорю с тобой, Руслан.

В дневнике Руслан записывает и особые, радующие душу события: поездки из Кемерово домой, встречи с друзьями, студенческие вечеринки, Новый год. Вот один из таких радостных дней:

9 января 1986. Праздник у меня! Мне принесли индийский чай самого высшего сорта, королевский чай! Дункан. Попробую».

В дневнике появляются робкие юношеские стихи Руслана. Одно из них посвящено чаю.

15 января 1986. Чаю (Четверостишие посвящаю Прекрасному напитку — ЧАЮ!) Ты в грустную минуту — мне товарищ. И в час подъёма и веселья — ты мой друг.

Меня, я верю, никогда ты не оставишь, Мой ароматный, крепкий и бодрящий друг.

Сколько искренности и восхищения в этом наивном четверостишии, в котором семнадцатилетний Руслан назвал чай «товарищем» и «другом»! Последняя строчка имеет полное право стать названием для всего написанного.

Эти дневниковые записи интересны тем, что говорят о трепетном отношении к чаю ещё совсем юного Руслана. Можно выпить чай на ходу, второпях, а можно, сидя в любимом кресле и, отрешившись от всего, сначала вдыхать его запах, потом подуть и лишь после этого пить. Можно заварить любой чай, подвернувшийся под руку, а можно днём — индийский, вечером — цейлонский, а на завтра — «Экстру». Можно пить и ни о чём не думать, а можно пить и читать Шукшина. Можно просто поблагодарить друзей, принёсших пачку чая, а можно назвать этот день праздником.

В том же дневнике Руслан написал небольшой рассказ «Банька». Молодой человек (повествование ведётся от первого лица) приезжает в гости к старику Макарычу. Пребывание в гостях начинается с чаепития. У Макарыча чай — это ритуал, священнодействие, это встреча дорогого гостя и начало разговора.

«Но наконец Макарыч успокаивается. Усаживает меня за стол.

— Сейчас чайку придумаем. Вот. С мёдом. Это с морозу очень даже полезно тебе будет. Вот.

Чай у Макарыча я люблю. Он туда «для особого скусу и духмяности» каких-то ещё травок подсыпает. Отличный чай получается! А если его ещё со свежим липовым мёдом соединить, то... М-м!..

За окном холодная зимняя ночь. Мороз на улице. А в избе тепло. Макарыч только что угля подсыпал в печь. На столе горячий чай, мёд. Больше ничего. Тихо. Макарыч терпеливо молчит, пока я пью чай».

На следующий день после бани герои снова пьют чай — это блаженство и, опять же, важная часть серьёзной беседы.

«Потом с Макарычем пили его чай с мёдом. Он мне рассказывал про своего фронтového товарища. Как тот воевал, был ранен, лежал в госпитале. Опять воевал, ещё одно ранение, плен, побег. Его поймали, били, отправили в другой лагерь. Снова побег, и снова он воевал. Очередное ранение, госпиталь, передовая... Тот парень погиб в Берлине за три дня до Победы. Шёл ему тогда двадцать первый год».

Прошли годы. Руслан стал признанным в городе поэтом. И в зрелом возрасте он сохранил любовь к чаю (а также — если вспомнить старую запись в школьной тетрадке — к бане и рыбалке). Более того, чай стал для него стимулятором творчества. В телепередаче «Девять муз» (1994г.) в интервью журналисту Александру Замогильному Руслан сказал: «... чтобы писать стихи, ... я перечисляю, что для меня важно: нужно быть трезвым, нужно иметь ручку или карандаш и бумагу, нужно выпить две или три чашки хорошего чая и закурить сигарету».

Позже в одном из стихотворений Руслан, перечисляя условия, необходимые для творчества, почти повторил сказанное в том давнем интервью: *Для вдохновения не нужно выбирать Особых мест, времён или их единства.*

Для действия: трезвость, чай, перо, тетрадь, Конечно, и талант бы пригодился...

Привязанности и пристрастия поэта косвенно или прямо отражаются в его творчестве. На протяжении всей короткой жизни любимый напиток — чай — сопровождал Руслана не только в жизни, но и в его стихах. Упоминания о нём рассыпаны в десятках стихотворений.

... Не сплю. Курю. Читаю. Чай Прихлёбываю из пиалы В который раз, а мне всё мало. Тетрадь. Бессонница. Свеча...

... А после — чай: тысячелистник, мята, Душица, зверобой, чабрец и пижма... И в заключение — несколько стихотворений Руслана, посвящённых чаю.

Чай

*Коллоидный раствор листа
Чуть мутноват, коричневатый.
Лист снят с китайского куста.
Прогонит прочь придурковатость.
Природа терпит пустоту
Не долее долей секунды.
А вслед неведомо откуда
Ангел-творитель тут как тут.
Ангел-творитель — он же мой
Пока еще хранитель-ангел.
Попишем — улетит домой
Спать в жестяной китайской банке.*

*Зелёный рай,
Зелёный змей,
Зелёный плод,
Зелёный лист.
Зелёный чай
И синий спирт,
И белая горячка,
В который раз
Подлунный мир,
Добро и зло,
Прилив-отлив...
Горит свеча,
Душа горит,
Зелёный чай горячий.*

*Вот моя келья, чайник-лейка,
Пиала в алый крап.
В неё зелёного чая налей-ка
С утра (я пью с утра).*

*Зелёный чёрного душистей,
И, не в пример, бодрит.
(Китаец знает о тайнах жизни
Побольше, брат, чем брит).*

*Фарфор (фаянс — не то для чая),
Мёд, курага, инжир,
Сам чай. Ну вот и всё для счастья.
Чуть не забыл! — И жизнь.*

*Откушали, хватит. Пошли, душа.
Нам ещё — ух, куда! —
Жить хорошо, жизнь хороша.
— Да? — Иногда. — Да.*

*Выпьем чашечку чая, авось, полегчает.
Чай смягчает печали, прочищает мозги.
Много славного с «ЧА» есть:
Скажем, с ЧАстью и ЧАстностью...
Выпить чашечку чая — на миг стать другим.
Стать добрее, мудрее, прощённей и тише.
Эта ночь будет лучше и звёзды ясней.
Пусть на миг, но созреет,
Пусть на миг, но услышит
Кто-нибудь, про кого мы:
«Наконец-то я с ней...»*

4 авг. 2000г.

Новокузнецк-Калининград

Итоги литературно-творческой работы Южно-Кузбасского литсообщества и РЛХГА «Усятская россыпь» в 2022 году

После ковидного 2021 года из-за масочного режима в стране и ограничения встреч в общественных местах литературная жизнь в регионе приутихла, даже своевременно выпущенный 18-й номер ЛХГА «Усятская россыпь» фактически остался нераспространённым.

Тем не менее, творческая и издательская работа в сообществе и в коллективе РЛХГА не прекращалась, и в конце 2021 года увидела свет очередная (третья) книга А.Н. Гуляева «Из истории Сибири и Кузнецкого края», выпущенная трёхтомником.

В 2022 году литературно-творческая жизнь в регионе начала оживляться, заработали литературные клубы и литературные сообщества как в Прокопьевске и в Новокузнецке, так и в других городах.

В конце апреля 2022 года увидел свет 19-й номер «Усятской россыпи», в котором были опубликованы произведения 22 авторов (стихи и проза): Николая Миронова, Анатолия Гуляева, Александра Макаревича, Людмилы Танковой, Александра Васюнова, Нины Струц, Таяны Тудегешевой, Людмилы Ивановой, Олега Афанасьева, Ивана Абина, Владимира Черноусова, Александра Колтакова, Вячеслава Елатова, Натальи Казаниной, Нины Савенковой, Сергея Гринберга и Сергея Павлова.

В августе 2022 года увидели свет: - 29-й литературно-художественный сборник (поэзии и прозы) под названием «Улыбка на лице» (объёмом 220 страниц) союза любителей поэзии «Кузбасский родник», организатором, редактором и составителем которого является руко-

водитель союза, неутомимая прокопчанка Людмила Павловна Лукьянова. В сборник вошли произведения 39 авторов, как здравствующих ныне, так и умерших...

Презентация сборника «Улыбка на лице» проводилась 4 декабря в актовом зале Дома общественных организаций города Прокопьевска.

- Литературно-художественное издание «Антология самобытной поэзии Кузбасса», автором, составителем и ответственным редактором которого является Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна, представляющая кемеровский литературный клуб «Слово», творческое объединение самобытных поэтов Кузбасса. В Антологии представлены сведения об авторах, их стихотворения и фотографии 190 литераторов области, кратко рассказано о 22 поэтических клубах и литературных объединениях Кузбасса.

Презентация поэтического сборника «Антология самобытной поэзии Кузбасса» проводилась 16 октября в актовом зале Центральной городской библиотеки города Прокопьевска.

Что можно сказать о самом издании: книга хорошая, солидная – 560 страниц большого формата (160x230 мм.), хорошо отредактирована и хорошего же качества с полиграфической точки зрения, выпущена на средства авторов (в складчину).

В апреле 2019 года Анатолий Гуляев написал статью «Если гора не идёт к Магомету», опубликованную в ЛХГА «Усятская россыпь», № 16. В первом томе книги «Из истории Сибири и Кузнецкого края» в 2021 году автор начал рассказывать о зарожде-

нии в Кузбассе новой литературно-художественной деятельности, выпускающей свои разработки на свои собственные деньги (единолично или в складчину). Тогда автор статьи, ведя свой разговор, полагался лишь на работу новокузнецких и прокопьевских литературных клубов, их поэтов и прозаиков. В «Антологии самобытной поэзии Кузбасса», как было сказано выше, названы 22 литобъединения Кемеровской области (Кузбасса) и 190 авторов. Сейчас с гордостью можно сказать, что начатое дело (любительской литературы) в конце 1990 годов не погибло, оно развивается, и не за горами те времена, когда авторы, выросшие из этой, новой русской литературы, начнут добиваться значимых успехов и результатов как для нашей области, так, возможно, и для всей страны. Заканчивая начатый разговор об «Антологии...», нельзя не сказать, что, единственное, с чем не согласен автор этих слов, так это то, что авторы «Антологии...» называют нашу литературную деятельность «самобытной». На мой взгляд, вернее было бы ска-

зано, если бы они назвали её «самодельной» или «любительской». Поскольку «самобытность», возможно, где-то у нас и есть! Но в чём заключается «самобытность» в произведениях авторов, опубликованных в этой солидной книге?

...Вернувшись к информации о книге «Из истории Сибири и Кузнецкого края», можно сказать следующее:

- Первая презентация трёхтомника была проведена 25 февраля 2022 года в актовом зале Центральной го-

родской библиотеки города Прокопьевска.

А 18 ноября книга была представлена Н.Н. Семёновой, руководителем клуба «Краевед» Прокопьевского муниципального района, в актовом зале библиотеки села Терентьевское Прокопьевского муниципального района в свете программы «Сибирская книга», под «вывеской» и названием – «Я, усятский!». На встрече ведущая, заведующая Терентьевской поселковой библиотекой Л.М. Митичкина, кроме представляемой книги, рассказала о других книгах Гуляева А.Н., и о всех выпусках Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

А.Н. Гуляеву было задано несколько вопросов присутствовавшими в зале, на которые он подробно ответил.

Кроме того, А.Н. Гуляев рассказал о своей новой (4-й книге) с предварительным названием «Русские всполохи» (исторический роман), над которым он сейчас работает и в котором ведётся речь об истории нашего Отечества, охватывающих события от начала Первой мировой и гражданской войн и далее, вплоть до современных событий...

По завершении встречи Н.Н. Семёнова вручила А.Н. Гуляеву благодарственное письмо, в котором сказано:

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Примите слова искренней благодарности за встречу с членами районного клуба «Краевед» и жителями села Терентьевское Прокопьевского муниципального округа.

Вы – потрясающий рассказчик, удивительно светлый человек, полный жизненной энергии и оптимизма!

На протяжении многих лет Вы сохраняете верность краеведению, занимаетесь поисковой и исследовательской деятельностью, пропагандируете краеведческие материалы, пишете и издаёте книги. Ваша работоспособность вызывает огромное уважение!

Анатолий Николаевич, пусть Удача, Успех и Вдохновение будут верными спутниками во всех Ваших начинаниях!

Желаем Вам здоровья, бодрости духа, счастья, мира, благополучия и неиссякаемого жизнелюбия! Добра и радости Вам, Вашей семье и всем, кто Вам близок и дорог.

С уважением, от имени клуба «Краевед» председатель клуба

Н.Н. Семёнова.

18.11.2022 года, с. Терентьевское».

В Интернете на сайтах названных библиотек есть небольшие информации об этих презентациях.

Анатолий Николаевич – полковник в отставке, главный редактор Региональной литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь», член Союза журналистов России. После увольнения с воинской службы в запас изучение истории родного края стало смыслом его жизни.

В 2013 году вышла его первая историко-краеведческая книга «Прокопьевск ... в летописях».

Работа по дальнейшему изучению исторических материалов продолжалась и в дальнейшем легла в основу трёхтомника «Из истории Сибири и Кузнецкого края». В первый и второй тома этой книги вош-

ли научные статьи, исторические мемуары разных авторов, касающиеся истории Сибири, Кузнецкого края, города Прокопьевска, Прокопьевского района и села Усыты. Третий том – это литературно-художественная часть, состоящая из повестей и рассказов автора.

На презентации в Прокопьевске Анатолий Николаевич рассказал, какие печатные материалы легли в основу этого ценного краеведческого издания, какие трудности пришлось преодолеть автору во время работы с историческими документами.

Своими воспоминаниями о событиях и людях, упомянутых в книге, поделились Юрий Иванович Мордвин и Виктор Григорьевич Старченко, а также Наталья Васильевна Арбатская, внучка заслуженного учителя Марии Васильевны Сухаревой, о которой автор рассказывает во втором томе книги.

Поэтический и музыкальный подарок преподнёс герою встречи и всем присутствовавшим на встрече прокопчанам прокопьевский бард и поэт Николай Ключков.

19 апреля книга «Из истории Сибири и Кузнецкого края» была представлена Новокузнецким отделением Союза журналистов России литературной общественности и жителям города в актовом зале Дома творческих союзов города Новокузнецка.

Свежее издание получило хороший отклик среди новокузнецких читателей. А главное, его заметили и оценили краеведы, специалисты, работающие в музеях Новокузнецка.

В частности, вот что отметил Пётр Пет-

рович Лизогуб, заместитель директора по научной работе Новокузнецкого городского краеведческого музея: «...Этот трёхтомник стал ещё одним серьёзным источником исторических событий, которые Анатолий Николаевич Гуляев обнаружил в найденных им документах. Автор хорошо потрудились как исследователь и сумел интересно преподнести их нам, его современникам...»

Желающих иметь новое издание о Сибири в своём личном пользовании оказалось намного больше, чем ожидал писатель. А кому посчастливилось, получили автограф писателя А.Н. Гуляева.

Опустела без тебя земля...

К великому сожалению, прошедший 2022 год не обошёлся без потерь.

18 августа на 84-м году ушёл из жизни наш добрый друг, товарищ и Учитель с большой буквы Вячеслав Иванович Елатов.

Вячеслав Иванович родился 6 мая 1939 года в городе Баку. В 1956 году, после окончания учёбы в общеобразовательной школе, получил рабочую специальность электромонтёра в профессионально-техническом училище, работал электромонтёром на Бакинском нефтепромысле...

С молодых лет Вячеслав Иванович являлся страстным читателем художественной литературы. Читал и любил произведения многих и русских, и зарубежных авторов. Поэтому с литературой и решил связать свою дальнейшую трудовую деятельность и жизнь: в 1962 году он поступил учиться, а в

1966 году окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета и по распределению был направлен на работу в Сибирь, в систему образования города Прокопьевска Кемеровской области, где и прошла большая часть его дальнейшей трудовой жизни и деятельности.

С 1966-го по 1991 годы Вячеслав Иванович Елатов работал учителем русского языка и литературы в средних общеобразовательных школах города Прокопьевска, в том числе — в Красногорской школе № 25, позднее, и в старейшей Прокопьевской городской школе № 1.

В эти годы он заочно окончил Иркутский институт иностранных языков, после этого параллельно с русским языком преподавал в средних школах города и английский язык. Общий школьный преподавательский стаж Вячеслава Ивановича Елатова равен четверти века, 25 годам.

Уйдя в 1991 году на пенсию, дома он

не сидел, продолжал работать в охранных предприятиях города. В это время он серьёзно начал заниматься литературно-художественной и публицистической деятельностью в области литературоведения и по другим направлениям. Писал литературоведческие статьи, многие из которых опубликовал в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске.

В городе Кемерово он опубликовал много статей в литературном журнале «Огни Кузбасса». Не обошёл своим вниманием Вячеслав Иванович Елатов и прокопьевские городские газеты: «Шахтёрскую правду», «Весь Прокопьевск», «Диалог», «Народовластие» и ЛХГА «Усытская россыпь».

В 2014 году Вячеслав Иванович выпустил свою первую книгу «Остаюсь учителем», а в 2019 году — вторую, «Реплика с места».

Начав тесное сотрудничество и работу в прокопьевском городском литературном клубе «Вдохновение», Вячес-

лав Иванович проводил занятия с членами этого клуба — поэтами, по правилам стихосложения...

Буквально за шесть дней до своей смерти Вячеслав Иванович позвонил по телефону редактору ЛХГА «Усытская россыпь», поздравил его с Днём ВВС, бодро рассказал о своих наработках, сообщил о том, в какие издания отправил написанные в последнее время материалы для публикации. Сообщил, что несколько новых своих статей отправил он и в редакцию ЛХГА «Усытская россыпь»...

И вот Вячеслава Ивановича Елатова не стало, А.Н. Гуляеву сообщила эту грустную и печальную весть его дочь...

Опустела без него земля — Прокопьевская городская и Кемеровская областная литературные обществности понесли невосполнимые потери...

Пусть земля будет ему пухом, а в памяти и сознании знавших его людей Елатов Вячеслав Иванович всегда будет живой!

«Любите жизнь за то, что она есть...»

20 февраля 2023 года на блоге интернет-сайта Прокопьевского поэтического клуба «Вдохновение» появилась информация, что скоропостижно ушла из жизни замечательная прокопьевская поэтесса Любовь Борисовна Вилисова.

Родилась Любовь Борисовна первого января 1959 года в небольшой деревеньке Барагаш, затерявшейся в живописных горах Горного Алтая.

С родительской семьёй переехала на жительство в шахтёрский город Прокопьевск Кемеровской области, где и прошла большая часть её детских и школьных лет, здесь она окончила среднюю общеобразовательную школу № 33. После окончания учёбы в школе Любовь Борисовна окончила индустриальный техникум. Затем 12 лет жила на Кавказе. В 1991 году с дочкой вернулась на жительство в Прокопьевск. Когда появилась внучка, она начала писать для неё стихи, которые переросли в стихи для взрослых.

В 2015 году она познакомилась с прокопьевскими поэтами, начала посещать литературные клубы «Вдохновение» и Союз любителей поэзии (СЛП) «Кузбасский родник».

Стихи Любви Борисовны Вилисовой публиковались в литературно-поэтических сборниках СЛП: «Они сражались за Родину», «Хрестоматия по региональному компоненту», «Любовью дорожить умеете», «Детство босоногое моё», а также в седьмом выпуске сборника стихов и прозы поэтического клуба «Вдохновение», увидевшего свет в 2022 году.

В своих стихах она рассказывает своему читателю о самом дорогом и самом ценном в жизни каждого человека: любви и терпимости ко всему окружающему.

Любови Борисовны не стало среди

нас, но память о ней сохранится в наших сердцах, навсегда — в её стихах!

А.Г. Руденко, А.П. Лукьянова, Ю.И. Моравин, А.Г. Клапату, Н.И. Чумирин, Н. Тверскова, А.Н. Гуляев и другие.

Любовь Вилисова

Любимых не теряйте

Любимых не теряйте, берегите —
За каждый миг судьбу благодарите.
За взгляд, улыбку и простое слово —
Общенье, встречи стоят дорогого.
Не обижайте речью бранной,
Она осядет в сердце словно рана.
И будет нить, тревожить по ночам,
Покой покинет, горько будет вам.
Побольше говорите добрых слов —
Внимание, забота — есть любовь.
Цветы любимым с радостью дарите,
В глаза любимым с нежностью смотрите.
А коль беда застанет вас врасплох,
Вы будьте рядом, чтоб последний вздох
Вы слышали, ведь он не повторится,
Любимых образ будет только снится.
Любимых не теряйте, берегите.
А кто расстался, строго не судите.
Ничто не вечно в жизни нашей,
Так берегите половинку вашу.

На благо жизни на Земле

Всевышний сотворил земную твердь,
Он подарил небесные нам дали.
Ночами мы могли б туда смотреть,
На россыпь звёзд, и как они сияли.
Зажжёт в оправе яркой, золотой
Лучистое и жаркое светило,
Чтоб грело летом, чуточку зимой,
Столетия шли, а солнце было.
На землю воду опустил с небес,
Живительную влагу нам оставил.
Он много сотворил с водой чудес,
На благо жизни на земле направил.
Отдал частицу от себя — любовь,
Великое, божественное чувство.

Не покидало, волновало вновь,
А мир людей наполнило искусство.
Подумал Бог, что тихо на земле,
И сотворил на радость птичек певчих.
Звучали серенады при луне —
Но ноты дал в утеху дел сердечных.
Нам подарил цветочный аромат;
Вдохнув его, от счастья замирали.
И бесконечно удивлял бы сад,
Когда плоды мы сладкие вкушали.
Во всём оставил нам свою любовь:
В лучах заката, в утренних рассветах.
Поля из маков алые, как кровь,
Нас восхищают красотой в букетах.
Как надо было всё предусмотреть,
Чтоб мир земной так выглядел прекрасно.
Никто не сможет в этом преуспеть,
Велик Творец, деянья не напрасны!

Мир земной

По бескрайним полям,
По лесам и долинам,
По высоким горам
Снег прошёл лавиной.
И застыли от стужи
Все озёра и реки.
Океаны, как лужи,
Льдом покрылись навеки.
Ароматы цветов
Растворились в снежинках.
Горы вечных снегов
Отразились во льдинках.
В буйстве белого плена
Погибала Земля.
Жизнь на то и нетленна,
Чтоб начать всё с нуля.
Через много веков
Снова жизнь возродится.
И в поляны цветов
Можно будет влюбиться.
Буйством красок Земля
Вновь одарит природу.
В этот мир я приду
С благодарностью Богу!

Дарите улыбки

Давайте чаще улыбаться —
Не морща лоб, не хмурия бровь.
Давайте с грустью расставаться,
Улыбки всем дарите вновь.

Родным, проходим улыбайтесь,
Пусть радость в вашу жизнь войдёт.
Быстрой с печалью распрощайтесь,
Она когда-нибудь сойдёт.
Любовь впустите в своё сердце,
Она вам жизнь перевернёт.
Пред ней вы распахните двери,
Кто любит, тот меня поймёт.
Природе радуйтесь, ночами
Любуйтесь звёздами — свечами.
Встречайте утренний рассвет —
Картины той прекрасней нет.
Вдыхайте сада аромат,
Он оживит потухший взгляд.
Вы осторожно, не спеша,
Нагнёте ветку, чуть дыша.
Цветок, как малое дитя,
Вы поцелуете любя.
Давайте утром улыбаться
И миром нашим восхищаться.
Кто не умеет, пусть не злится —
Не каждый может измениться.
И пусть добра в нас станет больше,
Тогда и жить все будем дольше!

В душе храните то, чем дорожите

В душе храните то, чем дорожите —
Любите жизнь за то, что она есть.
А зависть, злобу от себя гоните —
Не дайте им в душе своей осесть.

Не причиняйте боль другим, не надо,
Ведь ранить сердце просто и легко.
Боль обернётся бумерангом с ядом,
Спасения не будет от него.

Не надо унижать и сквернословить,
Вам с этим неуютно будет жить.
Давайте доброе творить и помнить:
Лишь так плохое сможем победить.

И о любви, прошу, не забывать —
Она, как ключик, все откроет двери.
А если полюбить, как в юности, сумели —
То хамство к ней, прошу, не позволять.
Как мало человеку в жизни надо —
Счастливым быть, конечно же, любить.
Понять, простить, не это ли отрадно.
И мир вокруг себя преобразить.